БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ИСТОРИЯ

ЧАСОПІС
БЕЛАРУСКАГА ДЗЯРЖАЎНАГА ЎНІВЕРСІТЭТА

ГІСТОРЫЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

HISTORY

Издается с января 1969 г.
(до 2017 г. – под названием «Веснік БДУ.
Серыя 3, Гісторыя. Эканоміка. Права»)

Выходит один раз в квартал

2 **2020**

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор **КОХАНОВСКИЙ А. Г.** – доктор исторических наук, профессор; декан исторического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: kohanovsky@bsu.by

Заместитель главного редактора **МЕНЬКОВСКИЙ В. И.** – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры истории России исторического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: menkovski@bsu.by

Ответственный секретарь **МАЛЮГИН О. И.** – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории древнего мира и средних веков исторического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: maliugin@bsu.by

Белецкий С. В. Институт истории материальной культуры Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия.
Бон Т. Гисенский университет им. Юстуса Либиха, Гисен, Германия.
Бородкин Л. И. Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.
Волански Ф. Институт истории Вроцлавского университета, Вроцлав, Польша.
Жеребцов И. Л. Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, Сыктывкар, Республика Коми.
Линднер Р. Констанцкий университет, Констанц, Германия.
Упадуэй А. Центр российских и центральноазиатских исследований Университета им. Джавахарлала Неру, Дели, Индия.
Фишер Д. Техасский университет в Браунсвилле, США.
Фэн Ш. Институт международных отношений и регионального развития, Центр изучения России Восточно-Китайского педагогического университета, Шанхай, Китай.
Шмигель М. Университет Матея Бела, Банска-Бистрица, Словакия.
Яновский О. А. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Бригадин П. И. Институт бизнеса Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
Вабищевич А. Н. Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина, Брест, Беларусь.
Виддер Э. Институт средневековой истории Тюбингенского университета им. Эберхарда Карла, Тюбинген, Германия.
Дук Д. В. Могилёвский государственный университет им. А. А. Кулешова, Могилёв, Беларусь.
Карпов С. П. Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.
Карпюк С. Г. Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия.
Коваленя А. А. Национальная академия наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Колесник В. Ф. Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко, Киев, Украина.
Космач В. А. Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, Витебск, Беларусь.
Кошелев В. С. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Лавринович Д. С. Могилёвский государственный университет им. А. А. Кулешова, Могилёв, Беларусь.
Ларин М. В. Историко-архивный институт Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия.
Локотко А. И. Национальная академия наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Марзалюк И. А. Палата представителей Национального собрания Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
Мезга Н. Н. Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины, Гомель, Беларусь.
Микнис Р. Институт истории Литвы, Вильнюс, Литва.
Нечухрин А. Н. Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, Гродно, Беларусь.
Пилипенко М. Ф. Институт искусствоведения, этнографии и фольклора им. Кондрата Крапивы Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Туманс Х. Латвийский университет, Рига, Латвия.
Ходин С. Н. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Федосик В. А. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Шадурский В. Г. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

РЭДАКЦЫЙНАЯ КАЛЕГІЯ

Галоўны рэдактар — **КАХАНОЎСКІ А. Г.** – доктар гістарычных навук, прафесар; дэкан гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь.
E-mail: kohanovsky@bsu.by

Намеснік галоўнага рэдактара — **МЕНЬКОЎСКІ В. І.** – доктар гістарычных навук, прафесар; прафесар кафедры гісторыі Расіі гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь.
E-mail: menkovski@bsu.by

Адказны сакратар — **МАЛЮГІН А. І.** – кандыдат гістарычных навук, дацэнт; дацэнт кафедры гісторыі старажытнага свету і сярэдніх вякоў гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь.
E-mail: maliugin@bsu.by

Бародкін Л. І. Маскоўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя М. В. Ламаносава, Масква, Расія.
Бон Т. Гісенскі ўніверсітэт імя Юстуса Лібіха, Гісен, Германія.
Бялецкі С. В. Інстытут гісторыі матэрыяльнай культуры Расійскай акадэміі навук, Санкт-Пецярбург, Расія.
Валанскі Ф. Інстытут гісторыі Вроцлаўскага ўніверсітэта, Вроцлаў, Польшча.
Жарабцоў І. Л. Інстытут мовы, літаратуры і гісторыі Комі навуковага цэнтра Уральскага аддзялення Расійскай акадэміі навук, Сыктыўкар, Рэспубліка Комі.
Ліндмер Р. Канстанцкі ўніверсітэт, Канстанц, Германія.
Упадуэй А. Цэнтр расійскіх і цэнтральнаазіяцкіх даследаванняў Універсітэта імя Джавахарлала Неру, Дэлі, Індыя.
Фішэр Д. Тэхаскі ўніверсітэт у Браўнсвіле, ЗША.
Фэн Ш. Інстытут міжнародных адносін і рэгіянальнага развіцця, Цэнтр вывучэння Расіі Усходне-Кітайскага педагагічнага ўніверсітэта, Шанхай, Кітай.
Шмігель М. Універсітэт Мацея Бела, Банска-Бістрыца, Славакія.
Яноўскі А. А. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.

МІЖНАРОДНЫ РЭДАКЦЫЙНЫ САВЕТ

Брыгадзін П. І. Інстытут бізнесу Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь.
Вабішчэвіч А. М. Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна, Брэст, Беларусь.
Відэр Э. Інстытут сярэднявечнай гісторыі Цюбінгенскага ўніверсітэта імя Эберхарда Карла, Цюбінген, Германія.
Дук Д. У. Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова, Магілёў, Беларусь.
Каваленя А. А. Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
Калеснік В. Ф. Кіеўскі нацыянальны ўніверсітэт імя Тараса Шаўчэнкі, Кіеў, Украіна.
Карпаў С. П. Маскоўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя М. В. Ламаносава, Масква, Расія.
Карпюк С. Г. Інстытут усеагульнай гісторыі Расійскай акадэміі навук, Масква, Расія.
Космач В. А. Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П. М. Машэрава, Віцебск, Беларусь.
Кошалеў У. С. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Лакотка А. І. Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
Ларын М. В. Гісторыка-архіўны інстытут Расійскага дзяржаўнага гуманітарнага ўніверсітэта, Масква, Расія.
Лаўрыновіч Д. С. Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова, Магілёў, Беларусь.
Марзалюк І. А. Палата прадстаўнікоў Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь, Мінск, Беларусь.
Мікніс Р. Інстытут гісторыі Літвы, Вільнюс, Літва.
Мязга М. М. Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны, Гомель, Беларусь.
Нячухрын А. М. Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы, Гродна, Беларусь.
Піліпенка М. Ф. Інстытут мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя Кандрата Крапівы Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
Туманс Х. Латвійскі ўніверсітэт, Рыга, Латвія.
Ходзін С. М. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Фядосік В. А. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Шадурскі В. Г. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief	**KAKHANOUSKI A. G.**, doctor of science (history), full professor; dean of the faculty of history, Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: kohanovsky@bsu.by
Deputy editor-in-chief	**MENKOUSKI V. I.**, doctor of science (history), full professor; professor at the department of Russian history, faculty of history, Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: menkovski@bsu.by
Executive secretary	**MALIUGIN O. I.**, PhD (history), docent; associate professor at the department of ancient and medieval history, faculty of history, Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: maliugin@bsu.by

Beletsky S. V. Institute of History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia.
Bohn T. Justus Liebig University of Giessen, Giessen, Germany.
Borodkin L. I. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
Feng Sh. School of Advanced International and Area Studies, Centre for Russian Studies of the East China Normal University, Shanghai, China.
Fisher D. C. University of Texas Rio Grande Valley, Brownsville, USA.
Lindner R. University of Konstanz, Konstanz, Germany.
Šmigeľ M. Matej Bel University, Banská Bystrica, Slovakia.
Upadhyay A. Centre for Russian and Central Asian Studies, Jawaharlal Nehru University, New Delhi, India.
Wolański F. Institute of History, University of Wroclaw, Wroclaw, Poland.
Yanouski A. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Zherebtsov I. L. Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Syktyvkar, Komi Republic.

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

Bryhadzin P. I. Institute of Business, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Duk D. V. Mogilev State A. Kuleshov University, Mogilev, Belarus.
Fedosik V. A. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Karpov S. P. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
Karpyuk S. G. Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Khodzin S. N. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Kolesnyk V. F. Taras Shevchenko National University of Kyiv, Kyiv, Ukraine.
Koshelev V. S. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Kosmach V. A. Vitebsk State University named after P. M. Masherov, Vitebsk, Belarus.
Kovalenya A. A. National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Larin M. V. Institute for History and Archives, Russian State University for Humanities, Moscow, Russia.
Lavrinovich D. S. Mogilev State A. Kuleshov University, Mogilev, Belarus.
Lokotko A. I. National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Marzaluk I. A. House of Representatives of the National Assembly of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.
Miazga M. M. Francisk Skorina Gomel State University, Gomel, Belarus.
Miknys R. Institute of Lithuanian History, Vilnius, Lithuania.
Nechukhrin A. N. Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Belarus.
Pilipenko M. F. Kandrat Krapiva Institute of Arts Studies, Ethnography and Folklore of the Center for the Belarusian Culture, Language and Literature Research of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Shadurski V. G. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Tumans H. University of Latvia, Riga, Latvia.
Vabishchevich A. N. Brest State University named after A. S. Pushkin, Brest, Belarus.
Widder E. Medieval History Institute, Eberhard Karls University of Tübingen, Tübingen, Germany.

УДК 94(47)034

К ВОПРОСУ О ЛИЧНОСТИ ЖИРОСЛАВА НАЖИРОВИЧА, ВОЗГЛАВЛЯВШЕГО ПОХОД КИЕВСКИХ ВОЙСК НА МЕНСК В 1159 г.

В. Н. НАГИРНЫЙ[1)]

[1)]*Институт истории Ягеллонского университета,*
ул. Голембя, 13, 31-007, г. Краков, Польша

Рассматривается биография киевского воеводы Жирослава Нажировича. Боярин упомянут в Киевской летописи всего один раз: в 1159 г. он возглавил отряд торков, посланный киевским князем Ростиславом Мстиславичем под Менск в помощь полоцкому князю Рогволоду Борисовичу. Автор допускает, что Жирослав родился в первой трети XII в. и мог быть сыном как Нажира из окружения Владимира Всеволодовича Мономаха, так и Нажира Переяславича, служившего киевскому князю Изяславу Давидовичу. На основании лаконичных сведений из летописей высказано предположение, что Жирослав обладал значительным опытом в военных делах, хотя и уступал в статусе другим киевским воеводам. Дальнейшая судьба Жирослава Нажировича после возвращения из менского похода 1159 г. в источниках не прослеживается. Его возможными потомками можно считать трепольского урядника Сдеслава Жирославича и киевского воеводу Даниила Жировича (Нажировича).

Ключевые слова: просопография; Жирослав Нажирович; Киев; Менск; воевода; торки.

Благодарность. За научные консультации при подготовке статьи благодарю кандидата исторических наук С. Н. Темушева (БГУ) и кандидата исторических наук А. В. Мартынюка (РИВШ, БГУ).

Образец цитирования:
Нагірны ВМ. Да пытання аб асобе Жыраслава Нажыравіча, які ўзначальваў паход кіеўскіх войскаў на Менск у 1159 г. *Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Гісторыя*. 2020;2:5–10.
https://doi.org/10.33581/2520-6338-2020-2-5-10

For citation:
Nagirnyy VM. To the question of the personality of Zhiroslav Nazhirovich who led the Kyiv troops to Mensk in 1159. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2020;2: 5–10. Belarusian.
https://doi.org/10.33581/2520-6338-2020-2-5-10

Автор:
Виталий Николаевич Нагирный – кандидат исторических наук; доцент кафедры истории Восточной Европы.

Author:
Vitaliy M. Nagirnyy, PhD (history); associate professor at the department of Eastern European history.

CC BY NC

Журнал Белорусского государственного университета. История. 2020;2:5–10
Journal of the Belarusian State University. History. 2020;2:5–10

ДА ПЫТАННЯ АБ АСОБЕ ЖЫРАСЛАВА НАЖЫРАВІЧА, ЯКІ ЎЗНАЧАЛЬВАЎ ПАХОД КІЕЎСКІХ ВОЙСКАЎ НА МЕНСК У 1159 г.

В. М. НАГІРНЫ[1*]

[1*]*Інстытут гісторыі Ягелонскага ўніверсітэта,*
вул. Голембя, 13, 31-007, г. Кракаў, Польшча

Разглядаецца біяграфія кіеўскага ваяводы Жыраслава Нажыравіча. Баярын згаданы ў Кіеўскім летапісе ўсяго адзін раз: у 1159 г. ён узначаліў атрад торкаў, пасланы кіеўскім князем Расціславам Мсціславічам пад Менск у дапамогу полацкаму князю Рагвалоду Барысавічу. Аўтар дапускае, што Жыраслаў нарадзіўся ў першай трэці XII ст. і мог быць сынам як Нажыра з акружэння Уладзіміра Усеваладавіча Манамаха, так і Нажыра Пераяславіча, які служыў кіеўскаму князю Ізяславу Давыдавічу. На падставе лаканічных звестак з летапісаў выказваецца здагадка, што Жыраслаў валодаў значным досведам у ваенных справах, хоць і саступаў у статусе іншым кіеўскім ваяводам. Далейшы лёс Жыраслава Нажыравіча пасля яго вяртання з менскага паходу 1159 г. у крыніцах не прасочваецца. Яго магчымымі нашчадкамі можна лічыць трыпольскага ўрадніка Здзеслава Жыраславіча і кіеўскага ваяводу Данііла Жыровіча (Нажыравіча).

Ключавыя словы: прасапаграфія; Жыраслаў Нажыравіч; Кіеў; Менск; ваявода; торкі.

Падзяка. За навуковыя кансультацыі пры падрыхтоўцы артыкула дзякую кандыдату гістарычных навук С. М. Цемушаву (БДУ) і кандыдату гістарычных навук А. В. Мартынюку (Рэспубліканскі інстытут вышэйшай школы, БДУ).

TO THE QUESTION OF THE PERSONALITY OF ZHIROSLAV NAZHIROVICH WHO LED THE KYIV TROOPS TO MENSK IN 1159

V. M. NAGIRNYY[a]

[a]*Institute of History, Jagiellonian University, 13 Gołębia Street, Krakow 31-007, Poland*

The article deals with the biography of the Kyiv voivode Zhiroslav Nazhirovich. The boyar is mentioned in the Kyiv Chronicle only once, in 1159, when he leaded the military unit of Torks that had been by the Kyiv prince Rostislav Mstislavich to Mensk to help the Polotsk prince Rogvolod Borisovich. The author admits that Zhiroslav was born in the first third of the 12th century and could be the son of both Nazhir from the entourage of Vladimir Vsevolodovich Monomakh and Nazhir Pereyaslavich who served the Prince of Kyiv Izyaslav Davidovich. Based on the laconic data of the chronicles one can assume that Zhiroslav, although he yielded in status to other Kyiv voivodes, he had the considerable experience in military affairs. The further fate of Nazhirovich, after his returning from the Mensk campaign in 1159, is not analyzed in the sources. His possible descendants can be the Trepolsky sergeant Sdeslav Zhiroslavich and the Kyiv voivode Daniil Zhirovich (Nazhirovich).

Keywords: prosopography; Zhiroslav Nazhirovich; Kyiv; Mensk; voivode; sergeant.

Acknowledgements. Gratitude for the scientific advice during the preparation of the article to PhD (history) S. N. Tsemushau (Belarusian State University) and PhD (history) A. V. Martyniouk (National Institute for Higher Education, Belarusian State University).

Уводзіны

У 1158 г., пасля перамір’я, якое завяршыла міжусобную вайну на Русі 1148–1154 гг., канфлікт паміж Рурыкавічамі разгарэўся з новай сілай. Адным з яго эпізодаў стала барацьба паміж Рагвалодам Барысавічам і Расціславам Глебавічам за Полацк. У ходзе гэтай барацьбы Рагвалод у 1158 г. заняў полацкі прастол, а Расціслаў вымушаны быў вярнуцца ў свой менскі ўдзел. Новы полацкі князь вырашыў развіць поспех і ў 1159 г. распачаў паход на Менск. Дапамогу Рагвалоду аказаў Расціслаў Мсціславіч, які ўладарыў у Кіеве. Ён адправіў «помочь . Рогъволоду съ Жирославомъ . съ Нажировиче^{м}»[1]. У гэтым артыкуле я не буду аналізаваць прычыны, ход і наступствы мінскай кампаніі Рагвалода, якая ўжо мае сваю гістарыяграфію [1–4], а засяроджуся на асобе Жыраслава, які стаяў на чале кіеўскіх войскаў, што прыбылі пад Менск. Мэта дадзенага даследавання – сабраць і прааналізаваць звесткі пра асобу Жыраслава Нажыравіча, вызначыць магчымы час яго нараджэння і смерці, паходжанне, прасачыць развіццё кар’еры і мяркуемыя роднасныя сувязі.

[1]Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Императорскою археографическою комиссиею (далее – ПСРЛ). Т. 2. Ипатьевская летопись. 2-е изд. СПб. : Тип. М. А. Александрова, 1908. Стб. 505.

Асноўная частка

Ваявода Расціслаў Мсціславіч згадваецца ў Кіеўскім летапісе як Жыраслаў Нажыравіч, гэта значыць з імем і імем па бацьку.

Атрыманае ім пры нараджэнні імя – Жыраслаў – з'яўляецца асабовым мужчынскім імем славянскага паходжання, якое складаецца са слова *жир* 'жыццё', 'ежа', 'дастатак' і кораня *слав-* 'слава' [5, s. 11, 31; 6, с. 188]. Імя гэта было вядомае на Русі ўжо ў 1030-я гг.[2], а да першай паловы XII ст. атрымала шырокае распаўсюджанне ў асяроддзі як рускай[3], так і польскай эліты [8, s. 95; 9, s. 79–80].

Рускі кніжнік назваў Жыраслава *Нажировичеⷨ*. Указанне імя па бацьку кіеўскага ваяводы адкрывае добрую перспектыву для пошуку яго бацькі. Імя Нажыр сустракаецца ў крыніцах усяго двойчы[4], і абодва разы ў помніках XII ст. – ва Уставе Уладзіміра Усеваладавіча Манамаха і ў Кіеўскім летапісе.

Ва Уставе Уладзіміра Усеваладавіча Манамаха, створаным каля 1113 г., Нажыр згадваецца сярод вышэйшых ураднікаў кіеўскага князя Уладзіміра Усеваладавіча, якія прымалі ўдзел у стварэнні гэтага заканадаўчага акта[5]. Згадка пра яго адразу ж пасля тысяцкага Рацібора, Пракопа і Станіслава дазваляе меркаваць, што ён таксама займаў высокую пасаду, магчыма, быў кіеўскім ваяводам. Без сумнення, Нажыр знаходзіўся ўжо ў сталым узросце. Калі выказаць здагадку, што менавіта гэты Нажыр – бацька Жыраслава, то апошні павінен быў нарадзіцца прыкладна ў першых двух дзесяцігоддзях XII ст., а магчыма і раней. У такім выпадку ў 1159 г. Жыраславу было б не менш за 40 гадоў – узрост цалкам прыдатны для выканання функцый ваяводы.

Другі раз Нажыр з'яўляецца на старонках Кіеўскага летапісу пад 6670 (1162) годам. У ліку знатных кіяўлян, схопленых торкамі пасля паражэння Ізяслава Давыдавіча, нанесенага войскамі Мсціслава Ізяславіча і Расціслава Мсціславіча, летапісец назваў і *Нажира Переꙗславича*[6]. У рэальнасці гэта падзея мела месца ў першыя дні сакавіка 1161 г. [10, с. 173]. Нажыра Пераяславіча ў навуковай літаратуры часам называюць звычайным ваяром [12, с. 265; 13, с. 316], але яго згадка нароўні з такімі вядомымі кіеўскімі ўраднікамі, як Шварн, Сцяпан і Якун Міляцічы, дазваляе лічыць, што Нажыр Пераяславіч таксама займаў высокае становішча сярод кіеўскай эліты. Магчыма, што ён знаходзіўся ўжо ў тым узросце, які дазваляў мець дарослага сына. Такім сынам якраз і мог быць Жыраслаў Нажыравіч. Калі гэта здагадка слушная, то род, з якога паходзіў Жыраслаў, можна выводзіць з Пераяслаўскай зямлі, на што выразна паказвае тапанімічны антрапонім, ужыты побач з імем Нажыра. Невядома дакладна, калі прадстаўнікі гэтага роду апынуліся на службе ў кіеўскіх князёў, але да часу вывучаемых падзей род Нажыра быў ужо цесна звязаны з Кіеўскай зямлёй.

На жаль, сведчанні крыніц, якія захаваліся, не дазваляюць дакладна вызначыць, хто з названых асоб з'яўляўся бацькам Жыраслава. Як першы, так і другі Нажыр па ўзроставых крытэрыях падыходзілі для гэтай ролі. Вядома, можна паспрабаваць атаясаміць Нажыра з акружэння Уладзіміра Манамаха з Нажырам Пераяславічам. Але такая інтэрпрэтацыя выглядае малаверагоднай з-за досыць вялікага храналагічнага разрыву (каля 48 гадоў) паміж звесткамі пра адпаведных асоб. У сувязі з гэтым пытанне аб бацькоўстве Жыраслава неабходна пакінуць адкрытым.

Завяршаючы разгляд пытання аб паходжанні Жыраслава Нажыравіча, варта падкрэсліць сувязь паміж імёнамі бацькі і сына: у абодвух выпадках у аснове імя ляжыць корань *жир-*. Магчыма, такі выбар імёнаў тлумачыцца пэўнай традыцыяй гэтага роду.

У распараджэнні даследчыкаў ёсць усяго адна пэўная згадка пра Жыраслава Нажыравіча. Гаворка ідзе пра паход на Менск 1159 г. Да гэтага часу лёс, як і пачатак кар'еры Жыраслава Нажыравіча, прасачыць няпроста. На працягу дзесяцігоддзя, якое папярэднічала менскаму паходу, у крыніцах можна знайсці тры згадкі пра баяр з такім імем (але без указання імя па бацьку), якіх можна было б атаясамліваць з Жыраславам Нажыравічам: у летапісных паведамленнях за 6655/56 (1147/48 або 1148/49), 6657 (1149/50) і 6663 (1155/56) гады.

Няма неабходнасці дэталёва разглядаць тут усе тры згадкі, паколькі іх аналіз праведзены ў іншай працы [7]. Уважлівае вывучэнне кантэксту паведамленняў за 6657 і 6663 гг. дазволіла зрабіць, як здаецца,

---

[2]Пад 1078 г. у Аповесці мінулых гадоў згаданы ваявода Усевалада Яраславіча Іван Жыраславіч (гл.: ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. СПб., 1908. Стб. 191 ; ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Вып. 1. Повесть временных лет. 2-е изд. Л., 1926. Стб. 200). Відавочна, што ён нарадзіўся не пазней, чым у пачатку 1050-х гг. Адпаведна, яго бацька Жыраслаў з'явіўся на свет не пазней за 1030-я гг. (гл. [7]).

[3]ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. СПб., 1908. Стб. 359, 389, 479, 505 ; ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Вып. 2. Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку. 2-е изд. Л., 1927. Стб. 323, 345, 391 ; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1950. С. 34–35, 222–224, 472.

[4]Яшчэ адна ўскосная згадка змешчана ў Галіцка-Валынскім летапісе (Хроніка Раманавічаў), дзе пад 6743 (1235) годам летапісец называе *Данила Жировича* (*Нажировича*), ваяводу кіеўскага князя Уладзіміра Рурыкавіча (ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. СПб., 1908. Стб. 775 ; Kronika halicko-wołyńska (Kronika Romanowiczów) / wyd.: D. Dąbrowski, A. Jusupović. Kraków ; Warszawa : Inst. Hist. PAN : Pol. Akad. Umiejętności, 2017. S. 688, uwaga 536).

[5]Памятники русского права. Вып. 1. Памятники права Киевского государства X–XIII вв. / сост. А. А. Зимин. М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1952. С. 113 ; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М. ; Л., 1950. С. 493.

[6]ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. СПб., 1908. Стб. 518. (П. П. Талочка лічыць, што Нажыр Пераяславіч у гэты час служыў князю Расціславу Мсціславічу [11, с. 129]. Ніякіх падстаў для такога вываду няма: летапіс выразна ўказвае, што ён знаходзіўся ў абозе Ізяслава Давыдавіча. Відавочна, што пасля страты Кіева Расціславам у лютым 1160 г. Нажыр не паследаваў за ім у Белгарад, а перайшоў на службу да Ізяслава. Лёс Нажыра пасля яго палону ў пачатку сакавіка 1160 г. прасачыць, на жаль, немагчыма.)

досыць абгрунтаваную выснову, што ў іх згадваецца былы тураўскі пасаднік Жыраслаў Іванкавіч. Больш складана высветліць, пра якога з Жыраславаў гаварылася ў першым летапісным паведамленні.

Пад 6655 г. у Кіеўскім летапісе апісваецца паход Глеба Юр’евіча, сына суздальскага князя Юрыя Даўгарукага, у Чарнігаўскую зямлю на дапамогу Вольгавічам, а затым да Пераяслаўля супраць Мсціслава Ізяславіча: «В томъ же лѣтѣ ѣха Гюргевичь Глѣбъ . и зая Городокъ ѡтень . оу Изѧслава и слышавъ Изѧславъ посла к немоу зова Киевоу . к собѣ ѡбѣщавъ же сѧ ити к немоу и не иде послоушавъ же Жирослава рекоуща емоу . поиди Переꙗславлю хотѧть тебе Переꙗславци . послоущавъ же его . иде в борзѣ»[7]. Аналагічнае паведамленне змешчана і ў Лаўрэнцьеўскім летапісе, але там яно датавана 6656 г.: «Приде Глѣбъ Гюргевичь . и-Суждалѧ Чернигову . в помочь Ѡлговичемъ . и пребывъ оу ниⷯ нѣколико . приде на Городокъ . и слышавъ Изѧславъ . посла и к нему зова к собѣ Кыєву . ѡн же ѡбѣщавъсѧ ити и не иде . и перестрѧпъ мало послушавъ Жирослава рекуща ює му . поиди Переꙗславлю хотѧть тебе людьє . ѡн же послушавъ ює го приде к Переꙗславлю вборзѣ свитающю дн҃и…»[8] Тэкст Лаўрэнцьеўскага летапісу амаль даслоўна пацвярджаецца Радзівілаўскім летапісам з той толькі розніцай, што замест «послушавъ Жирослава» ў ім напісана «послушавъ Рослава»[9].

У працытаваным летапісным фрагменце найбольшую цікавасць выклікае добрая дасведчанасць Жыраслава пра сітуацыю ў Пераяслаўлі. Улічваючы магчымае паходжанне яго роду з Пераяслаўскай зямлі, такая інфармаванасць выглядае цалкам вытлумачальнай. Зыходзячы з гэтага, можна выказаць асцярожную здагадку аб тым, што дарадцам Глеба Юр’евіча, які вёў таемныя перамовы з пераяслаўцамі, быў Жыраслаў Нажыравіч. Але з прычыны адсутнасці пераканаўчых аргументаў на карысць такой ідэнтыфікацыі гэта дапушчэнне застаецца толькі рабочай гіпотэзай.

У Кіеўскім летапісе ў запісе пад 6668 (1159/60) годам адзначалася: «Том же лѣⷮ ходи Рогъволодъ с Полтчаны . на Рославнаго Глѣбовича къ Мѣньску . послалъ же бѧше Ростиславъ . ис Киева . помочь . Рогъволоду съ Жирославомъ . съ Нажировичеⷨ Торкъ . х҃ . а ты померше голодомъ . и придоша пѣши . не дождавше мира . Рогъволодъ же стоꙗ ѡколо города . ѕ҃ неⷣль . и створи миръ с Ростиславомъ . по своеи воли . и въıстоꙗ Володшю ис поруба . а Брѧчислава . изъ железъ . и цѣловаста хрⷭ҇тъ к собѣ»[10]. У іншых ранніх летапісах цалкам адсутнічае інфармацыя і пра паход полацкага князя на Менск, і пра Жыраслава, які ўзначальваў кіеўскую дапамогу[11]. Звесткі з Кіеўскага летапісу з невялікімі зменамі і скарачэннямі былі паўтораны толькі ў больш познім Маскоўскім летапісным зводзе канца XV ст.: «Тогда же Рогволод с Полочаны ходи на Ростислава на Глѣбовича к Мѣньску бѣ же с ним Ростиславля помочь ис Кыева, посла бо к нему Ростиславъ Жирослава Нажировича, а с ним 600 Торков и стоя Рогволод около города 6 недѣль и створи миръ с Ростиславом по своеи воли, въıстоя Володшу ис поруба, а Брячислава из желѣзъ, и цѣловаста крестъ к собѣ»[12]. У сваю чаргу, пазнейшы Густынскі летапіс абмяжоўваецца згадкай пра паход войскаў Расціслава Мсціславіча на Менск, але паводле гэтай крыніцы на чале кіеўскіх атрадаў стаялі сыны князя, Раман і Рурык, і нічога не сказана пра ўдзел у гэтай ваеннай акцыі торкаў[13].

Інфармацыя пра ролю Жыраслава Нажыравіча ў падзеях 1159 г. вельмі лаканічная, але звяртаюць на сябе ўвагу некалькі важных момантаў. Кіеўскі князь адправіў пад Менск значныя сілы: 600 конных торкаў. Аднак гэта была не кіеўская дружына, а васальная памежная конніца. Такое рашэнне кіеўскага князя магло быць прадыктавана як неабходнасцю абароны Кіева з прычыны небяспекі нападу Ізяслава Давыдавіча, так і тым, што галоўныя сілы былі адпраўлены на лоддзях у нізоўі Дняпра да Алешша, якое незадоўга да гэтага падверглася нападу бярладнікаў. Алешша было не толькі рускім фарпостам у вусці Дняпра, але і служыла важным перавалачным пунктам руска-візантыйскага гандлю і забяспечвала Кіеў вялікімі партыямі рыбы [14, с. 60, 129]. Для кіеўскага князя, несумненна, вяртанне кантролю над Алешшам мела першараднае значэнне. Пра гэта сведчыць як хуткая рэакцыя Расціслава Мсціславіча, так і адпраўленне супраць бярладнікаў кіеўскай дружыны на чале з найбольш дасведчанымі ваяводамі Гюргем (Юрыем) Несцяровічам і Якунам: «Том же лѣⷮ посла Ростиславъ ис Киева . Гюргѧ Нестеровича . и Ꙗкуна . в насадехъ . на Берладники . ѡже бѧхуть Ѡлешье взѧли . и постигше ѣ оу Дцинѧ избиша ѣ . и полонъ взѧща»[14]. Цалкам верагодна, што менавіта адпраўкай на поўдзень асноўных сіл і адсутнасцю ў Кіеве галоўных ваяводаў было абумоўлена рашэнне пасляць пад Менск торкаў на чале з Жыраславам Нажыравічам. У сувязі з гэтым можна выказаць асцярожную здагадку аб тым, што Жыраслаў саступаў у статусе сваім больш знакамітым таварышам па зброі. З іншага боку, у распараджэнні Жыраслава знаходзіўся даво-

[7]ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. СПб., 1908. Стб. 359–360.
[8]ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Вып. 2. Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку. Л., 1927. Стб. 391.
[9]ПСРЛ. Т. 38. Радзивиловская летопись. Л., 1989. С. 115, примеч. 3 к 6656 г. (У Акадэмічным спісе Радзівілаўскага летапісу ўказана Ярослава, пры гэтым літара *Я* прыпісана над радком іншымі чарніламі, што ўказвае на яе больш позняе з’яўленне.)
[10]ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. СПб., 1908. Стб. 505.
[11]ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Вып. 2. Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку. Л., 1927. Стб. 351 ; ПСРЛ. Т. 38. Радзивиловская летопись. Л., 1989. С. 130 ; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М. ; Л., 1950. С. 218.
[12]ПСРЛ. Т. 25. Московский летописный свод конца XV в. М. ; Л., 1949. С. 67.
[13]Latopis hustyński / oprac., przekł. i koment. H. Suszko. Wrocław : Wydaw. Uniw. Wrocł., 2003. S. 144.
[14]ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. СПб., 1908. Стб. 505.

лі вялікі атрад у 600 шабель – для XII ст. гэта былі немалыя сілы. Даручэнне Жыраславу Нажыравічу камандавання над імі сведчыць, як здаецца, пра яго значную дасведчанасць у ваенных справах.

Крыніцы не захавалі дэталей пра паход Жыраслава Нажыравіча з торкамі пад Менск. Кіеўскі летапіс інфармуе толькі, што войскі Расціслава Мсціславіча моцна пацярпелі ад голаду і, страціўшы сваіх коней, вярнуліся пешшу ў Кіеўскую зямлю яшчэ да завяршэння аблогі горада і заключэння мірнай дамовы[15]. Маскоўскі летапісны звод яшчэ больш лаканічны: з яго вядома толькі пра адпраўленне торкаў пад Менск, а звесткі пра голад сярод іх і страты коней адсутнічаюць. Не падае ніякіх дэталей і Густынскі летапіс[16]. Вызначыць ролю самога Жыраслава Нажыравіча ў гэтых падзеях на падставе толькі такіх лаканічных даных нельга.

Прасачыць лёс ваяводы пасля вяртання з менскага паходу 1159 г., на жаль, таксама немагчыма з прычыны поўнай адсутнасці інфармацыі пра яго. Уяўляецца, што Жыраслаў Нажыравіч перажыў аблогу і голад і вярнуўся разам з рэшткамі свайго атрада ў Кіеўскую зямлю. У адваротным выпадку летапісец згадаў бы пра яго смерць падчас апісанай ваеннай акцыі. Нічога невядома і пра зямельныя ўладанні баярына.

Крыніцы не захавалі прамых згадак і пра родныя сувязі Жыраслава Нажыравіча. Паспрабаваць узнавіць іх можна толькі на падставе ўскосных даных. На магчымых нашчадкаў ваяводы сярод кіеўскіх баяраў сярэдзіны і другой паловы XII ст. указвае імя па бацьку Жыраславіч. Згадак пра такіх асоб усяго тры.

Першая з іх знаходзіцца ў Кіеўскім летапісе і датуецца 6654 (1146/47) годам: пры аблозе Ноўгарада-Северскага ў ліку забітых дружыннікаў Мсціслава Ізяславіча аказаўся Дзмітрый Жыраславіч. Улічваючы, што Дзмітрый знаходзіўся на службе ў валынскіх Мсціславічаў, лагічна выказаць меркаванне, што ён быў сынам валынскага баярына Жыраслава Васільевіча, вядомага па пасольстве ў Кіеў у 1158 г.[17]

У летапісным паведамленні за 6679 (1171/72) год пры апісанні захопу Кіева войскамі Мсціслава Андрэевіча і ўцёкаў з горада Мсціслава Ізяславіча згадваецца Збыслаў Жыраславіч[18]. Але яшчэ ў XIX ст. С. М. Салаўёў адзначаў, што ён, хутчэй за ўсё, таксама быў нашчадкам згаданага вышэй Жыраслава Васільевіча [15, с. 526]. З меркаваннем расійскага гісторыка можна пагадзіцца, паколькі ў летапісе абодва адназначна звязваюцца з домам валынскіх князёў.

Інфармацыя пра яшчэ аднаго Жыраславіча знаходзіцца ў Кіеўскім летапісе ў артыкулах за 6688 (1180/81) і 6691 (1183/84) гады. У іх названы Здзеслаў Жыраславіч, які служыў у трыпольскага князя Мсціслава Уладзіміравіча[19]. Ён якраз мог быць сынам Жыраслава Нажыравіча, што справядліва заўважаў П. П. Талочка [11, с. 129]. Якім чынам і калі нашчадак Жыраслава аказаўся на службе ў трыпольскіх князёў – пытанні для асобнага даследавання.

Магчымым нашчадкам Жыраслава мог быць таксама Даніїл Жыровіч (Нажыравіч), згаданы ў летапісе як ваявода кіеўскага князя Уладзіміра Рурыкавіча пад 6743 (1235) годам[20]. Патронім Жыровіч можа быць скарочаным варыянтам імя па бацьку Жыраславіч. Акрамя таго, гэта імя магло выкарыстоўвацца ў якасці радавога, тады ёсць верагоднасць, што ў Жыраслава мог быць сын Нажыр, не згаданы ў крыніцах. У такім выпадку ў летапісах аказалася б прапушчана адно пакаленне. Прычыны гэтага маглі быць рознымі, напрыклад ранняя смерць або адсутнасць дзейнасці. Страта аднаго са звёнаў у такім генеалагічным ланцужку дазволіла б таксама растлумачыць досыць вялікі храналагічны разрыў паміж згадваннямі Жыраслава (1159) і яго ўнука (?) Даніїла (1235). Вядома, гэта магло мець месца толькі ў тым выпадку, калі здагадка аб выкарыстанні імя Жыраслаў у якасці радавога мае пад сабой рэальны гістарычны падмурак.

Заключэнне

Падводзячы вынікі, варта адзначыць, што пацверджаны крыніцамі перыяд дзейнасці Жыраслава Нажыравіча ахоплівае толькі 1159 г. Уяўляецца верагодным, што баярын нарадзіўся ў першай трэці XII ст. і мог быць сынам Нажыра з акружэння Уладзіміра Манамаха або Нажыра Пераяславіча, які служыў Ізяславу Давыдавічу. Магчыма, ён саступаў у статусе іншым кіеўскім ваяводам, але валодаў значным вайсковым досведам, што дазволіла Расціславу Мсціславічу паставіць Жыраслава на чале значных сіл торкаў, накіраваных пад Менск. Лёс Жыраслава Нажыравіча пасля заканчэння менскага паходу 1159 г. у крыніцах не прасочваецца. Невядома, ці служыў ён далей Расціславу Мсціславічу і як доўга заставаўся на гэтай службе. Таксама невядомы час смерці Жыраслава. Яго магчымымі нашчадкамі можна лічыць трыпольскага ўрадніка Здзеслава Жыраславіча і кіеўскага ваяводу Даніїла Жыровіча (Нажыравіча).

[15]ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. СПб., 1908. Стб. 505. (Выкажу здагадку, што страта коней была выклікана не толькі голадам сярод торкаў, але і нейкім масавым захворваннем жывёлы, якое пачалося падчас аблогі Менска.)

[16]Latopis hustyński. Wrocław, 2003. S. 144.

[17]ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. СПб., 1908. Стб. 497.

[18]Там же. Стб. 544.

[19]Там же. Стб. 621, 677. (П. П. Талочка беспадстаўна лічыць, што Здзеслаў Жыраславіч служыў князю Мсціславу Мсціславічу [11, с. 129], хаця летапісныя звесткі не даюць ніякіх падстаў для такой высновы.)

[20]Даніїл згадваецца толькі ў Галіцка-Валынскім летапісе (Хроніка Раманавічаў). Але ў розных рэдакцыях летапісу ўказаны неадназначныя версіі яго імя па бацьку: у Іпацьеўскай рэдакцыі – *Данила Нажировича* (ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. СПб., 1908. Стб. 775), у Ермалаеўскай, Хлебнікаўскай і Пагодзінскай рэдакцыях – *Данила Жировича* (Kronika halicko-wołyńska (Kronika Romanowiczów). Kraków ; Warszawa, 2017. S. 688, uwaga 536).

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Алексеев ЛВ. *Полоцкая земля в IX–XIII вв. (очерки истории Северной Белоруссии)*. Москва: Наука; 1966. 295 с.
2. Алексеев ЛВ. *Западные земли домонгольской Руси: очерки истории, археологии, культуры. Книга 2.* Москва: Наука; 2006. 167 с.
3. Заяц Ю. Менская зямля: этапы фарміравання. *Беларускі гістарычны часопіс.* 1993;4:8–15.
4. Темушев СН. Минское княжество и Литва в XII – начале XIII в.: интерпретация летописных известий. В: Груша АІ, укладальнік. *Мінск і мінчане: 10 стагоддзяў гісторыі. Крыніцы па гісторыі горада. Сацыяльныя структуры і паўсядзённасць.* Мінск: Беларуская навука; 2012. с. 12–36.
5. Skulina T. *Staroruskie imiennictwo osobowe. Część 2.* Wrocław: Polska Akademia Nauk; 1974. 240 s.
6. Чучка ПП. *Слов'янські особові імена українців: історико-етимологічний словник.* Ужгород: Ліра; 2011. 432 с.
7. Нагирный ВН. Туровский посадник Жирослав Иванкович. Просопографический очерк. В: Мартынюк АВ, редактор. *Studia Historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы. Выпуск 12.* Минск: РИВШ; 2019. с. 31–41.
8. Taszycki W. *Najdawniejsze polskie imiona osobowe.* Kraków: Polska Akademia Umiejętności; 1925. 124 s.
9. Taszycki W, redaktor. *Słownik staropolskich nazw osobowych.* Wrocław: Polska Akademia Nauk; 1977. 533 s.
10. Бережков НГ. *Хронология русского летописания*. Москва: Издательство Академии наук СССР; 1963. 376 с.
11. Толочко ПП. *Власть в Древней Руси. X–XIII вв.* Санкт-Петербург: Алетейя; 2011. 200 с.
12. Тупиков НМ. *Словарь древне-русскихъ личных собственных имен.* Санкт-Петербург: Типография И. Н. Скороходова; 1903. 857 с.
13. Котович В. Лінгвокультурологічний портрет автохтонних українських астіонімів. *Вісник Львівського університету. Серія філологічна.* 2019;71(1):312–333. DOI: 10.30970/vpl.2019.71.10304.
14. Толочко ПП. *Киев и Киевская земля в эпоху феодальной раздробленности XII–XIII веков.* Киев: Наукова думка; 1980. 224 с.
15. Соловьев СМ. *История России с древнейших времен. Книга 1, тома 1–2.* Москва: Издательство социально-экономической литературы; 1959. 811 с.

References

1. Alekseev LV. *Polotskaya zemlya v IX–XIII vv. (ocherki istorii Severnoi Belorussii)* [The Land of Polotsk in the 9th–13th centuries (essays in the history of Northern Belarus)]. Moscow: Nauka; 1966. 295 p. Russian.
2. Alekseev LV. *Zapadnye zemli domongol'skoi Rusi: ocherki istorii, arkheologii, kul'tury. Kniga 2* [The Western lands of pre-Mongol Rus': essays in history, archeology, culture. Book 2]. Moscow: Nauka; 2006. 167 p. Russian.
3. Zayac Yu. [The Land of Mensk: stages of formation]. *Belaruski gistarychny chasopis.* 1993;4:8–15. Belarusian.
4. Temushev SN. [The Principality of Minsk and Lithuanians in the 12th – early 13th centuries: interpretation of chronicle evidences]. In: Grusha AI, compiler. *Minsk i minchane: 10 stagoddzjaw gistoryi. Krynicy pa gistoyi goroda. Sacyjal'nyja struktury i pawsjadzionnasc'* [Minsk and its citizens: 10 centuries of history. Sources on the history of the city. Social structure and everyday life]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2012. p. 12–36. Russian.
5. Skulina T. *Staroruskie imiennictwo osobowe. Część 2.* Wrocław: Polska Akademia Nauk; 1974. 240 s.
6. Chuchka PP. *Slov'jans'ki osobovi imena ukrai'nciv: istoryko-etymologichnyj slovnyk* [Slavic personal names of Ukrainians: a historical-etymological dictionary]. Uzhhorod: Lira; 2011. 432 p. Ukrainian.
7. Nagirnyy VN. [Posadnik of Turov Zhiroslav Ivankovich. The prosopographic essay]. In: Martyniuk AV, editor. *Studia Historica Europae Orientalis. Issue 12*. Minsk: National Institute for Higher Education; 2019. p. 31–41. Russian.
8. Taszycki W. *Najdawniejsze polskie imiona osobowe*. Kraków: Polska Akademia Umiejętności; 1925. 124 s.
9. Taszycki W, redaktor. *Słownik staropolskich nazw osobowych.* Wrocław: Polska Akademia Nauk; 1977. 533 s.
10. Berezhkov NG. *Khronolohiya russkogo letopisaniya* [Chronology of the Russian chronicles]. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of USSR; 1963. 376 p. Russian.
11. Tolochko PP. *Vlast' v Drevnei Rusi. X–XIII vv.* [The power in Old Russian in the 10th–13th centuries]. Saint Petersburg: Aleteiya; 2011. 200 p. Russian.
12. Tupikov NM. *Slovar' drevne-russkikh lichnykh sobstvennykh imen* [The dictionary of old Russian personal proper names]. Saint Petersburg: Tipografiya I. N. Skorokhodova; 1903. 857 p. Russian.
13. Kotovych V. Linguistic and cultural portrait of autothton Ukrainian astionims. *Visnyk L'vivskogo universytetu. Seriya filolohichna*. 2019;71(1):312–333. Ukrainian. DOI: 10.30970/vpl.2019.71.10304.
14. Tolochko PP. *Kiev i Kievskaya zemlya v epokhu feodal'noi razdroblennosti XII–XIII vekov* [Kyiv and the Kyivan land in the period of feudal fragmentation of the 12th–13th centuries]. Kyiv: Naukova dumka; 1980. 224 p. Russian.
15. Soloviov SM. *Istoriya Rossii s drevneishikh vremen. Kniga 1, toma 1–2* [History of Russia since the ancient times. Book 1, volumes 1–2]. Moscow: Izdatel'stvo sotsial'no-ekonomicheskoi literatury; 1959. 811 p. Russian.

Артыкул паступіў у рэдкалегію 17.03.2020.
Received by editorial board 17.03.2020.

Пераклад С. М. Цемушава[21].

[21]*Степан Николаевич Темушев* – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории России исторического факультета Белорусского государственного университета.

Сцяпан Мікалаевіч Цемушаў – кандыдат гістарычных навук, дацэнт; дацэнт кафедры гісторыі Расіі гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Stsiapan N. Tsemushau, PhD (history), docent; associate professorat the department of Russian history, faculty of history, Belarusian State University.

УДК 272:930:25

МАССОВЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ЛИЧНОМУ СОСТАВУ ПРАВОСЛАВНОГО И РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОГО ДУХОВЕНСТВА КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XX в.

З. В. АНТОНОВИЧ[1)]

[1)]*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь*

В архивных фондах православных и римско-католических консисторий Национального исторического архива Беларуси хранятся малоисследованные массовые источники – клировые ведомости и формулярные списки духовенства. Они позволяют осуществлять широкий круг исследований по истории конфессий в Беларуси и сопредельных странах, повседневности народа, по генеалогии и другим проблемам. Однако введение таких источников в научный оборот проблематично, что связано с сохранностью документов и объемом информации в них. Автор статьи путем сравнительного анализа формуляра и содержания документов определяет подходы к созданию массовых источников по личному составу духовенства в делопроизводстве обеих конфессий и круг основных и дополнительных сведений в них, что способствует расширению базы и диверсификации научных исследований.

Ключевые слова: источниковедение Беларуси; конфессиональное источниковедение; православная церковь; Римско-католическая церковь; клировые ведомости; формулярные списки римско-католического духовенства.

МАСАВЫЯ КРЫНІЦЫ ПА АСАБОВЫМ СКЛАДЗЕ ПРАВАСЛАЎНАГА І РЫМСКА-КАТАЛІЦКАГА ДУХАВЕНСТВА КАНЦА XVIII – ПАЧАТКУ XX ст.

З. В. АНТАНОВІЧ[1*]

[1*]*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь*

У архіўных фондах праваслаўных і рымска-каталіцкіх кансісторый Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі захоўваюцца маладаследаваныя масавыя крыніцы – кліравыя ведамасці і фармулярныя спісы духавенства. Яны дазваляюць ажыццяўляць шырокае кола даследаванняў па гісторыі канфесій у Беларусі і сумежных краінах, штодзённасці народаў, па генеалогіі і іншых праблемах. Аднак увядзенне ў навуковы ўжытак такіх крыніц выклікае складанасці, пераважна звязаныя з узроўнем захаванасці дакументаў і аб’ёмам інфармацыі ў іх. Аўтар артыкула шляхам параўнальнага аналізу фармуляраў і зместу дакументаў вызначае падыходы да стварэння масавых крыніц па асабовым складзе духавенства ў справаводстве абедзвюх канфесій і кола асноўных і дадатковых звестак у іх, што спрыяе пашырэнню базы і дыверсіфікацыі навуковых даследаванняў.

Ключавыя словы: крыніцазнаўства Беларусі; канфесіянальнае крыніцазнаўства; праваслаўная царква; Рымска-каталіцкая царква; кліравыя ведамасці; фармулярныя спісы рымска-каталіцкага духавенства.

Образец цитирования:
Антановіч ЗВ. Масавыя крыніцы па асабовым складзе праваслаўнага і рымска-каталіцкага духавенства канца XVIII – пачатку XX ст. *Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Гісторыя.* 2020;2:11–18.
https://doi.org/10.33581/2520-6338-2020-2-11-18

For citation:
Antanovich ZV. Mass sources on the personnel of the orthodox and Roman-Catholic clergy of the end of the 18th – the beginning of the 20th century. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2020;2:11–18. Belarusian.
https://doi.org/10.33581/2520-6338-2020-2-11-18

Автор:
Зинаида Васильевна Антонович – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры источниковедения исторического факультета.

Author:
Zinaida V. Antanovich, PhD (history), docent; associate professor at the department of source studies, faculty of history.
zinantonowicz@gmail.com
https://orcid.org/0000-0003-0702-1915

CC BY NC

Журнал Белорусского государственного университета. История. 2020;2:11–18
Journal of the Belarusian State University. History. 2020;2:11–18

MASS SOURCES ON THE PERSONNEL OF THE ORTHODOX AND ROMAN-CATHOLIC CLERGY OF THE END OF THE 18th – THE BEGINNING OF THE 20th CENTURY

Z. V. ANTANOVICH[a]

[a]*Belarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

In the archival funds of the Orthodox and Roman-Catholic Consistories at the National Historical Archive of Belarus mass sources on the personnel are stored – clergy lists and service records of clergy. These documents were recorded each year by representatives of clergy and stored at the Consistories. They allow to carry out a wide number of studies on the history of Belarus and neighboring countries, confessions, everyday life, genealogy, etc. However, their use in scientific purposes is problematic, due to their safety and volume of information. The author of the article, through a comparative analysis of the form and content of the sources, defines approaches to creating mass sources on the clergy staff in the workflow of both confessions and the range of basic and additional information in them. The basic information includes personal data, education, work places, penalties, abilities to further work. If service records of Roman-Catholic clergy almost didn't change through the end of the 18th – the beginning of the 20th century, clergy lists of orthodox clergies changed in four stages gradually including information about clergy' family, property, etc. The results would help expand the source base and diversify scientific research.

Keywords: source study of Belarus; confessional source study; the Orthodox Church; the Roman-Catholic Church; clerical lists; service records of the Roman-Catholic clergy.

Уводзіны

Прадстаўнікі духавенства на працягу стагоддзяў выступалі ў ролі рэгулятараў грамадскага жыцця, фарміруючы светапогляд пакаленняў, стаўленне да дзяржаўных улад і прымаючы рашэнні па праблемах маральна-этычнага характару прыватных асоб, таму іх лёсы выклікаюць цікавасць грамадства і даследчыкаў. Найбольш інфарматыўнымі дакументамі канца XVIII – пачатку XX ст. па адзначанай праблематыцы з'яўляюцца кліравыя ведамасці (матэрыялы дзейнасці праваслаўнай царквы) і фармулярныя спісы (дакументы Рымска-каталіцкай царквы). Гэтыя крыніцы складаліся штогадова і мелі вызначаную структуру і змест, што адносіць іх да масавых крыніц сярод агульнай справаводнай дакументацыі канфесій (падсістэма дакументацыі па асабовым складзе духавенства). Яны канцэнтраваліся ў архівах кансісторый. Кансісторыі ў перыяд уваходжання беларускіх зямель у склад Расійскай імперыі з'яўляліся калегіяльнымі канфесіянальнымі органамі з адміністрацыйнымі і судовымі функцыямі ў межах епархій (дыяцэзій). У выніку шэрагу адміністрацыйна-тэрытарыяльных рэарганізацый на беларускіх землях пасля іх уваходжання ў склад Расійскай імперыі дзейнічалі Літоўская (з 1900 г. – Гродзенская), Магілёўская, Мінская і Полацкая праваслаўныя епархіі, Магілёўская і Мінская рымска-каталіцкія дыяцэзіі. Частка тэрыторыі сучаснай Беларусі ўваходзіла ў склад Віленскай рымска-каталіцкай дыяцэзіі. У дадзеным артыкуле разглядаюцца матэрыялы справаводства названых органаў канфесіянальнай адміністрацыі Магілёўскай, Мінскай і Полацкай праваслаўных епархій, Магілёўскай і Мінскай рымска-каталіцкіх дыяцэзій, што захоўваюцца ў складзе архіўных фондаў Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі (НГАБ).

Метадалогія даследавання

У НГАБ прадстаўлены архіўныя фонды васьмі кансісторый, з якіх тры праваслаўныя (Магілёўская, Мінская і Полацкая) і дзве рымска-каталіцкія (Магілёўская і Мінская), але захаванасць дакументаў у складзе фондаў нераўнамерная, што абумоўлена аб'ектыўнымі фактарамі (ваенныя дзеянні, надзвычайныя сітуацыі і інш.), а таксама ажыццяўленнем экспертызы каштоўнасці дакументаў і іх адбору да знішчэння як падчас дзейнасці кансісторый, так і пры знаходжанні матэрыялаў у дзяржаўных сховішчах[1]. Аналіз складу архіўных фондаў дазваляе сцвярджаць, што найлепш захаваліся кліравыя ведамасці па Мінскай епархіі: зафіксавана каля 830 спраў за 1796–1809, 1811–1904, 1906, 1908, 1912–1913 гг.[2] У выніку параўнання структуры, афармлення і зместу гэтых дакументаў за кожныя 5 гадоў выяўлена чатыры этапы змены фармуляра кліравых ведамасцей у Мінскай епархіі. Пры гэтым неабходна ўлічваць, што новыя фармуляры распаўсюджваліся ва ўсіх яе цэрквах на працягу 1–2 гадоў, а не адначасова [1].

Цэласныя комплексы фармулярных спісаў захаваліся ў архіўным фондзе Магілёўскай рымска-

[1]НГАБ. Ф. 136, 937, 1781, 2301, 2531.
[2]Там жа. Ф. 136. Воп. 1. Спр. 40389–40393.

каталіцкай кансісторыі пераважна за 1858–1861, 1865, 1869–1870 гг.[3], а ў фондзе Мінскай рымска-каталіцкай кансісторыі – толькі за 1867 г.[4] Асобныя спісы за перыяд функцыянавання кансісторый сфарміраваны ў асабовыя справы святароў, справы аб духавенстве асобных касцёлаў, дэканатаў і кляштараў і іншыя віды спраў [2, с. 89–90]. Без выкарыстання дадатковых крыніц ступень захаванасці гэтых дакументаў не дазваляе цалкам узнавіць асабовы склад каталіцкага духавенства канца XVIII – пачатку XX ст. з біяграфічнымі звесткамі, але можна прасачыць змены ў структуры, змесце і афармленні даследуемых відаў крыніц. Адпаведна, для параўнання выкарыстоўваліся фармулярныя спісы з усёй сукупнасці дакументальнага комплексу. Дадатковымі крыніцамі даследавання выступілі нарматыўныя дакументы канфесіянальнай і агульнадзяржаўнай рэгламентацыі[5]. Хаця захаванасць згаданых крыніц у НГАБ можна ацаніць як дастатковую для правядзення даследаванняў, яны абмежавана выкарыстоўваюцца навукоўцамі, а параўнальны аналіз структуры і інфарматыўнасці асабовых звестак пра духавенства праваслаўнай і Рымска-каталіцкай цэркваў даследчыкі амаль не закраналі [1–6].

Вынікі даследавання

У Расійскай імперыі фармулярныя спісы складаліся служачымі дзяржаўных устаноў і самакіравання з мэтай адсочвання прасоўвання па кар’ернай лесвіцы, ацэнкі служачых, узнагароджвання і атрымання пенсіі [7, с. 9–13]. Мэты збору асабовых звестак пра клір былі іншымі, хаця працэс іх фіксацыі і склад адпавядалі агульнадзяржаўным патрабаванням. Кліравым ведамасцям і фармулярным спісам духавенства адводзілася ўліковая функцыя, з іх дапамогай таксама адсочвалася забеспячэнне прадстаўніцтваў канфесій душпастарамі, ажыццяўлялася ацэнка іх дзейнасці і здольнасцей белага духавенства (протаіерэі, святары, протадыяканы, дыяканы, дзякі, а таксама прычотнікі на пасадах псаломшчыкаў[6]).

Патрабаванне аб прадстаўленні кліравых ведамасцей епархіяльнаму кіраўніцтву было ўведзена ў 1769 г., аднак першыя захаваныя дакументы па Мінскай епархіі адносяцца да 1796 г. Кліравыя ведамасці ўключалі тытульны аркуш, характарыстыку царкоўных пабудоў, прыпісных цэркваў і капліц (першая частка), інфармацыю пра святароў і царкоўных служачых, у тым ліку іх узрост, паходжанне, узровень адукацыі, сямейны стан, падсуднасць, кар’ерны рост (другая частка), і прыхаджан, колькасць двароў і насельніцтва (трэцяя частка) [1]. Да пачатку XX ст. гэты від дакументаў афармляўся на рускай мове, а з увядзеннем бланкаў маскоўскай сінадальнай тыпаграфіі ў 1870–80-я гг. нязменная інфармацыя ўносілася на царкоўнаславянскай мове.

Першапачаткова ў другі раздзел уключалася наступная інфармацыя пра белае духавенства або клір[7]: прозвішча, імя, імя па бацьку; узрост духавенства і іх сыноў; адукацыя, хіратонія і месцы служэння; асабовыя якасці і заганы; спагнанні і падсуднасць; месца навучання дзяцей; колькасць пахатнай і сенажатнай зямлі ў карыстанні белага духавенства[8]. У адрозненне ад грамадзянскіх і рымска-каталіцкіх паслужных спісаў у асобны раздзел кліравых ведамасцей не выносіліся звесткі пра паходжанне. Яно пазначалася пасля імя і прозвішча. Пераважная большасць кліру паходзіла з духавенства, але дазвалялася прымаць у яго склад і асоб іншага саслоўнага паходжання пасля пацвярджэння адпаведнасці іх адукацыі і паводзін, напрыклад, паводле духоўнага рэгламенту патрабавалася пасведчанне ад прыхаджан аб маральным стане кандыдата[9]. Сярод духавенства непрычтавага паходжання быў протадыякан Мінскага кафедральнага Петрапаўлаўскага сабора Павел Казлякоўскі, які паходзіў з дваран[10]. Пры гэтым мяшчане і сяляне дапускаліся да займання пасад духавенства пры наяўнасці вакансій, як, у прыватнасці, давыдгарадоцкі святар Андрэй Мазановіч, які паходзіў з сялян князя Юзафа Радзівіла[11]. Адукацыю звычайна атрымліваў адзін з сыноў святара або дзяка ў семінарыі, але за дрэнныя паводзіны або адсутнасць здольнасцей ён мог быць выключаны, што не пазбаўляла яго магчымасці будаваць духоўную кар’еру ў будучыні. Напрыклад, панамар слуцкай

[3]НГАБ. Ф. 1781. Воп. 25. Спр. 147–153.
[4]Там жа. Ф. 937. Воп. 6. Спр. 107.
[5]Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. (далее – ПСЗРИ). Собр. 1 : в 45 т. СПб. : Тип. 2-го отд-ния собств. ЕИВ канцелярии, 1830–1851 ; ПСЗРИ. Собр. 2 : в 55 т. СПб. : Тип. 2-го отд-ния собств. ЕИВ канцелярии, 1830–1884 ; Свод законов Российской империи повелением государя императора Николая Павловича составленный (далее – СЗРИ). СПб. : Тип. 2-го отд-ния ЕИВ канцелярии, 1899 ; Устав духовных консисторий. СПб. : Синод. тип., 1843 і інш.
[6]О духовенстве // СЗРИ. Т. 9. Ст. 406.
[7]Там же.
[8]НГАБ. Ф. 136. Воп. 1. Спр. 40392.
[9]Духовный регламент всепресветлейшего: державнейшего государя Петра Первого, императора и самодержца всероссийского. М. : Синод. тип., 1897. С. 94–97 ; Устав духовных консисторий. СПб. : Синод. тип., 1843. Ст. 80 ; Устав духовных консисторий с дополнениями и разъяснениями Святейшего Синода и правительствующего Сената / сост. М. Н. Палибин. СПб. : Юрид. книж. маг. Н. К. Мартынова, 1900. Ст. 46.
[10]НГАБ. Ф. 136. Воп. 1. Спр. 40902. Арк. 80–98 адв.
[11]О духовенстве // СЗРИ. Т. 9. Ст. 427 ; НГАБ. Ф. 136. Воп. 1. Спр. 40433. Арк. 108 адв. – 109.

Уваскрасенскай царквы Іосіф Бяляўскі навучаўся толькі «российской грамоте»[12].

У 1802–1803 гг. адбываюцца змены ў структуры другой часткі кліравых ведамасцей. У дакуменце адзначаліся ўзровень пісьменнасці кліру, імёны дзяцей святароў і пазаштатных святароў, якія ўлічваліся таксама ва ўведзенай у фармуляр спраў выніковай ведамасці па духоўным праўленні (благачынні). Сем'і кліру звычайна былі шматдзетнымі, напрыклад, у выпускніка Кіеўскай духоўнай акадэміі Іаана Андрыеўскага было трое дзяцей, у Антонія Валасевіча – пяць, а у Міхаіла Туміловіча – дзевяць[13].

Шмат увагі ў агульнадзяржаўных нарматыўных актах Расійскай імперыі надавалася інфармацыі фармулярных спісаў пра падсуднасць, што адбілася і на звестках, якія ўносіліся ў кліравыя ведамасці. У першай трэці XIX ст. у адпаведны слупок уключаліся ўсе спагнанні[14], але ў 1834 г. гэта пазіцыя была перагледжана і туды сталі ўносіцца толькі судовыя рашэнні. Вымовы і спагнанні не адзначаліся да 1837 г., аднак потым пачалі ўключацца вымовы пры наяўнасці адпаведнага распараджэння канфесіянальнай адміністрацыі, а з 1938 г. і спагнанні[15]. Звесткі пра апраўдальныя прысуды не ўключаліся ў паслужныя спісы з 1837 па 1851 г.[16] У кліравых ведамасцях першапачаткова звесткі абмяжоўваліся фіксацыяй наяўнасці спагнання або знаходжання пад следствам, указаннем тэрміну і кароткім пераказам сутнасці справы[17]. У 1812 г. была дададзена адзнака органа, якім разглядалася справа[18]. Звесткі пра апраўдальныя прысуды ўносіліся рэдка, а дэталізаваная інфармацыя прадстаўлена адзінкавымі прыкладамі, як у кліравай ведамасці святара царквы ў с. Вялікая Калпяніца Фёдара Шчуроўскага[19].

У 1812 г. уводзіцца дзяленне кліравай ведамасці на дзве выразныя больш падрабязныя часткі (табліцы), адна з якіх змяшчае інфармацыю пра прыход, другая – пра духавенства. У апошняй акцэнтаваліся звесткі пра навучанне ў семінарыі, здольнасць прычту спяваць па нотах, змены ў складзе кліру[20]. Паступова змянілася інфармацыя пра духавенства, якая да 1829 г. стала ўключаць звесткі пра жонку і дачок святара, прасвіраняў, удоў і сірот, якія пражывалі пры царкве. З 1823 г. пасля даных аб прыходскім духавенстве фіксаваліся пазаштатныя святары і манахі, якія знаходзіліся пад апекай царквы.

У 1829 г. адбылося дзяленне фармуляра кліравых ведамасцей на тры часткі, у якія ўносілася інфармацыя пра царкву, прычт і прыход адпаведна. У другой частцы адзначаліся здольнасці членаў царкоўнага кліру (узровень пісьменнасці, валоданне асноўнымі догматамі веравызнання, колькасць прамоў за мінулы год і інш.), а таксама наяўнасць уласнай маёмасці. Гэта адбылося ў кантэксце ўвядзення новага ўзору фармулярных спісаў служачых у Расійскай імперыі ў 1828 г., паводле якога таксама выносілася ў асобны слупок наяўнасць нерухомай маёмасці і спосаб яе набыцця служачым дзяржаўнай установы або яго жонкай[21]. У пераважнай большасці праваслаўнага кліру Мінскай епархіі не было ўласнай маёмасці. Выключэннем можна лічыць святара жолкінскай царквы Паўла Юрашкевіча, які меў сасновы дом, два свірны, будынкі для захоўвання хлеба і ўтрымання дробнай жывёлы[22]. Хаця ў фармулярных спісах грамадзянскіх служачых узору 1828 г. таксама адзначаліся ўдзел у ваенных кампаніях і знаходжанне ў адпачынку[23], у кліравыя ведамасці гэтыя звесткі былі ўведзены толькі ў апошняй трэці XIX ст. Адпачынак праваслаўныя святары таксама бралі рэдка. У выпадку Міхаіла Туміловіча, якому 5 разоў выдзяляўся адпачынак па стане здароўя, скарыстацца такой магчымасцю не ўдалося па фінансавых прычынах[24]. Цікава, што сваяцтва кліру адной царквы пазначалася ў 1875–1895 гг.

У выніку змен фармуляра кліравых ведамасцей увогуле і раздзела пра духавенства ў прыватнасці сталі ўносіцца такія звесткі, як, напрыклад, у дакуменце святара царквы ў с. Вялікая Калпяніца Фёдара Шчуроўскага. Ён нарадзіўся ў сям'і дзяка с. Чарняўка Чаркаскага павета Кіеўскай губерні, у 1873 г. скончыў Кіеўскую духоўную семінарыю, у 1876 г. – духоўную акадэмію са званнем студэнта і быў прызначаны памочнікам інспектара мінскай семінарыі. Фёдар Шчуроўскі хіратанізаваны 31 жніўня 1881 г. у святары і прызначаны святаром калпяніцкай царквы. Адначасова ён выкладаў Закон Божы ў народным вучылішчы. З 1883 г. стаў таксама благачынным трэцяй акругі, следчым па духоўных справах. У 1886 г. удзельнічаў у правядзенні экзаменаў у Нясвіжскай семінарыі як прадстаўнік епіскапа, а праз 2 гады ўвайшоў у склад камісіі па падрых-

[12]НГАБ. Ф. 136. Воп. 1. Спр. 40610. Арк. 11 адв. – 12.
[13]Там жа. Арк. 35 адв. – 36 ; Спр. 40902. Арк. 120 адв. – 121 ; Спр. 41152. Арк. 54 адв. – 55.
[14]ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 6 : 1831. Ст. 4253.
[15]Там же. Т. 9. Ст. 7603 ; Т. 10. Ст. 10513 ; Т. 13. Ст. 11574.
[16]Там же. Т. 10. Ст. 10513 ; Т. 26. Ст. 25777.
[17]НГАБ. Ф. 136. Воп. 1. Спр. 40392. Арк. 5 адв. – 6.
[18]Там жа. Спр. 40482.
[19]Там жа. Спр. 41143. Арк. 109–113 адв.
[20]Там жа. Спр. 40482. Арк. 1 адв. – 2.
[21]ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 3 : 1828. Ст. 2278
[22]НГАБ. Ф. 136. Воп. 1. Спр. 41074. Арк. 127 адв. – 128.
[23]ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 3 : 1828. Ст. 2278.
[24]НГАБ. Ф. 136. Воп. 1. Спр. 41152. Арк. 54 адв. – 55.

тоўцы праекта святкавання 50-годдзя Полацкага царкоўнага сабора 1839 г. Выкладчыцкую дзейнасць працягнуў у Баранавіцкім чыгуначным вучылішчы ў 1890–1897 гг., а з 1892 г. быў таксама дэпутатам ад духавенства пры разглядзе судовых спраў. Сярод яго ўзнагарод – скуф'я, медалі «У гонар царавання імператара Аляксандра III», «За ўдзел у перапісе», падзякі за выкладчыцкую дзейнасць і інш. Яго сыну Мікалаю было 28 гадоў, ён навучаўся ў Харкаўскім імператарскім інжынерна-тэхналагічным вучылішчы, а Віктар, народжаны ў 1904 г., знаходзіўся пры бацьку. Нерухомай маёмасці і сваякоў сярод прыходскага кліру Фёдар Шчуроўскі не меў. Яго душпастарская дзейнасць высока цанілася, хаця раней ён быў пад следствам, але разгляд справы скончыўся апраўданнем[25].

Рымска-каталіцкае прыходскае духавенства, да якога адносіліся пробашчы (адміністратары), вікарыі, капеланы, з мэтай уліку асабовага складу выкарыстоўвала фармулярныя спісы, распрацаваныя на падставе агульнадзяржаўных узораў, але з улікам спецыфікі прадстаўнікоў канфесіі. У параўнанні з узорам адпаведных дакументаў грамадзянскіх служачых у спісах духавенства адсутнічалі пазіцыі аб наяўнасці жонкі і дзяцей, уласнай маёмасці, знаходжанні ў адпачынку[26]. Таксама адзначаўся ўдзел рымска-каталіцкага духавенства ў ваенных кампаніях, хоць для такой інфармацыі не было асобнага слупка. Гэта было актуальна для Магілёўскай архідыяцэзіі, межы якой ахоплівалі Віцебскую і Магілёўскую губерні, а таксама асобныя парафіі і капліцы на тэрыторыі Расійскай імперыі, якія не былі аб'яднаны ў адміністрацыйна-тэрытарыяльную структуру. Асобныя святары выконвалі абавязкі капеланаў у воінскіх фарміраваннях [8, с. 50; 9, s. 536–583]. Так, у сярэдзіне XIX ст. гэту пасаду займалі Юзаф Кавалеўскі, Самуіл Кроп, Чэслаў Кацякоўскі, Фадзей Сікорскі, Ігнацій Гербацкі і інш.[27] Акрамя таго, ратацыя кадраў у Рымска-каталіцкай царкве ажыццяўлялася часцей, чым у праваслаўнай, і людзі з попытам душпастарскай дзейнасці ў войску перамяшчаліся на парафіяльныя пасады або сумяшчалі іх, як, напрыклад, пробашч іркуцкага касцёла Хрыстафор Швярміцкі[28].

Структура фармулярных спісаў рымска-каталіцкага духавенства ў XIX ст. фактычна не змянялася [2, с. 89–98]. З мэтай надання значнасці гэтым відам дакументаў выкарыстоўвалася папера з філігранямі, а звесткі ўносіліся на рускай мове[29]. Друкаваныя фармуляры ўвайшлі ў выкарыстанне ў апошняй трэці XIX ст.[30] У рэдкіх выпадках тыпаграфскім спосабам прыводзіліся звесткі папярэдняга фармулярнага спіса, як у дачыненні да Юзафа Францава Свіклі (нарадзіўся каля 1877 г.). У яго выпадку інфармацыя пра сялянскае паходжанне, хатнюю адукацыю і завяршэнне магілёўскай семінарыі, кар'ерныя змены з моманту першага прызначэння надрукаваны, а губерня, апошняе перамяшчэнне, забеспячэнне і подпіс рэжыцка-разненскага дэкана выкананы рукапісным спосабам[31].

Фармулярныя спісы рымска-каталіцкага духавенства пачыналіся з тытульнага аркуша, на якім адзначаліся від дакумента, пасада святара, імя і год складання. На развароце дакумента змяшчалася табліца з 8–9 слупкоў, у першым з якіх пазначаліся імя, імя па бацьку, прозвішча і пасада святара, калі апошняе адсутнічала на тытульным аркушы.

Характарыстыка паходжання святара (другі слупок) у першай палове XIX ст. уключала інфармацыю пра саслоўе, месца нараджэння, у тым ліку павет і губерню. Напрыклад, у фармулярным спісе Дамініка Браневіча, капелана вязынскай філіяльнай капліцы на могілках, нават пазначана парафія нараджэння[32], але такая падрабязная інфармацыя характэрная пераважна для адзінага захаванага комплексу гэтых дакументаў па Мінскай дыяцэзіі за 1867 г.[33] У другой палове XIX ст. адзначалася саслоўная прыналежнасць. Святары пераважна былі шляхецкага паходжання, але адміністратарам шадурска-дукштыгальскага касцёла быў сын обер-афіцэра Мечыслаў Дыдалевіч[34], а з сялян паходзіў выконваючы абавязкі адміністратара касцюковіцкага касцёла з 1864 г. Дамінік Лятук[35]. У гэтым слупку таксама магла пазначацца нацыянальнасць прадстаўніка духавенства. Асобы іншаземнага паходжання пераважна выконвалі душпастарскую дзейнасць у сталічных касцёлах. Так, у Маскве служылі вікарый Петрапаўлаўскага касцёла сын прускага падданага Фрыдрых Отэн, пробашч касцёла Святога Людовіка Пётр Кудэр і вікарый Пётр Тэроль[36]. Трэці слупок спіса быў прысвечаны месцу нараджэння з пазначэннем даты і ўзросту ксяндза, а з сярэдзіны XIX ст. запіс быў спрошчаны да падачы звестак пра ўзрост.

Далейшы кар'ерны рост і лёс прадстаўніка духавенства ў значнай ступені залежалі ад адукацыі, звесткі пра яе змяшчаліся ў чацвёртым слупку. Аду-

[25]НГАБ. Ф. 136. Воп. 1. Спр. 41143. Арк. 109–113 адв.
[26]ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 3 : 1828. Ст. 2278.
[27]НГАБ. Ф. 1781. Воп. 25. Спр. 151. Арк. 191–192, 364 адв. – 365, 386 адв. – 387, 400–401, 454–455.
[28]Там жа. Арк. 444–445.
[29]Там жа. Спр. 83.
[30]Там жа. Спр. 57. Арк. 143–146 ; Спр. 174. Арк. 1–1 адв. ; Спр. 261. Арк. 1–4 ; Спр. 271. Арк. 1–6.
[31]Там жа. Спр. 271. Арк. 5–6.
[32]Там жа. Ф. 937. Воп. 6. Спр. 107. Арк. 294 адв. – 295.
[33]Там жа. Спр. 107.
[34]Там жа. Ф. 1781. Воп. 25. Спр. 151. Арк. 317–318.
[35]Там жа. Арк. 86 адв. – 87.
[36]Там жа. Арк. 422–423, 432–435.

кацыя падзялялася на свецкую (агульную), якую атрымлівалі падчас хатняга навучання або ў вучылішчах і гімназіях, і спецыяльную, якую можна было набыць у пачатку XIX ст. у кляштарах, а пазней толькі ў семінарыях і духоўнай акадэміі. Асобныя святары пазначалі нават засвоеныя падчас навучання дысцыпліны. Даныя аб ардынацыі ў першай трэці XIX ст. прыводзіліся пераважна ў слупку, прысвечаным прафесійнай дзейнасці. У прыватнасці, запісвалася імя біскупа, які ажыццяўляў абрад, а звесткі аб падрыхтоўцы да святарства ўносіліся разам з данымі аб агульнай адукацыі або прафесійнай дзейнасці. У XIX ст. сустракаліся выпадкі, калі чалавек мог атрымліваць адукацыю ў некалькіх духоўных навучальных установах, праходзячы ў іх розныя курсы навук, або перапыняць гэты працэс з правам вяртання. Напрыклад, адміністратар стружанскага касцёла Ігнаці Пупшэвіч навучаўся ў віленскай, а затым – у краслаўскай семінарыі[37]. Цікава склаўся лёс Дамініка Стацэвіча, які стаў рэктарам Санкт-Пецярбургскай духоўнай акадэміі і членам рымска-каталіцкай калегіі пасля навучання ў Аршанскім павятовым вучылішчы і Папорцкім дамініканскім кляштары. Ён таксама выкладаў правазнаўства ў імператарскім вучылішчы[38].

Найбольшым па аб'ёме інфармацыі быў раздзел, прысвечаны святарскай дзейнасці (шосты слупок). Душпастарская праца выпускніка семінарыі або духоўнай акадэміі ў XIX ст. пачыналася з ардынацыі і ўказа кансісторыі па ўзгадненні з органамі дзяржаўнай улады аб прызначэнні на пасаду. Звычайна першай была ніжэйшая ў іерархіі духавенства пасада вікарыя. Яе таксама маглі займаць асобы, не здольныя да самастойнага выканання душпастарскіх абавязкаў або паніжаныя за парушэнні[39]. Сярод апошніх у 1860-я гг. у Мінскай дыяцэзіі быў Андрэй Коц[40], а ў Магілёўскай архідыяцэзіі – Андрэй Кучынскі[41].

Рымска-каталіцкім духавенствам у фармулярных спісах вельмі рэдка запаўняўся слупок пра падсуднасць і наяўнасць спагнанняў (сёмы слупок). Пераважна гэтыя звесткі адлюстроўваліся ў асабовых справах, калі яны разглядаліся канфесіянальнай адміністрацыяй, або ў матэрыялах дзейнасці дзяржаўных устаноў. Іншай прычынай з'яўляецца тое, што ў выніку абвінавачання ва ўдзеле ў паўстаннях 1830-х і 1860-х гг. да прадстаўнікоў духавенства прымянялася адміністрацыйная высылка з пазбаўленнем правоў на ажыццяўленне душпастарскай дзейнайсці [10, с. 111–117; 11, s. 95–220]. Унутрыканфесіянальнай адказнасці яна не прадугледжвала, таму інфармацыя пра абвінавачанне ёсць толькі ў спісах, складзеных пасля аднаўлення ў правах, што адбылося ў 1857 г. з Янам Шчытам, якому было дазволена вярнуцца з Саратава ў Віцебскую губерню[42]. Згаданы вышэй Хрыстафор Швярміцкі быў высланы ў Іркуцкую губерню без пазбаўлення правоў на ажыццяўленне душпастарскай дзейнасці, што дазволіла яму там развіваць парафію[43].

Штогадовыя даходы святара і іх крыніцы (восьмы слупок фармулярнага спіса) залежалі ад заможнасці парафіі да 1844 г., калі быў уведзены падзел на класы[44]. У выніку на ўтрыманне касцёлаў аднаго класа прыходзіліся аднолькавыя сумы, нягледзячы на іх крыніцы[45]. Пры гэтым святар мог таксама мець уласны даход ад сумяшчэння абавязкаў, пераважна ў кансісторыях або навучальных установах, як, напрыклад, Фелікс Камянецкі, які з'яўляўся выкладчыкам Закону Божага ў Горы-Горацкім земляробчым інстытуце. Яго даход ад выкладчыцкай дзейнасці складаў 300 руб., а ў якасці пробашча ён атрымліваў 275 руб.[46] Здольнасць да далейшага выканання сваіх абавязкаў (дзявяты слупок фармулярнага спіса) праяўлялі ўсе рымска-каталіцкія святары. Выключэнне складалі эмерыты, узрост якіх не дазваляў ім выконваць працу на высокім узроўні (як, у прыватнасці, быламу віцэ-пробашчу санкт-пецярбургскага касцёла Святой Кацярыны Андрэю Кучынскаму[47]), а таксама асобы з псіхічнымі або фізічнымі захворваннямі[48].

Цікавы лёс можна прасачыць па фармулярным спісе доктара багаслоўя аўтара біблейскай герменеўтыкі (*Hermeneutica Biblica Senarsiater pretaudi skripturum sakrum rulqotae latinie Accomedata* [49]) Адольфа Багенскага. Ён атрымаў адукацыю ў Віленскай гімназіі і мінскай семінарыі, а затым навучаўся ў Віленскай акадэміі. Праз 2 гады пасля ардынацыі, у 1836 г., выконваў абавязкі прафесара Свяшчэннага Пісання (заняў стала пасаду ў 1843 г.) і быў памочнікам інспектара па выхаванні ў Санкт-Пецярбургскай рымска-каталіцкай акадэміі (1838/39 навучальны год). У 1849 г. прызначаны канонікам ма-

[37]НГАБ. Ф. 1781. Воп. 25. Спр. 151. Арк. 343–344.
[38]Там жа. Арк. 355–357.
[39]Lietuvos valstybes istorijos archyvas (LVIA). F. 604. Ap. 1. B. 327б.
[40]НГАБ. Ф. 937. Воп. 6. Спр. 107. Арк. 15 адв. – 18.
[41]Там жа. Ф. 1781. Воп. 25. Спр. 151. Арк. 356 адв. – 358.
[42]Там жа. Арк. 12 адв.– 15.
[43]Там жа. Арк. 444–445.
[44]Там жа. Воп. 2. Спр. 3261. Арк. 5–6 адв.
[45]Там жа. Воп. 25. Спр. 83. Арк. 1–6.
[46]Там жа. Спр. 151. Арк. 36–37.
[47]Там жа. Арк. 356 адв. – 358.
[48]LVIA. F. 604. Ap. 1. B. 2631.
[49]Так у арыгінале.

гілёўскага капітула, а ў 1855 г. – прэлатам-кантарам. За сваю дзейнасць быў узнагароджаны нагрудным крыжам (1845), ордэнамі Святой Ганны III ступені (1846), Святога Станіслава II ступені (1856), бронзавым крыжам і медалём у памяць аб Крымскай вайне. Забеспячэнне А. Багенскага як прафесара акадэміі складала 857 руб., а на пасадзе прэлата капітула – 275 руб.[50]

Заключэнне

Такім чынам, духавенства ў перыяд уваходжання беларускіх зямель у склад Расійскай імперыі адыгрывала значную ролю на грамадска-палітычнай арэне і з'яўлялася адным з прывілеяваных саслоўяў, таму яго асабоваму складу надавалася вялікая ўвага. У гэтым даследаванні ажыццёўлены кампаратыўны аналіз масавых крыніц па асабовым складзе праваслаўнага і рымска-каталіцкага духавенства. Лёсы яго прадстаўнікоў прасочваліся вышэйстаячымі ўстановамі шляхам збору штогадовых звестак па вызначаным узоры. Сёння гэтыя крыніцы сканцэнтраваны пераважна ў комплексах кліравых ведамасцей у архіўных фондах праваслаўных кансісторый і фармулярных спісах духавенства ў фондах рымска-каталіцкіх кансісторый у НГАБ, сярод якіх па прычыне паўнаты захаванасці ўвагі патрабуюць фонды «Мінская праваслаўная духоўная кансісторыя» (ф. 136) і «Магілёўская рымска-каталіцкая кансісторыя» (ф. 1781). Структура прадстаўлення і змест асабовых звестак у гэтых крыніцах адпавядаюць фармулярным спісам грамадзянскіх служачых, якія былі спецыфікаваны пад уласцівасці канфесій. Яны запаўняліся штогадова на рускай мове (хаця з 1870-х гг. пастаянныя рэквізіты друкаваліся на царкоўнаславянскай мове) прадстаўнікамі духавенства, завяраліся святарамі, благачыннымі (дэканамі) і перадаваліся ў кансісторыі. Прадстаўнікі Рымска-каталіцкай царквы карысталіся паперай з філігранямі, а з апошняй трэці XIX ст. і друкаванымі фармулярамі, на якіх пакідалася месца для пераменнай інфармацыі пра апошняе месца дзейнасці, узнагароды і здольнасці.

Запаўненне звестак пра адукацыю, пасады, узнагароды і падсуднасць у кліравых ведамасцях і фармулярных спісах духавенства было ўніфікавана і ўключала год і апісанне падзеі, а для членаў сям'і пазначаўся толькі ўзрост. У асобных выпадках прадстаўнікі канфесій падавалі поўную дату прызначэння на пасаду, узнагароджання, накладання спагнанняў і адпаведны нумар указа кансісторыі.

Агульнай інфармацыяй для ўсіх крыніц з'яўляецца прадстаўленне наступных звестак: прозвішча, імя і імя па бацьку, пасады і ўзросту; саслоўнай прыналежнасці; месца атрымання адукацыі, інфармацыі пра пасвячэнне ў духоўны сан і пасады, якія займаў прадстаўнік духавенства, яго ўзнагароды, спагнанні і знаходжанне пад судом; здольнасці да далейшай дзейнасці. Пры гэтым калі структура фармулярных спісаў рымска-каталіцкага духавенства на працягу вызначанага перыяду не змянялася, то ў развіцці фармуляра кліравых ведамасцей вылучаецца чатыры этапы адпаведна пашырэнню прадстаўляемых звестак. Яны паступова сталі ўключаць інфармацыю пра жонак і дзяцей кліру, у тым ліку паводзіны і адукацыю апошніх, ступень сваяцтва, наяўнасць уласнай маёмасці і нават знаходжанне ў адпачынку. Асобна ў праваслаўнай царкве з 1823 г. пералічваліся пазаштатныя члены кліру, а ў Рымска-каталіцкай царкве складаліся фармулярныя спісы на эмерытаў, якія пражывалі пры капліцах і прыходах.

Нягледзячы на пэўную розніцу ў фармулярах і змесце кліравых ведамасцей праваслаўнага кліру і фармулярных спісаў рымска-каталіцкага духавенства, вынікі аналізу дазваляюць сцвярджаць пра ўніфікацыю падыходаў да стварэння масавых крыніц па асабовым складзе духавенства ў справаводстве абедзвюх канфесій на падставе нарматыўнай праваой базы Расійскай імперыі для прасочвання кар'ернага росту грамадзянскіх служачых. Вызначэнне кола асноўных і дадатковых звестак дазваляе пашырыць крыніцазнаўчую базу даследаванняў па гісторыі Беларусі і сумежжа з выкарыстаннем макрагістарычнага і мікрагістарычнага падыходаў.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Антановіч ЗВ. Кліравыя ведамасці Мінскай епархіі як гістарычная крыніца (па матэрыялах Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі). *Беларускі археаграфічны штогоднік.* 2018;19:51–60.

2. Антановіч ЗВ. *Архівы Магілёўскай і Мінскай рымска-каталіцкіх кансісторый: гісторыя, структура, склад дакументаў (1782–1918 гг.).* Мінск: Экоперспектива; 2016. 226 с.

3. Владимиров ВН, Чибисов МЕ. Клировые ведомости как источник для изучения приходского духовенства Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа. *Известия Алтайского государственного университета. История.* 2014;4:59–63. DOI: 10.14258/izvasu(2014)4.1-08.

4. Всеволодов АВ. *Православное приходское духовенство в 1840-е – 1880-е гг.: материальное обеспечение, корпоративная организация, самосознание (на материалах Вологодской епархии)* [диссертация]. Череповец: ЧГУ; 2014. 377 с.

[50] НГАБ. Ф. 1781. Воп. 25. Спр. 151. Арк. 14 адв. – 18.

5. Мангилёва АВ. Православное духовенство города Ирбита в первой трети XIX века (на основе данных клировых ведомостей). *Вестник Челябинского государственного университета. История.* 2011;1:114–123.
6. Спичак АВ. Эволюция оформления клировых ведомостей в Тобольской епархии в XVIII – начале XX веков. *Научный диалог*. 2015;12:328–338.
7. Зайончковский ПА. *Правительственный аппарат самодержавной России в XIX веке*. Москва: Мысль; 1978. 288 с.
8. Толстой ДА. *Римский католицизм в России. Том 1.* Санкт-Петербург: Типография В. Ф. Демакова; 1876. 178 с.
9. Boudou A. *Stolica Swięta a Rosja: dyplomatyczne stosunki między niemi w XIX stuleciu. Tom 1: 1814–1847.* Kraków: Wydawnictwo księży Jezuitów; 1928. 608 s.
10. Горбачева ОВ. Восстание 1863–1864 гг. и репрессивные мероприятия царизма в Беларуси. В: *Powstanie styczniowe 1863–1864. Wałka i uczęstnicy. Represje i wygnanie. Historiografia i tradycja*. Kielce: Wydawnictwo Akademii Świętokrzyskiej; 2005. s. 111–117.
11. Niebelski E. *Tunka: syberyjskie losy księży zesłańców 1863 roku*. Wrocław: Polskie Towarzystwo Ludoznawcze; 2011. 394 s.

References

1. Antanovich ZV. The clergy lists of the Minsk Diocese as a historical source (based on the materials of the National Historical Archives of Belarus). *Belaruski arheagrafichny shtogodnik*. 2018;19:51–60. Belarusian.
2. Antanovich ZV. *Arhivy Magiljowskaj i Minskaj rymska-katalickih kansistoryj: gistoryja, struktura, sklad dakumentaw (1782–1918 gg.)* [Mohilev' and Minsk' roman-catholic consistories' archives: history, structure, content of documents (1782–1918)]. Minsk: Ekoperspektiva; 2016. 226 p. Belarusian.
3. Vladimirov VN, Chibisov ME. Clerics Statements as a Source for the Study of Kolyvano-Voskresensky (Altay) Mountain District Parish Clergy. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. 2014;4:59–63. DOI: 10.14258/izvasu(2014)4.1-08. Russian.
4. Vsevolodov AV. *Pravoslavnoe prikhodskoe dukhovenstvo v 1840-e – 1880-e gg.: material'noe obespechenie, korporativnaya organizatsiya, samosoznanie (na materialakh Vologodskoi eparkhii)* [Orthodox parish clergy in the 1840–1880s: material support, corporate organization, self-awareness: based on materials from the Vologda diocese] [dissertation]. Cherepovets: Cherepovets State University; 2014. 377 p. Russian.
5. Mangileva AV. The Orthodox clergy of the Irbit in the first third of the 19th century (based on clergy lists). *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. 2011;1:114–123. Russian.
6. Spichak AV. Evolution of clerical lists registration in Tobolsk Eparchy in 18th – beginning of 20th centuries. *Nauchnyi dialog*. 2015; 12:328–338. Russian.
7. Zayonchkovsky PA. *Pravitel'stvennyi apparat samoderzhavnoi Rossii v XIX veke* [The government apparatus of autocratic Russia in the 19th century]. Moscow: Mysl'; 1978. 288 p. Russian.
8. Tolstoy DA. *Rimskii katolitsizm v Rossii. Tom 1* [Roman Catholicism in Russia. Volume 1]. Saint Petersburg: Tipografiya V. F. Demakova; 1876. 178 p. Russian.
9. Boudou A. *Stolica Swięta a Rosja: dyplomatyczne stosunki między niemi w XIX stuleciu. T. 1: 1814–1847*. Kraków: Wydawnictwo księży Jezuitów; 1928. 608 s.
10. Gorbacheva OV. 1863–1864 uprising and repressive measures of Tsarism in Belarus. In: *Powstanie styczniowe 1863–1864. Wałka i uczęstnicy. Represje i wygnanie. Historiografia i tradycja.* Kielce: Wydawnictwo Akademii Świętokrzyskiej; 2005. p. 111–117. Russian.
11. Niebelski E. *Tunka: syberyjskie losy księży zesłańców 1863 roku*. Wrocław: Polskie Towarzystwo Ludoznawcze; 2011. 394 s.

Артыкул паступіў у рэдкалегію 23.12.2019.
Received by editorial board 23.12.2019.

УДК [94(476):34]«1797/1840»

СУДЕБНАЯ СИСТЕМА НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В 1797–1840 гг.

И. Г. ГУЩИНСКИЙ[1)]

[1)]*Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка, ул. Советская, 18, 220030, г. Минск, Беларусь*

Исследуется судебная система, которая действовала на территории Беларуси в 1797–1840 гг., т. е. в период от преобразований Павла I до упразднения Николаем I местных особенностей в сфере правосудия, внедрения российской модели судоустройства и судопроизводства. В это время судебная система края заметно отличалась от той, которая существовала во внутренних губерниях Российской империи. Она совмещала в себе местную судебно-правовую традицию времен Великого княжества Литовского и Речи Посполитой и нормы российского законодательства. Данная судебная система действовала, хотя и с некоторыми изменениями, более трех десятилетий, пока под влиянием восстания 1830–1831 гг. самодержавие не перешло к ликвидации местных особенностей в судебно-правовой сфере.

Ключевые слова: судебная система; судоустройство; судопроизводство; Статут Великого княжества Литовского 1588 г.; западные губернии; Российская империя.

Благодарность. Автор выражает благодарность доктору исторических наук профессору кафедры истории Беларуси и славянских народов Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка Анатолию Павловичу Житко за помощь в подготовке статьи.

СУДОВАЯ СІСТЭМА НА ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСІ Ў 1797–1840 гг.

І. Г. ГУШЧЫНСКІ[1*]

[1*]*Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя Максіма Танка, вул. Савецкая, 18, 220030, г. Мінск, Беларусь*

Даследуецца судовая сістэма, якая дзейнічала на тэрыторыі Беларусі ў 1797–1840 гг., гэта значыць у перыяд ад пераўтварэнняў Паўла I да скасавання Мікалаем I мясцовых асаблівасцей у сферы правасуддзя і ўкаранення расійскай мадэлі судаўладкавання і судаводства. У гэты час судовая сістэма краю значна адрознівалася ад той, якая існавала ва ўнутраных губернях імперыі. Яна сумяшчала ў сабе мясцовую судова-прававую традыцыю часоў Вялікага Княства Літоўскага і Рэчы Паспалітай і нормы расійскага заканадаўства. Дадзеная судовая сістэма дзейнічала, хаця і з некаторымі зменамі, больш за тры дзесяцігоддзі, пакуль пад уплывам паўстання 1830–1831 гг. самадзяржаўе не перайшло да ліквідацыі мясцовых асаблівасцей у судова-прававой сферы.

Ключавыя словы: судовая сістэма; судаўладкаванне; судаводства; Статут ВКЛ 1588 г.; заходнія губерні; Расійская імперыя.

Падзяка. Аўтар выказвае падзяку доктару гістарычных навук прафесару кафедры гісторыі Беларусі і славянскіх народаў Беларускага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя Максіма Танка Анатолію Паўлавічу Жытко за дапамогу ў падрыхтоўцы артыкула.

Образец цитирования:
Гушчынскі ІГ. Судовая сістэма на тэрыторыі Беларусі ў 1797–1840 гг. *Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Гісторыя.* 2020;2:19–30.
https://doi.org/10.33581/2520-6338-2020-2-19-30

For citation:
Hushchynski IH. The judicial system in the territory of Belarus in 1797–1840. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2020;2:19–30. Belarusian.
https://doi.org/10.33581/2520-6338-2020-2-19-30

Автор:
Игорь Геннадьевич Гущинский – кандидат исторических наук, доцент; заместитель декана по учебной работе факультета дошкольного образования.

Author:
Ihar H. Hushchynski, PhD (history), docent; deputy dean for academic affairs at the pre-school faculty.
hushchynski@gmail.com
https://orcid.org/0000-0001-6866-7723

Журнал Белорусского государственного университета. История. 2020;2:19–30
Journal of the Belarusian State University. History. 2020;2:19–30

THE JUDICIAL SYSTEM IN THE TERRITORY OF BELARUS IN 1797–1840

I. H. HUSHCHYNSKI[a]

[a]*Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, 18 Savieckaja Street, Minsk 220030, Belarus*

The article presents the study of the judicial system that operated on the territory of Belarus from 1797–1840, i. e., from the time of Paul I reforms to the abolition of local features in the sphere of justice by Nikolai I and the introduction of the Russian model of judicial system and legal proceedings. At this time, the judicial system of the region was significantly different from that in the inner provinces of the empire. In this judicial system, retaining of the local judicial legal tradition of the times of the Grand Duchy of Lithuania and the Polish-Lithuanian Commonwealth was combined with the use of Russian law. This judicial system has been operating, albeit with some changes, for more than 3 decades, while under the influence of the anti-Russian uprising of 1830–1831 the autocracy did not proceed to eliminate local features in the judicial sphere. This judicial system has operated, albeit with some changes, for more than 3 decades – until when under the influence of the uprising of 1830–1831 the autocracy proceed to eliminate local features in the judicial sphere.

Keywords: judicial system; judiciary; legal proceedings; Third Statute of the Grand Duchy of Lithuania; the Western Provinces; the Russian Empire.

Acknowledgements. The author is grateful to Anatoly Pavlovich Zhitko, doctor of science, professor at the department of history of Belarus and Slavic peoples of the Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank for assistance in preparing the article.

Уводзіны

Пасля далучэння тэрыторыі Беларусі да Расійскай імперыі ў выніку трох падзелаў Рэчы Паспалітай расійскімі ўладамі праводзіліся мерапрыемствы па ўкараненні тут агульнаімперскай мадэлі мясцовага кіравання і суда. Галоўнае месца сярод іх займала ўвядзенне заканадаўчага акта «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» (далей – «Учреждения...»), падпісанага 7 лістапада 1775 г. Кацярынай II, які вызначаў сістэму мясцовага кіравання і суда ў краіне. На той частцы тэрыторыі Беларусі, якая была ўключана ў склад Расійскай імперыі пасля першага і другога падзелаў Рэчы Паспалітай, ён быў уведзены ў 1778 і 1795 гг. адпаведна. На землях, далучаных у выніку трэцяга падзелу, адкрыццё судовых і адміністрацыйных устаноў, паводле «Учреждений...», было запланавана на канец 1796 г. Аднак з-за смерці Кацярыны II у лістападзе 1796 г. гэтага так і не адбылося. Пераемнік імператрыцы Павел I замест правядзення ранейшай фарсіравана ўніфікатарскай палітыкі ўзяў курс на захаванне ці ўзнаўленне тут парадкаў часоў ВКЛ і Рэчы Паспалітай. У першую чаргу гэта датычылася судовай сістэмы. Павел I захаваў у заходніх губернях дзеянне мясцовага права (Статута ВКЛ 1588 г. і сеймавых канстытуцый Рэчы Паспалітай), а таксама аднавіў, хаця і не ў поўнай ступені, сістэму судовых органаў часоў ВКЛ. У выніку дадзеных пераўтварэнняў у краі сфарміравалася судовая сістэма, якая значна адрознівалася ад расійскай. Яна дзейнічала, хаця і з некаторымі зменамі, на працягу больш як трох дзесяцігоддзяў, пакуль пад уплывам паўстання 1830–1831 гг. самадзяржаўе не перайшло да ліквідацыі мясцовых асаблівасцей у судова-прававой сферы. Дадзены працэс адбываўся паэтапна. На ўсёй тэрыторыі Беларусі расійская мадэль судовай сістэмы ўкаранілася ў 1840 г.

Судовая сістэма, як і ва ўсе часы, у 1797–1840 гг. адыгрывала важную ролю ў жыцці грамадства на тэрыторыі Беларусі. У дадзены перыяд асаблівасці судова-прававога ладу з'яўляліся адным з галоўных фактараў, які вызначаў спецыфіку сацыяльна-эканамічнага развіцця і грамадскага жыцця краю ў параўнанні з іншымі рэгіёнамі Расійскай імперыі. Таму, натуральна, судовая сістэма, якая дзейнічала ў той час на беларускіх землях, была разгледжана ў вялікай колькасці абагульняючых навуковых прац і вучэбных выданняў па гісторыі Беларусі і гісторыі дзяржавы і права. Дадзенай тэме ці асобным яе аспектам прысвечаны шэраг спецыяльных даследаванняў [1–7]. Таксама праблема судовай сістэмы краю разглядаемага перыяду закраналася даследчыкамі пры вывучэнні гісторыі адміністрацыйнага кіравання [8], чыноўніцтва [9; 10], гарадоў [11]. Папярэднія даследаванні дазволілі сабраць значны пласт інфармацыі, якая служыць базай для далейшага вывучэння судовай сістэмы на тэрыторыі Беларусі ў канцы XVIII – першай палове XIX ст. Тым не менш аналіз сучаснага ўзроўню распрацаванасці дадзенай праблемы паказаў, што яна раскрыта ў навуковай літаратуры ў значнай ступені схематычна і фрагментарна. У якасці крыніцы інфармацыі аб судовай сістэме выкарыстоўваліся пераважна заканадаўчыя акты, хаця яны

далёка не ў поўнай ступені адлюстроўвалі рэальны стан судаўладкавання і судаводства. Некаторыя аспекты дадзенай праблемы наогул засталіся практычна не раскрытымі ў гістарыяграфіі (напрыклад, кампрамісарскія і падкаморскія суды, адрозненні ў судаўладкаванні розных губерняў). Таму далейшае вывучэнне судовай сістэмы на тэрыторыі Беларусі ў 1797–1840 гг. захоўвае сваю **актуальнасць**.

Мэтай прадстаўленага ў дадзеным артыкуле даследавання з'яўляецца ўстанаўленне мадэлі судаўладкавання і раскрыццё асноўных сутнасных характарыстык судаводства на тэрыторыі Беларусі ў перыяд ад пераўтварэнняў у судовай сістэме краю, праведзеных Паўлам I, да канчатковага скасавання тут мясцовых асаблівасцей у сферы правасуддзя ў 1840 г. Дасягненне дадзенай мэты прадугледжвае вырашэнне наступных даследчых задач: паказаць змены ў судовай сістэме на тэрыторыі Беларусі ў перыяд праўлення Паўла I; раскрыць функцыі і склад розных судовых органаў; вызначыць прававую базу, на падставе якой дзейнічалі суды; выявіць адрозненні ў арганізацыі сферы правасуддзя ў розных губернях; ахарактарызаваць ролю генерал-губернатараў і губернатараў у судовай сістэме. Вырашэнне гэтых задач будзе садзейнічаць больш глыбокаму асэнсаванню сацыяльна-палітычных працэсаў, палітыкі самадзяржаўя і ўвогуле ўсебаковаму вывучэнню гісторыі Беларусі акрэсленага перыяду.

Метадалогія даследавання

Прадстаўленае ў дадзеным артыкуле даследаванне базіруецца на тэарэтыка-метадалагічных прынцыпах гістарызму, аб'ектыўнасці, сістэмнага аналізу і каштоўнаснага падыходу. Непасрэдным інструментарыем дасягнення даследчай мэты сталі як агульнанавуковыя (аналіз і сінтэз, індукцыя і дэдукцыя і г. д.), так і канкрэтна-гістарычныя метады (гісторыка-генетычны, гісторыка-параўнальны, гісторыка-тыпалагічны). Гэта дазволіла ўстанавіць мадэль судовай сістэмы, якая дзейнічала на тэрыторыі Беларусі ў 1797–1840 гг. Крыніцазнаўчую базу даследавання склалі заканадаўчыя акты Расійскай імперыі, дакументы судовых і адміністрацыйных устаноў з фондаў Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі (НГАБ), а таксама фактычныя звесткі аб судаўладкаванні і судаводстве ў заходніх губернях у разглядаемы перыяд, якія ўтрымліваюцца ў працах вядомага правазнаўца таго часу Аляксандра Каравіцкага (1797–1864) [5; 6; 12].

Вынікі і іх абмеркаванне

Змены ў судовай сістэме на тэрыторыі Беларусі ў перыяд праўлення Паўла I. 12 снежня 1796 г. Павел I падпісаў указ аб новым падзеле дзяржавы на губерні[1]. Важным палажэннем дакумента было прызнанне за так званымі заходнімі губернямі (гэта значыць тэрыторыямі, далучанымі да Расійскай імперыі ў выніку падзелаў Рэчы Паспалітай) асобых правоў і прывілеяў, адным з праяўленняў чаго неўзабаве стала аднаўленне тут у агульных рысах сістэмы судаўладкавання часоў ВКЛ. Таксама ўказ ад 12 снежня 1796 г. прадугледжваў аб'яднанне Магілёўскай і Полацкай губерняў у адну Беларускую губерню з цэнтрам у Віцебску, а таксама стварэнне Літоўскай губерні з цэнтрам у Вільні замест планаваных асобных Віленскай і Слонімскай губерняў. Пазней, у 1801–1802 гг., адміністрацыйна-тэрытарыяльны падзел краю зноў змяніўся: Беларуская губерня была падзелена на Віцебскую і Магілёўскую, а Літоўская – на Віленскую і Гродзенскую[2].

Паводле зацверджаных 31 снежня 1796 г. Паўлам I штатаў адміністрацыйных і судовых устаноў[3], а таксама ўказа ад 6 лютага 1797 г. аб утварэнні Літоўскай губерні[4], у заходніх губернях прадугледжвалася сістэма судаўладкавання, набліжаная да той, якая тут існавала да падзелаў Рэчы Паспалітай. Нагадаем, судовая сістэма ВКЛ мела двухступеньчатую структуру і складалася з мясцовых судоў, якія дзейнічалі на ўзроўні павета ці горада (земскія, гродскія, падкаморскія, магістрацкія і некаторыя іншыя суды), і Трыбунала ВКЛ (Галоўнага суда) як апеляцыйнай інстанцыі [13]. Судаўладкаванне ў заходніх губернях пасля пераўтварэнняў Паўла I таксама складалася з судоў дзвюх інстанцый (гл. малюнак). Суды першай інстанцыі дзейнічалі на ўзроўні павета ці горада, а апеляцыйнай судовай інстанцыяй з'яўляліся галоўныя суды, якія знаходзіліся ў губернскіх гарадах. Рашэнні галоўных судоў можна было абскардзіць у Сенаце Расійскай імперыі. Акрамя падзелу на інстанцыі, ёсць і іншая прыкмета для тыпалагізацыі судовых органаў краю ў разглядаемы перыяд. Суды былі двух тыпаў – звычайныя (ардынарныйныя) і надзвычайныя (экстраардынарыйныя) [5]. Да звычайных судоў адносіліся ўста-

[1]Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. (далее – ПСЗРИ). Собр. 1 : в 45 т. СПб. : Тип. 2-го отд-ния собств. ЕИВ канцелярии, 1830–1851. Т. 24 : 1796–1797. № 17634.
[2]Там же. Т. 26 : 1800–1801. № 20004 ; Т. 27 : 1802–1803. № 20162.
[3]Там же. Т. 44 : Кн. штатов. Ч. 2. Отд-ние 4. К № 17702.
[4]Там же. Т. 24 : 1796–1797. № 17788.

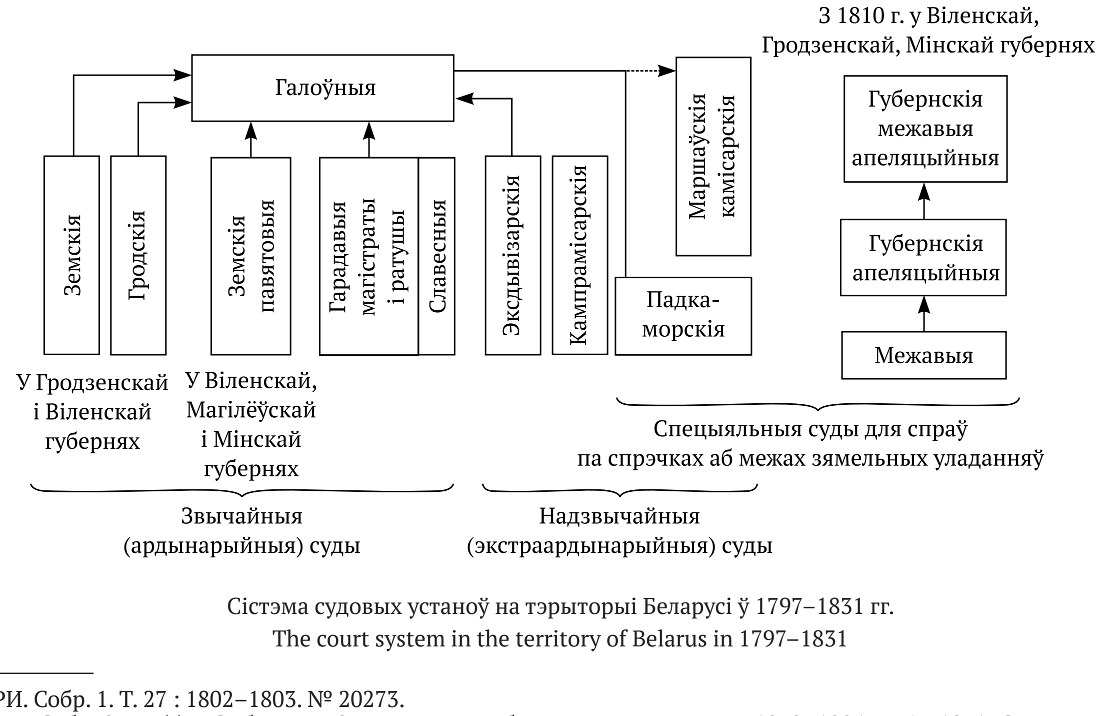
новы, якія мелі канкрэтнае месцазнаходжанне і вызначаны на пэўны тэрмін склад, разглядалі любыя справы ў межах сваёй юрысдыкцыі. Пры гэтым звычайныя суды павятовага ўзроўню (земскія, гродскія, земскія павятовыя) вялі разбор спраў не круглы год, а паводле прынцыпу сесій (кадэнцый, рочкаў). Надзвычайныя суды адрозніваліся ад звычайных тым, што ствараліся па рашэнні звычайных судоў для разбору канкрэтнай справы, адпаведна, справы яны не распачыналі і не мелі ўласнага памяшкання.

Склад судоў у заходніх губернях выбіраўся дваранствам ці гарадскімі саслоўнымі групамі (акрамя пасад саветнікаў у галоўных судах, якія прызначаліся ад урада). Першапачаткова расійскія ўлады дазволілі праводзіць выбары на падставе мясцовых традыцый. Гэта азначала, што канкрэтны тэрмін заняцця пасад не абмяжоўваўся. Аднак у 1802 г. на заходнія губерні было распаўсюджана правіла аб правядзенні выбараў кожныя 3 гады, як гэта прадугледжвалася «Учреждениями...»[5]. Для ўдзелу ў дваранскіх выбарах дапускаліся не ўсе дваране павета. Для гэтага быў вызначаны дастаткова высокі маёмасны цэнз, а пазней уводзілася яшчэ і патрабаванне мець класны чын, атрыманы на ваеннай ці грамадзянскай дзяржаўнай службе [14].

Судовая сістэма, якая сфарміравалася ў заходніх губернях у выніку пераўтварэнняў Паўла I, дзейнічала (з невялікімі карэкціроўкамі) да 1831 г., калі пад уплывам паўстання ўлада прыняла меры па ліквідацыі мясцовых асаблівасцей у судовай сістэме[6]. У Віцебскай і Магілёўскай губернях яны былі цалкам скасаваны. У Мінскай, Гродзенскай і Віленскай губернях на дадзеным этапе ўрад фактычна абмежаваўся прысваеннем судовым установам назваў іх расійскіх аналагаў. Разам з тым у гэтых губернях да 1840 г.[7] працягваў дзейнічаць Статут ВКЛ 1588 г., у судаводстве магла выкарыстоўвацца польская мова, існаваў інстытут адвакатуры, захоўваліся спецыфічныя суды, якіх не было ва ўнутраных губернях (эксдывізарскія, кампрамісарскія і ўведзеныя з 1810 г. межавыя).

Земскія павятовыя, земскія і гродскія суды. У паветах асноўнымі судовымі ўстановамі былі альбо земскія павятовыя суды (у Мінскай, Віцебскай і Магілёўскай губернях), альбо асобныя земскія і гродскія суды (у Гродзенскай і Віленскай губернях). Яны мелі ўласнае памяшканне, выбарны на пэўны тэрмін склад, вызначаныя тэрміны працы.

Земскія павятовыя суды, якія дзейнічалі ў Віцебскай, Магілёўскай і Мінскай губернях, былі падобныя на земскія суды часоў ВКЛ і лічыліся іх пераемнікамі. Аднак па шэрагу важных прыкмет яны былі прыведзены ў адпаведнасць з расійскімі павятовымі (*уездными*) судамі. Так, земскія павятовыя суды разглядалі як крымінальныя, так і грамадзянскія справы, хаця ў часы ВКЛ кампетэнцыя земскіх судоў абмяжоўвалася грамадзянскімі справамі, а на крымінальных спецыялізаваліся асобныя гродскія суды. Склад земскіх павятовых судоў Віцебскай, Магілёўскай і Віцебскай губерняў выбіраўся мясцовым дваранствам і практычна адпавядаў складу колішніх земскіх судоў: у іх уваходзілі земскі суддзя, двое падсудкаў (асэсары), пі-



Сістэма судовых устаноў на тэрыторыі Беларусі ў 1797–1831 гг.
The court system in the territory of Belarus in 1797–1831

[5]ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 27 : 1802–1803. № 20273.
[6]Там же. Собр. 2 : в 55 т. СПб. : Тип. 2-го отд-ния собств. ЕИВ канцелярии, 1830–1884. Т. 6 : 1831. Отд-ние 1. № 4233 ; Отд-ние 2. № 4894.
[7]Там же. Т. 15 : 1840. Отд-ние 1. № 13591.

сар (натарый) і некалькі возных (выконвалі функцыі судовага прыстава)[8]. У складзе земскіх павятовых судоў, у адрозненне ад расійскіх *уездных*, не прадугледжваліся засядацелі ад непрыватнаўласніцкіх сялян[9]. Аднак галоўная спецыфіка гэтых судоў, як і наогул усіх мясцовых судоў заходніх губерняў, заключалася ў выкарыстанні мясцовага права (пераважна ў сферы грамадзянскага судаводства). Адзначым, што земскія павятовыя суды ў дакументах часта называліся проста павятовымі ці земскімі[10]. Назва «земскія» ўказвала на іх пераемнасць з былымі земскімі судамі часоў ВКЛ, «павятовыя» – на іх адпаведнасць расійскім *уездным* судам. Фармальна земскія павятовыя суды павінны былі ажыццяўляць сваю дзейнасць паводле перыядычнага прынцыпу: весці разбор спраў не пастаянна, а збірацца 3 разы на год на шасцітыднёвыя сесіі (кадэнцыі)[11]. Тэрміны правядзення кадэнцый захоўваліся тыя ж, што былі ў земскіх судах ВКЛ. Іх пачатак суадносіўся з каталіцкімі святамі, ад якіх яны атрымалі назвы (Трохкаралеўская, Троіцкая і Міхальская кадэнцыі). Земскія павятовыя суды павінны былі дзейнічаць толькі ў студзені – лютым, маі – ліпені і кастрычніку – лістападзе [5]. Аднак з той прычыны, што земскія павятовыя суды, у адрозненне ад былых земскіх, разглядалі не толькі грамадзянскія, але і крымінальныя справы, ім фактычна даводзілася дзейнічаць круглы год[12]. Справа ў тым, што земскія павятовыя суды былі абавязаны збірацца для разбору крымінальнай справы адразу па яе паступленні, нават па-за тэрмінамі кадэнцый[13], і пры гэтым не маглі пад пагрозай прыцягнення да крымінальнай адказнасці спыняць працу, пакуль не будуць вырашаны ўсе крымінальныя справы, якія паступілі [7].

Што датычыцца Віленскай і Гродзенскай губерняў, то тут асноўнымі судовымі ўстановамі павятовага ўзроўню былі, як і ў часы ВКЛ, земскія і гродскія суды. Яны знаходзіліся ў павятовых гарадах і размяшчаліся, як правіла, у адным будынку альбо побач. Земскія і гродскія суды складаліся з выбарных ад мясцовага дваранства старшыні (прэзідэнта), трох-чатырох суддзяў, пісара і аднаго-двух возных [5; 6]. Земскія суды разглядалі грамадзянскія справы. Яны засядалі падчас кадэнцый, тэрміны якіх былі такімі ж, як у згаданых вышэй земскіх павятовых судоў [5]. Гродскія суды спецыялізаваліся на крымінальных справах, але маглі разглядаць і грамадзянскія. Яны, як і земскія суды, працавалі не пастаянна, а паводле прынцыпу сесій, якія называліся рочкамі. Гродскія суды збіраліся 4 разы на год і працавалі на працягу месяца (у сакавіку, маі, верасні і снежні) [5]. Дадзеныя тэрміны практычна супадалі з перыядамі паміж кадэнцыямі земскіх судоў, што дазваляла забяспечваць функцыянаванне правасуддзя ў павеце на працягу ўсяго года.

Выбарным ад мясцовага дваранства земскім павятовым, земскім і гродскім судам былі падсудныя не толькі дваране, але і іншыя катэгорыі негарадскога насельніцтва, таму сялян судзілі суддзі выключна з ліку дваран.

Падкаморскія і маршалкаўска-камісарскія суды. У паветах таксама прадугледжваліся спецыяльныя судовыя органы для разбору спрэчак аб межах зямельных уладанняў – падкаморскія суды, якія дзейнічалі ў ВКЛ яшчэ з часоў Статута ВКЛ 1566 г. Дадзеныя суды адносіліся да тыпу надзвычайных (экстраардынарыйных) [5]. Яны не мелі памяшкання і ўступалі ў паўнамоцтвы толькі на перыяд разбору канкрэтнай межавой спрэчкі. Самі судовыя справы першапачаткова ўзнікалі, як правіла, у земскіх павятовых (земскіх) судах альбо грамадзянскіх дэпартаментах галоўных судоў, а ўжо затым накіроўваліся для вырашэння ў падкаморскі суд[14]. Падкаморскія суды складаліся з выбарных ад мясцовага дваранства падкаморыя, каморніка і вознага[15]. У якасці месца судовага працэсу звычайна прызначаўся з узаемнай згоды суцяжнікаў адзін з маёнткаў, межы якога з'яўляліся прадметам спрэчкі[16]. Апеляцыі на рашэнні падкаморскіх судоў падаваліся ў грамадзянскія дэпартаменты галоўных судоў. Там прымалася рашэнне аб стварэнні судовай прысутнасці для разгляду апеляцыі. Такі суд называўся маршалкаўскім, камісарскім або маршалкаўска-камісарскім. У яго склад уваходзілі маршалак адпаведнага павета (у якасці старшыні суда), а таксама некалькі членаў, якія выбіраліся бакамі па ўзаемнай згодзе. Рашэнне маршалкаўскага суда лічылася канчатковым і не падлягала апеляцыі (за выключэннем выпадкаў, калі справа датычылася казённай маёмасці)[17].

Мяркуючы па інфармацыі дакументаў, якія захаваліся ў НГАБ, падкаморскія суды былі запатрабаваны галоўным чынам у Гродзенскай, Віленскай і Мінскай губернях. Што датычыцца Віцебскай і Магілёўскай губерняў, то матэрыялаў судовых спраў падкаморскіх судоў у ходзе даследавання выявіць

[8]ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 44 : Кн. штатов. Ч. 2. Отд-ние 4. К № 17702. С. 397–398 ; к № 24985. С. 225.
[9]Там же. К № 24985. С. 222.
[10]Там же. К № 17702. С. 397.
[11]Там же. Т. 24 : 1796–1797. № 18135.
[12]НГАБ. Ф. 1430. Воп. 1. Спр. 144. Арк. 11.
[13]ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 24 : 1796–1797. № 18135.
[14]НГАБ. Ф. 1834. Воп. 1. Спр. 1. Арк. 1, 20.
[15]ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 44 : Кн. штатов. Ч. 2. Отд-ние 4. К № 17702. С. 397.
[16]НГАБ. Ф. 1834. Воп. 1. Спр. 2. Арк. 1а.
[17]Там жа. Ф. 588. Воп. 2. Спр. 47. Арк. 1–2.

не ўдалося, хаця пасады падкаморыяў тут існавалі[18]. Найбольш верагодна, гэта звязана з тым, што ва ўсходняй частцы Беларусі, далучанай да Расійскай імперыі ў 1772 г., у першай палове 1780-х гг. расійскімі ўладамі была рэалізавана дзяржаўная праграма межавання зямель [15]. У той жа час у Рэчы Паспалітай, хаця аналагічны план і быў ухвалены ў 1788 г. Чатырохгадовым сеймам, яго не ажыццявілі [12]. Адпаведна, у Мінскай, Віленскай і Гродзенскай губернях праблема спрэчак аб межах уладанняў стаяла больш востра. Таму ў 1810–1812 гг. тут была створана цэлая сістэма межавых судоў[19]. Падкаморскія суды фармальна праіснавалі да 1832 г.[20]

Магістраты і ратушы. У гарадах функцыі суда першай інстанцыі выконвалі магістраты ці ратушы. Іх уладкаванне на тэрыторыі заходніх губерняў у заканадаўстве было адлюстравана невыразна. У штатах губерняў у графе «городовые магистраты» было пазначана, што яны існуюць за кошт гарадоў на іх правах і прывілеях[21]. Гэта азначала, што ў заходніх губернях маглі працягваць дзейнічаць на папярэдніх умовах магістраты, якія існавалі з часоў надзялення адпаведных гарадоў Магдэбургскім правам ці іншымі прывілеямі на самакіраванне. На практыцы склалася сітуацыя, калі ў розных гарадах краю магістраты мелі рознае ўладкаванне.

У Віцебскай і Магілёўскай губернях дзейнічалі гарадавыя магістраты і ратушы расійскага ўзору, уведзеныя тут яшчэ ў 1778 г. у адпаведнасці з «Учреждениями…» Кацярыны II. Гарадавыя магістраты былі ў павятовых гарадах, ратушы, – як правіла, у заштатных. Паводле «Учреждений…», гарадавыя магістраты складаліся з двух бургамістраў і чатырох ратманаў, якія выбіраліся ад купецтва і мяшчанства тэрмінам на 3 гады. Для разгляду справы было дастаткова прысутнасці аднаго бургамістра і двух ратманаў. У гарадскіх паселішчах з колькасцю насельніцтва да 500 душ ратушы маглі ўвогуле складацца з аднаго бургамістра і двух ратманаў. У адрозненне ад земскіх павятовых судоў магістраты ажыццяўлялі правасуддзе круглы год[22]. Пры гарадавых магістратах працягвалі дзейнічаць спецыяльныя суды для гандлёвых спраў – славесныя суды. Мяркуючы па дакументах, яны складаліся з двух выбарных суддзяў – ад хрысціян і яўрэяў[23]. Таксама пры гарадавых магістратах па-ранейшаму дзейнічалі сірочыя суды, якія разглядалі справы па апецы над малалетнімі сіротамі і ўдовамі [16].

У Мінскай губерні таксама дзейнічалі гарадавыя магістраты і ратушы, уведзеныя тут на падставе «Учреждений…» у 1795 г. Аднак, у адрозненне ад унутрырасійскіх губерняў, тут іх склад быў дапоўнены пасадамі лаўнікаў, якія ўваходзілі ў папярэднія магістраты, створаныя на падставе Магдэбургскага права [17]. Прычым гэта датычылася не толькі гарадоў, у якіх на момант уключэння ў склад Расійскай імперыі існавалі такія магістраты (Мінск, Пінск, Мазыр, Дзісна, Слуцк і Нясвіж [18]), але і іншых[24]. Яшчэ адной асаблівасцю мясцовых магістратаў была наяўнасць трэцяга бургамістра – ад яўрэйскай часткі насельніцтва горада[25].

Запланаванае на канец 1796 г. увядзенне расійскай мадэлі судаўладкавання на тэрыторыі Літоўскай губерні было адменена Паўлам I. У сувязі з гэтым у гарадах, дзе на той момант дзейнічала Магдэбургскае права, правасуддзе яшчэ нейкі час ажыццяўлялася папярэднімі магістратамі [11]. Прынамсі, гэта датычыла Вільні, Гродна, Коўна, Брэста, Навагрудка, Трокаў, Ліды і Ваўкавыска[26]. Магістрацкі суд тут мог быць двух відаў – войтаўскі (войтаўска-лаўніцкі) і бурмістарскі (радзецкі, бурмістарска-радзецкі). Крымінальныя і найбольш значныя грамадзянскія справы разбіраліся войтам і лаўнікамі (войтаўска-лаўніцкі суд). Справы па дробных крымінальных праступках, нязначных грамадзянскіх спрэчках, а таксама пытанні аб апякунстве маглі вырашацца бурмістарска-радзецкім судом, які складаўся з бурмістра (прэзідэнта) і некалькіх радцаў. У дробных гарадах і мястэчках такога дзялення магло не быць: там дзейнічалі адзіныя магістрацкія суды [5]. Вядома, што, напрыклад, у Навагрудку войтаўска-лаўніцкі суд дзейнічаў прынамсі да пачатку другога дзесяцігоддзя XIX ст.[27] Аднак з цягам часу суды ў гарадах Гродзенскай і Віленскай губерняў па складзе і структуры сталі адпавядаць расійскаму ўзору. Мяркуючы па тэксце кнігі вядомага правазнаўца таго часу Аляксандра Каравіцкага «Літоўскі грамадзянскі працэс» (*Proces cywilny litewski*, 1826), на момант яе выдання магістраты і ратушы фарміраваліся тут ужо на падставе «Учреждений…».

Кампрамісарскія і эксдывізарскія суды. Акрамя згаданых вышэй падкаморскіх судоў, да тыпу надзвычайных адносіліся таксама кампрамісарскія і эксдывізарскія суды [5]. Яны ствараліся па рашэнні судоў першай інстанцыі (земскіх павятовых, земскіх, гродскіх судоў, магістратаў) ці галоўных судоў для разбору канкрэтнай справы.

[18]НГАБ. Ф. 1297. Воп. 1. Спр. 1280.
[19]ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 31 : 1810–1811. № 24370, 24655 ; Т. 32 : 1812–1814. № 25005.
[20]Там же. Собр. 2. Т. 7 : 1832. № 5068.
[21]Там же. Собр. 1. Т. 44 : Кн. штатов. Ч. 2. Отд-ние 4. К № 24985. С. 228–231.
[22]Там же. Т. 20 : 1775–1780. № 14392.
[23]НГАБ. Ф. 1297. Воп. 1. Спр. 2720. Арк. 5 адв.
[24]Там жа. Ф. 156. Воп. 1. Спр. 4. Арк. 230 адв. Ф. 1832. Воп. 1. Спр. 17. Арк. 1–15.
[25]Там жа. Ф. 156. Воп. 1. Спр. 4. Арк. 230.
[26]ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 24 : 1796–1797. № 18266.
[27]НГАБ. Ф. 1820. Воп. 1. Спр. 4 ; Ф. 146. Воп. 2. Спр. 115. Арк. 15–16.

Кампрамісарскія суды, якія таксама называліся палюбоўнымі, па сваёй сутнасці з'яўляліся мясцовым варыянтам трацейскага суда. Для таго каб вырашыць спрэчку праз кампрамісарскі суд, бакі павінны былі заключыць адпаведную дамову і засведчыць яе ў мясцовым судзе першай інстанцыі. У склад кампрамісарскага суда ўваходзілі, як правіла, адзін суперарбітр, якога суцяжнікі выбіралі супольна, і па адным арбітры ад кожнага боку [5]. Рашэнне кампрамісарскага суда лічылася канчатковым, бо пры яго стварэнні бакі гарантавалі адзін аднаму, што не будуць рабіць спроб распачаць цяжбу па той жа справе ў звычайным судовым парадку[28].

Эксдывізарскія (эксдывізарска-таксатарскія) суды прызначаліся для разбору спраў аб падзеле маёмасці неплацежаздольных даўжнікоў паміж некалькімі крэдыторамі [5]. Дадзеныя суды ствараліся для разгляду канкрэтнай справы па рашэнні мясцовага суда першай інстанцыі ці грамадзянскага дэпартамента галоўнага суда. У склад эксдывізарскага суда ўваходзілі суддзі (эксдывізары), землямеры (каморнікі), а таксама сакратары для вядзення запісаў (рэгенты) [5]. Як правіла, было тры эксдывізары, адзін рэгент і некалькі (у залежнасці ад памеру маёнтка) каморнікаў. Пасяджэнні эксдывізарскага суда звычайна адбываліся на месцы знаходжання маёмасці, якую дзялілі. Рашэнне гэтага суда магло быць абскарджана ў грамадзянскім дэпартаменце галоўнага суда [2]. Фактычна разнавіднасцю эксдывізарскіх судоў былі ствараемыя па распараджэнні імператара спецыяльныя камісіі для разбору даўгоў некаторых буйных землеўладальнікаў (напрыклад, Дамініка Радзівіла) [19].

Галоўныя суды. Пасля пераўтварэнняў Паўла I судамі другой інстанцыі ў заходніх губернях сталі галоўныя суды, якія знаходзіліся ў губернскіх гарадах. Яны лічыліся пераемнікамі былога Трыбунала ВКЛ, які раней таксама называлі Галоўным судом [20]. Аднак па шэрагу важных параметраў галоўныя суды заходніх губерняў фактычна прыводзіліся ў адпаведнасць з расійскімі палатамі крымінальнага і грамадзянскага суда і значна адрозніваліся ад былога Трыбунала ВКЛ. Так, яны дзейнічалі на пастаяннай аснове, а не паводле прынцыпу з'ездаў на сесіі (кадэнцыі)[29]. Таксама ад колішняга Трыбунала ВКЛ галоўныя суды адрозніваліся тым, што яны дзяліліся на два дэпартаменты – крымінальны (першы) і грамадзянскі (другі). Фактычна гэта былі асобныя судовыя ўстановы, якія па сваіх функцыях адпавядалі палатам крымінальнага і грамадзянскага суда ўнутрырасійскіх губерняў. Склад галоўных судоў, у адрозненне ад Трыбунала ВКЛ, фарміраваўся як з прызначаемых ад урада чыноўнікаў, так і з выбарных ад мясцовага дваранства. Старшыні дэпартаментаў прызначаліся імператарам з ліку некалькіх выбраных мясцовым дваранствам кандыдатаў[30]. Акрамя старшынь, у склад кожнага з дэпартаментаў галоўных судоў уваходзілі адзін саветнік (прызначаўся Сенатам ад урада) і ад двух да чатырох засядацеляў (выбіраліся ад мясцовага дваранства)[31].

У Літоўскай губерні ў 1797–1801 гг. галоўны суд істотна адрозніваўся ад іншых. Ён, як і колішні Трыбунал ВКЛ, не дзяліўся на дэпартаменты і меў цалкам выбарны склад[32]. Што адметна, у сваёй дзейнасці Галоўны літоўскі суд паралельна выкарыстоўваў і назву «Літоўскі трыбунал» [5]. Акрамя Вільні, суд засядаў таксама ў Гродне[33]. Пасля таго як у верасні 1801 г. Літоўская губерня была падзелена на Віленскую і Гродзенскую, тут стварылі асобныя Віленскі і Гродзенскі галоўныя суды[34]. Яны ўжо мелі практычна такое ж уладкаванне, як і галоўныя суды іншых заходніх губерняў: дзяліліся на крымінальны і грамадзянскі дэпартаменты, а таксама ўключалі ў свой склад прызначаных ад урада суддзяў (двух саветнікаў), якіх у Галоўным літоўскім судзе не было[35]. Адрозненнем Гродзенскага і Віленскага галоўных судоў у параўнанні з Мінскім, Віцебскім і Магілёўскім галоўнымі судамі з'яўлялася большая колькасць выбарных ад дваранства засядацеляў – па чатыры ў кожным дэпартаменце, а не па два[36].

Асноўнай функцыяй крымінальных дэпартаментаў галоўных судоў была рэвізія прыгавораў па крымінальных справах судоў першай інстанцыі. Прынамсі, гэта датычылася ўсіх прыгавораў, якія прадугледжвалі для вінаватага грамадзянскую смерць, пазбаўленне гонару ці цялеснае пакаранне (акрамя яго лёгкіх форм за менш значныя праступкі) [6]. Рэвізія справы ў крымінальным дэпартаменце фактычна ўяўляла сабой новы яе разгляд, але на падставе ўжо наяўных матэрыялаў (допытаў, заключэнняў экспертаў, вынікаў вобыскаў і г. д.) [6][37]. Крымінальныя дэпартаменты галоўных судоў маглі выступаць і ў якасці суда першай інстанцыі, напрыклад, па справах аб злачынствах службовых асоб [7]. Рашэнні галоўных судоў па крымінальных справах перад прывядзеннем іх у выкананне мусілі быць адобраны губернскім пракурорам. Калі той апратэстоўваў прыгавор, справа накіроўвалася га-

[28]НГАБ. Ф. 588. Воп. 1. Спр. 206. Арк. 1–2.
[29]ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 24 : 1796–1797. № 18135.
[30]Там же. № 17789 ; Т. 26 : 1800–1801. № 19628.
[31]Там же. Т. 44 : Кн. штатов. Ч. 2. Отд-ние 4. К № 17702 ; к № 24985. С. 225 ; Т. 36 : 1819. № 28063 ; Т. 38 : 1822–1823. № 28862.
[32]Там же. Т. 24 : 1796–1797. № 17788.
[33]Там же. Т. 24 : 1796–1797. № 17788 ; Т. 25 : 1798–1799. № 18405, 18909.
[34]Там же. Т. 26 : 1800–1801. № 20096.
[35]Там же. Т. 44 : Кн. штатов. Ч. 2. Отд-ние 4. К № 24985. С. 226.
[36]Там же. С. 225–226.
[37]НГАБ. Ф. 76. Воп. 1. Спр. 19.

лоўнаму начальніку губерні (генерал-губернатару, вайсковаму ці грамадзянскаму губернатару) [6]. Па шэрагу катэгорый крымінальных спраў рашэнні галоўных судоў падлягалі абавязковай рэвізіі ў Сенаце (у адносінах да малалетніх, прыгавораных да грамадзянскай смерці дваран і чыноўнікаў, пры вынясенні прысуду больш чым 10 асуджаным і ў некаторых іншых выпадках) [6].

Грамадзянскія дэпартаменты галоўных судоў разглядалі апеляцыі на рашэнні судоў першай інстанцыі па грамадзянскіх цяжбах. Прычым справы, якія закраналі інтарэсы казны ці духавенства, маглі разглядацца ў другім дэпартаменце галоўнага суда толькі пасля атрымання па іх папярэдняга заключэння асоб пракурорскага нагляду [7]. Рашэнні грамадзянскіх дэпартаментаў галоўных судоў маглі быць абскарджаны ў Сенаце [7].

Надворныя суды. У 1797–1801 гг. у заходніх губернях існавалі так званыя надворныя суды[38]. Яны знаходзіліся ў Вільні (для Літоўскай губерні) і Жытоміры (для астатніх заходніх губерняў, у тым ліку Беларускай і Мінскай) [8]. У іх кампетэнцыю ўваходзіў разгляд рознага роду спраў, якія датычыліся гарадскіх прывілеяў ці казённых уладанняў. Надворныя суды складаліся на парытэтных пачатках з чыноўнікаў, прызначаных ад урада, і выбарных ад мясцовага дваранства. Апеляцыйнай інстанцыяй для гэтых судоў быў Сенат[39]. У лістападзе 1797 г. у Літоўскай губерні па хадайніцтве мясцовага ваеннага губернатара Мікалая Рэпніна да юрысдыкцыі надворнага суда былі аднесены справы аб службовых злачынствах чыноўнікаў. Да гэтага яны былі падсуднымі Галоўнаму літоўскаму суду, склад якога поўнасцю выбіраўся мясцовым дваранствам[40]. Хутчэй за ўсё, Мікалай Рэпнін сумняваўся ў яго бесстароннасці адносна рускіх чыноўнікаў. Літоўскі і Валынскі надворныя суды былі скасаваны ў канцы 1801 г.[41]

Сістэма межавых судоў. Як ужо адзначалася вышэй, у 1810–1812 гг. у Мінскай, Гродзенскай і Віленскай губернях для разбору спрэчак аб межах зямельных уладанняў была створана цэлая сістэма межавых судоў (гл. малюнак). Гэта прадугледжвалася «Положением о размежевании Литовско-Виленской губернии» ад 6 кастрычніка 1810 г.[42] (у 1811 г. яго дзеянне было распаўсюджана на Гродзенскую губерню[43], а ў 1812 г. – на Мінскую[44]). У аснове дадзенага дакумента ляжаў план межавання зямель Рэчы Паспалітай, ухвалены Чатырохгадовым сеймам у 1788 г. [12].

Паводле «Положения о размежевании Литовско-Виленской губернии», сістэма межавых судоў выглядала наступным чынам. Дваранствам павета выбіраліся на трохгадовы тэрмін ад 15 да 21 межавых суддзяў. З іх ліку ў павятовым горадзе стваралася пастаянная судовая прысутнасць з пяці суддзяў (у адпаведнасці з вызначанай чаргой) – апеляцыйны межавы суд. Дадзеная судовая ўстанова прымала прашэнні аб разборы спрэчак, прызначала межавы суд першай інстанцыі, а таксама разглядала апеляцыі на рашэнні апошняга. Для разбору справы па першай інстанцыі апеляцыйным межавым судом праз жэрабя выбіраўся адзін з межавых суддзяў, прызначаліся сакратары (рэгенты) і каморнікі (землямеры), а ад суцяжнікаў прызначаліся арбітры. У вызначаны тэрмін удзельнікі суда прыбывалі на месца і ўжо там непасрэдна вяліся судовыя пасяджэнні (у адным з маёнткаў, які падлягаў размежаванню). Апеляцыі на рашэнні межавых судоў першай інстанцыі маглі разглядацца як па месцы знаходжання апеляцыйнага межавога суда (згаданай прысутнасцю з пяці суддзяў), так і з выездам на месца. У апошнім выпадку для вырашэння справы на месцы апеляцыйным судом накіроўваліся тры суддзі. Рашэнне апеляцыйнага межавога суда лічылася канчатковым і абскарджанню не падлягала[45].

Мяркуючы па ўсім, аб'ектыўнасць гэтых судоў нярэдка выклікала сумненні ў суцяжнікаў. Натуральна, унутры павета было складана пазбегнуць сітуацыі, калі ўзнікала падазрэнне, што хтосьці з суддзяў мог мець нейкія адносіны з адным з зацікаўленых бакоў і не быць бесстаронні пры вырашэнні справы. У сувязі з гэтым у канцы 1815 – 1816 г. у Гродзенскай, Мінскай і Віленскай губернях па просьбе мясцовага дваранства была ўведзена яшчэ і трэцяя інстанцыя межавых судоў – апеляцыйныя нармальныя суды (таксама іх называлі губернскімі апеляцыйнымі межавымі судамі). Яны разглядалі скаргі на пастановы павятовых апеляцыйных межавых судоў і прымалі канчатковыя рашэнні па справах. Апеляцыйныя нармальныя суды знаходзіліся ў губернскіх гарадах і складаліся з выбраных суддзяў (па адным ад кожнага павета)[46].

Асаблівасці судаводства. У сваёй дзейнасці судовыя ўстановы на тэрыторыі Беларусі ў разглядаемы перыяд сумяшчалі выкарыстанне мясцовага права (Статута ВКЛ 1588 г. і некаторых канстытуцый Сейма Рэчы Паспалітай) і расійскага заканадаўства.

[38]ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 24 : 1796–1797. № 17788, 18165.
[39]Там же. № 17788.
[40]Там же. № 18238.
[41]Там же. Т. 26 : 1800–1801. № 20096.
[42]Там же. Т. 31 : 1810–1811. № 24370.
[43]Там же. № 24655.
[44]Там же. Т. 32 : 1812–1814. № 25005.
[45]Там же. Т. 31 : 1810–1811. № 24655.
[46]Там же. Т. 33 : 1815–1816. № 26001, 26087, 26428.

Прымяненне расійскіх прававых норм у большай ступені датычылася крымінальных спраў. Крымінальны судовы працэс быў такім жа, як і ва ўнутраных губернях, – следчым (інквізіцыйным, вышуковым). Такі парадак судаводства азначаў, што разгляд справы судом ажыццяўляўся негалосна (за зачыненымі дзвярыма, без прысутнасці абвінавачанага) і, як правіла, выключна на падставе пісьмовых матэрыялаў папярэдняга следства, прадастаўленых паліцэйскімі органамі. Прынцып спаборнасці ў крымінальным судаводстве адсутнічаў, бо функцыі як абвінавачання, так і абароны браў на сябе сам суд. Адпаведна, гэта фактычна выключала ўдзел адвакатаў у судовым працэсе па крымінальных справах. У часы ВКЛ, наадварот, судаводства, у тым ліку і па крымінальных справах, мела выразныя рысы спаборнасці [13]. У разглядаемы перыяд пры вынясенні прыгавораў суды спасылаліся як на мясцовае права (галоўным чынам на Статут ВКЛ 1588 г.)[47], так і на расійскае заканадаўства (Соборное уложение 1649 г., Воинский устав 1715 г., Устав о благочинии 1782 г. і інш.)[48]. Пры гэтым галоўныя суды, у складзе якіх, акрамя дэпутатаў ад дваранства, былі прызначаны ад урада саветнікі, выкарыстоўвалі практычна толькі расійскае заканадаўства.

Грамадзянскае судаводства ў заходніх губернях, як і да далучэння краю да Расійскай імперыі, пераважна грунтавалася на нормах Статута ВКЛ 1588 г., а таксама сеймавых канстытуцый Рэчы Паспалітай. Судовы працэс меў выразныя рысы спаборнасці, працягваў функцыянаваць інстытут адвакатуры. Аднак для некаторых катэгорый грамадзянскіх спраў расійскімі ўладамі былі зроблены выключэнні. Напрыклад, у следчым парадку разглядаліся грамадзянскія справы, якія датычыліся інтарэсаў казны, спрэчак аб выхадзе з прыгоннай залежнасці, і некаторыя іншыя [5].

Паралельнае выкарыстанне мясцовых прававых норм і расійскага заканадаўства стварала сітуацыю своеасаблівага прававога дуалізму. У выніку ўзнікала блытаніна адносна падсуднасці спраў той ці іншай судовай установе, выкарыстання мясцовых ці расійскіх прававых норм, вядзення справаводства на польскай ці рускай мове і г. д.[49] За вырашэннем спрэчных сітуацый судовыя ўстановы, пракуроры і губернатары часта звярталіся ў Сенат.

Расійскія ўлады дазволілі выкарыстанне ў судах польскай мовы. На практыцы ўжывалася як польская, так і руская мова. У судах першай інстанцыі пераважала польская мова, асабліва гэта датычылася грамадзянскага судаводства. Што да галоўных судоў, то крымінальныя дэпартаменты вялі справаводства на рускай мове, а грамадзянскія выкарыстоўвалі разам з ёй і польскую. Ужыванне галоўнымі судамі рускай мовы было неабходным: па-першае, іх прыгаворы затым ішлі на зацвярджэнне губернатара ці вайсковага губернатара або на апеляцыю ў Сенат; па-другое, у склад гэтых судоў уваходзілі прызначаныя ад урада рускія чыноўнікі.

Пракуратура. Пасля далучэння тэрыторыі Беларусі да Расійскай імперыі тут укаранілася сістэма органаў пракурорскага нагляду. Яна ўвасаблялася ў пасадах пракурораў і стрapчых. Асноўнымі іх функцыямі з’яўляліся кантроль за выкананнем законнасці ў судаводстве, дзейнасцю службовых асоб, утрыманнем пад вартай арыштантаў і г. д. Пасля замены на імператарскім прастоле Кацярыны II Паўлам I структура пракуратуры была значна скарочана. З дастаткова разгалінаванай сістэмы пасад пракурораў і страпчых, прадугледжанай «Учреждениями…» 1775 г., былі пакінуты толькі губернскія пракуроры[50]. Аднак у 1799 г. для кантролю за працай судовых і адміністрацыйных устаноў у заходніх губернях былі ўведзены пасады фіскалаў[51]. У іх функцыі ўваходзіла правядзенне інспекцыі ўстаноў, прадухіленне цяганіны ў разглядзе спраў, рознага роду злоўжыванняў і г. д. Пры Аляксандру I былі аднаўлены пасады павятовых і губернскіх страпчых, а пасаду фіскалаў скасавалі [21]. Паводле штатаў губерняў 1802 г., на губернскім узроўні дзейнічалі губернскі пракурор і двое губернскіх страпчых (крымінальных і грамадзянскіх спраў), якія прызначаліся Сенатам. У паветах былі павятовыя страпчыя, якіх прызначала губернскае праўленне[52].

Уплыў адміністрацыйнай улады на судовую сістэму. Укараненне расійскай сістэмы мясцовага кіравання ў заходніх губернях, якое адбылося яшчэ падчас праўлення Кацярыны II, праявілася ў надзяленні адміністрацыйнай улады значнымі паўнамоцтвамі ў сферы правасуддзя, чаго не было ў часы ВКЛ і Рэчы Паспалітай. Гэта засталося нязменным і пасля рэфармавання судовай сістэмы краю пры Паўле I, калі было часткова адноўлена судаўладкаванне часоў ВКЛ.

Губернскія начальнікі (генерал-губернатары, вайсковыя і грамадзянскія губернатары) маглі прымаць удзел непасрэдна ў выкананні правасуддзя, асабліва гэта датычылася крымінальнага судаводства. Генерал-губернатары (вайсковыя губернатары) маглі запатрабаваць вырашаную галоўным судом крымінальную справу на ўласную рэвізію. Звычайна такая практыка ўжывалася ў дачыненні да найбольш значных спраў ці выпадкаў, калі паступалі скаргі на дзеянні суда [6]. Губернскія началь-

[47]НГАБ. Ф. 76. Воп. 1. Спр. 78 ; Ф. 1601. Воп. 1. Спр. 2 ; Ф. 3215. Воп. 2. Спр. 35.
[48]Там жа. Ф. 76. Воп. 1. Спр. 19 ; Ф. 3215. Воп. 2. Спр. 11.
[49]Там жа. Ф. 3219. Воп. 1. Спр. 1. Арк. 468.
[50]ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 44 : Кн. штатов. Ч. 2. Отд-ние 4. К № 17702.
[51]Там же. Т. 25 : 1798–1799. № 18955.
[52]Там же. Т. 20 : 1775–1780. № 14392 ; Т. 44 : Кн. штатов. Ч. 2. Отд-ние 4. К № 24985. С. 220, 223, 230.

нікі, у тым ліку грамадзянскія губернатары, сваім рашэннем маглі прыпыніць выкананне любога судовага прыгавору, калі лічылі яго няправільным, і накіраваць сваё меркаванне ў Сенат [6].

Мясцовае губернскае начальства па-ранейшаму мела ўплыў на фарміраванне кадравага складу судоў. Непасрэдна па ўказанні губернатараў ці губернскіх праўленняў у судовыя ўстановы прызначаўся персанал ніжэйшага звяна (канцылярскія служачыя, перакладчыкі, вартаўнікі)[53] [7]. Вынікі дваранскіх выбараў абавязкова праходзілі працэдуру зацвярджэння губернатарам. У сувязі з гэтым павятовыя прадвадзіцелі дваранства разам са спісамі выбраных кандыдатур падавалі губернатару звесткі аб іх асабістых якасцях і здольнасцях да службы[54]. Што датычыцца магчымага ўмяшання расійскіх улад у самі дваранскія выбары (у тым ліку на судовыя пасады), то губернскае начальства магло выказваць свае рэкамендацыі адносна кандыдатур [22]. Аднак звестак аб ціску на выбаршчыкаў ці нейкіх маніпуляцыях з боку ўлад пры правядзенні выбараў у разглядаемы перыяд не выяўлена. Разам з тым і без гэтага судовыя чыноўнікі, безумоўна, знаходзіліся ў падначаленым становішчы ў адносінах да губернскага начальства. Нават для таго, каб на нейкі час адлучыцца ад пасады, судовым службоўцам трэба было атрымаць дазвол губернатара[55]. Наогул начальнікі губерняў успрымалі суды як свае падведамныя ўстановы. Так, у 1797 г. беларускі губернатар Сямён Жыгулін прадпісваў другому дэпартаменту Беларускага галоўнага суда «стараться все дела рассматривать и решать справедливо, беспристрастно и скоро, ибо примеченная неисправность и медленность будут с департамента взысканы мною без всякого послабления»[56].

Адвакатура. Адметнай асаблівасцю судовай сістэмы на тэрыторыі Беларусі ў разглядаемы перыяд была наяўнасць інстытута адвакатуры. Адвакаты ўдзельнічалі ў судовым працэсе толькі па грамадзянскіх справах, якія разбіраліся на падставе мясцовага права. У сферы крымінальнага судаводства дзейнічалі расійскія парадкі: судовы працэс з'яўляўся следчым, а значыць, не быў спаборным. Адпаведна, месца для інстытута адвакатуры ў ім фактычна не было. Адвакаты дапускаліся да крымінальных спраў толькі непрацяглы перыяд падчас вайны 1812 г. на тэрыторыі, падведамаснай Камісіі часовага ўрада ВКЛ[57]. Умовы адвакацкай дзейнасці ў заходніх губернях рэгламентаваліся нормамі Статута ВКЛ 1588 г., некаторых сеймавых канстытуцый Рэчы Паспалітай, а таксама шэрагам заканадаўчых актаў Расійскай імперыі. Так, царскім указам ад 14 снежня 1797 г. вызначаліся крытэрыі для атрымання права займацца адвакацкай дзейнасцю ў судах Літоўскай губерні: дваранскае паходжанне, валоданне сваімі вёскамі (для гарадскіх адвакатаў магістратаў і ратуш – наяўнасць лаўкі ці маёнтка ў дадзеным горадзе), добрая рэпутацыя, пасведчанне аб адукацыі, навучанне на працягу некалькіх гадоў у дасведчанага ў судаводстве чалавека ці ў канцылярыі пад наглядам рэгента (так называлася пасада загадчыка канцылярыі суда)[58]. У 1811 г. дзеянне ўказа ад 14 снежня 1797 г. было распаўсюджана на ўсе заходнія губерні[59].

Заключэнне

Такім чынам, у выніку пераўтварэнняў Паўла I на тэрыторыі Беларусі склалася своеасаблівая судовая сістэма. Яна істотна адрознівалася ад судовай сістэмы ва ўнутрырасійскіх губернях. На беларускіх землях яна грунтавалася на традыцыях судаўладкавання і судаводства часоў ВКЛ і Рэчы Паспалітай, але пры гэтым была адаптавана да рэалій Расійскай імперыі. Судовыя ўстановы захоўвалі назвы і ўладкаванне часоў ВКЛ (хаця і не ў поўнай меры), працягвала дзейнічаць мясцовае права (Статут ВКЛ 1588 г. і сеймавыя канстытуцыі Рэчы Паспалітай), у справаводстве магла выкарыстоўвацца польская мова (пераважна ў грамадзянскім судаводстве судоў ніжэйшага ўзроўню), шырокімі паўнамоцтвамі ў сферы правасуддзя была надзелена шляхта. Разам з тым па многіх аспектах дадзеная судовая сістэма істотна адрознівалася ад былой у бок уніфікацыі з расійскімі судовымі парадкамі (выкарыстанне расійскіх законаў, прызначэнне на некаторыя судовыя пасады чыноўнікаў ад урада, значная роля губернатараў у ажыццяўленні правасуддзя, падпарадкаванне вышэйшай судовай інстанцыі – Сенату і інш.). Нормамі мясцовага права рэгуляваліся пераважна прыватнаправавыя адносіны, а ў сферы публічнага права дамінавалі расійскія законы і парадкі. Пры гэтым судовая сістэма ў Віцебскай і Магілёўскай губернях у разглядаемы перыяд у большай ступені ў параўнанні з астатнімі заходнімі губернямі была набліжана да расійскай, а ў 1831 г. увогуле з ёй уніфікавана. На астатняй частцы тэрыторыі Беларусі сфера правасуддзя захоўвала істотныя мясцовыя асаблівасці да 1840 г.

[53]НГАБ. Ф. 3215. Воп. 2. Спр. 7. Арк. 6.
[54]Там жа. Ф. 2001. Воп. 1. Спр. 2132. Арк. 5–5 адв.
[55]Там жа. Ф. 156. Воп. 1. Спр. 4. Арк. 69.
[56]Там жа. Ф. 3215. Воп. 2. Спр. 7. Арк. 22 адв.
[57]Kuryer Litewski. 1812. 18 sierp. S. 1.
[58]ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 24 : 1796–1797. № 18266.
[59]Там же. Т. 31 : 1810–1811. № 24778.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Жытко АП, Талмачова СА. Судовая сістэма на тэрыторыі Беларусі (канец XVIII – сярэдзіна XIX ст.). *Весці БДПУ. Серыя 2. Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Культуралогія*. 2014;2:20–25.

2. Гушчынскі IГ. Эксдывізарскія суды на тэрыторыі Беларусі (канец XVIII ст. – 1840 г.). *Беларускі гістарычны часопіс*. 2018;11:26–36.

3. Гушчынскі IГ. Гістарыяграфія гісторыі судовых устаноў на тэрыторыі Беларусі ў канцы XVIII – першай палове XIX ст. *Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки*. 2017;1:8–15.

4. Гушчынскі IГ. Заканадаўчае забеспячэнне інстытута адвакатуры на тэрыторыі Беларусі ў канцы XVIII – першай трэці XIX ст. *Весці БДПУ. Серыя 2. Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Культуралогія*. 2017;2:28–32.

5. Korowicki A. *Proces cywilny litewski*. Wilno: Józef Zawadzki; 1826. 316 s.

6. Korowicki A. *Porządek sądowy kryminalny podług praw rossyyskich ułożony*. Wilno: Józef Zawadzki; 1831. 135 s.

7. Шелкопляс ВА. *Судебные органы в Беларуси: конец XVIII – первая половина XIX веков*. Минск: Академия МВД Республики Беларусь; 1997. 64 с.

8. Жукович ПН. Западная Россия в царствование императора Павла. *Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия*. 1916;6:183–226.

9. Киселев АА. *Система управления и чиновничество белорусских губерний в конце XVIII – первой половине XIX в*. Минск: Военная академия Республики Беларусь; 2007. 171 с.

10. Луговцова СЛ. Характеристика межевых судей Беларуси в первой трети XIX столетия (на примере Ошмянского уезда). В: *«Долгий XIX век» в истории Беларуси и Восточной Европы: исследования по Новой и Новейшей истории. Выпуск 2* [Интернет]. Минск: РИВШ; 2019 [процитировано 17 января 2020 г.]. с. 41–46. Доступно по: http://elib.bsu.by/handle/123456789/217848.

11. Лютый АМ. *Социально-экономическое развитие городов Белоруссии в конце XVIII – первой половине XIX века*. Минск: Наука и техника; 1987. 179 с.

12. Korowicki A. *Proces graniczny*. Wilno: Józef Zawadzki; 1827. 148 s.

13. Юхо ЯА. *Гісторыя дзяржавы і права Беларусі. Частка 1.* Мінск: РІВШ БДУ; 2000. 352 с.

14. Токць С. Шляхецкае самакіраванне ў Гродзенскай губерні (пачатак XIX ст. – 60-я гады XIX ст.). *Białoruskie zeszyty historyczne*. 1997;7:5–22.

15. Анішчанка ЯК. *Генеральнае межаванне ў Беларусі*. Горкі: Выдавецтва Горацкага гарвыканкама; 2002. 120 с.

16. Леонтьева ТЕ, Антонович ЗВ, Насытко ЕП, Вернер ИЛ, Анищенко ЕК, Лютаревич АА и др. *Витебская губерния: государственные, религиозные и общественные учреждения (1802–1917)*. Минск: БелНИИДАД; 2009. 524 с.

17. Кузнецов ИН, Шелкопляс ВА. *История государства и права Беларуси*. Минск: Дикта; 1999. 272 с.

18. Жукович ПН. Управление и суд в Западной России в царствование Екатерины II. *Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия*. 1914;5:1–60.

19. Луговцова СЛ. Реформирование системы судебных учреждений Беларуси в последней трети XVIII в. *Працы гістарычнага факультэта БДУ* [Інтэрнэт]. 2009 [працытавана 20 студзеня 2020 г.];4:289–295. Даступна па: http://elib.bsu.by/handle/123456789/2456.

20. Ясинский МН. *Главный Литовский трибунал, его происхождение, организация и компетенция. Выпуск 1.* Киев: Типография Н. А. Гирич; 1901. 253 с.

21. Леонтьева ТЕ, составитель. *Минская губерния: государственные, религиозные и общественные учреждения (1793–1917)*. Минск: БелНИИДАД; 2006. 392 с.

22. Клочков МВ. *Очерки правительственной деятельности времени Павла I*. Петроград: Сенатская типография; 1916. 631 с.

References

1. Zhytko AP, Talmachova SA. [The judicial system in the territory of Belarus (the late 18th – the middle of 19th century)]. *Vesci BDPU. Seryja 2. Gistoryja. Filasofija. Palitalogija. Sacyjalogija. Jekanomika. Kul’turalogija*. 2014;2:20–25. Belarusian.

2. Gushchynski IG. [Exdywizor courts in the territory of Belarus (the late 18th century – 1840)]. *Belaruski gistarychny chasopis*. 2018;11:26–36. Belarusian.

3. Gushchynski IG. The historiography of history of judicial system on the territory of Belarus at the end of the 18th – the first half of the 19th century. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya A. Gumanitarnye nauki*. 2017;1:8–15. Belarusian.

4. Gushchynski IG. Legal activities of the bar institute on the territory of Belarus in the late 18th – the first third of 19th century. *BSPU Bulletin. Series 2. History. Philosophy. Political Science. Sociology. Economics. Culture Studies*. 2017;2:28–32.

5. Korowicki A. *Proces cywilny litewski*. Wilno: Józef Zawadzki; 1826. 316 s.

6. Korowicki A. *Porządek sądowy kryminalny podług praw rossyyskich ułożony*. Wilno: Józef Zawadzki; 1831. 135 s.

7. Shelkoplyas VA. *Sudebnye organy v Belarusi: konets XVIII – pervaya polovina XIX vekov* [Judicial bodies in Belarus: late 18th – first half of 19th century]. Minsk: Academy of Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus; 1997. 64 p. Russian.

8. Zhukovich PN. [Western Russia during the reign of Emperor Paul]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. Novaya seriya*. 1916;6:183–226. Russian.

9. Kiselev AA. *Sistema upravleniya i chinovnichestvo belorusskikh gubernii v kontse XVIII – pervoi polovine XIX v*. [The governance system and bureaucracy of the Belarusian provinces at the end of the 18th – the first branch of the 19th century]. Minsk: Military Academy of the Republic of Belarus; 2007. 171 p. Russian.

10. Lugovcova SL. [Characteristics of the boundary judges of Belarus in the first third of the 19th century (the example of Oshmyany district)]. In: *«Dolgii XX vek» v istorii Belarusi i Vostochnoi Evropy: issledovaniya po Novoi i Noveishei istorii. Vypusk 2* [The «Long 19th century» in the history of Belarus and Eastern Europe: studies on the New and Contemporary history. Issue 2] [Internet]. Minsk: National Institute for Higher Education; 2019 [cited 2020 January 17]. p. 41–46. Available from: http://elib.bsu.by/handle/123456789/217848. Russian.

11. Lyutyi AM. *Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie gorodov Belorussii v kontse XVIII – pervoi polovine XIX veka* [Socio-economic development of the cities of Belarus in the late 18th – first half of the 19th century]. Minsk: Nauka i tekhnika; 1987. 179 p. Russian.

12. Korowicki A. *Proces graniczny*. Wilno: Józef Zawadzki; 1827. 148 s.

13. Juho JaA. *Gistoryja dzjarzhavy i prava Belarusi. Chastka 1* [History of state and law of Belarus. Part 1]. Minsk: National Institute for Higher Education, Belarusian State University; 2000. 352 p. Belarusian.

14. Tokc' S. [Noble self-governance in Grodno province (the beginning of 19th century – the 60s of 19th century)]. *Białoruskie zeszyty historyczne.* 1997;7:5–22. Belarusian.

15. Anishchanka JaK. *General'nae mezhavanne w Belarusi* [General surveying in Belarus]. Gorki: Vydavectva Gorackaga garvykankama; 2002. 120 p. Belarusian.

16. Leont'eva TE, Antonovich ZV, Nasytko EP, Verner IL, Anishchenko EK, Lyutarevich AA, et al. *Vitebskaya guberniya: gosudarstvennye, religioznye i obshchestvennye uchrezhdeniya (1802–1917)* [Vitebsk province: state, religious and public institutions (1802–1917)]. Minsk: BelNIIDAD; 2009. 524 p. Russian.

17. Kuznetsov IN, Shelkoplyas VA. *Istoriya gosudarstva i prava Belarusi* [History of state and law of Belarus]. Minsk: Dikta; 1999. 272 p. Russian.

18. Zhukovich PN. [Governance and courts in Western Russia during the reign of Catherine II]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. Novaya seriya.* 1914;5:1–60. Russian.

19. Lugovcova SL. [Reforming the system of judicial institutions in Belarus in the last third of the 18th century]. *Pracy gistarychnaga fakul'tjeta BDU* [Internet]. 2009 [cited 2020 January 20];4:289–295. Available from: http://elib.bsu.by/handle/123456789/2456. Russian.

20. Jasinskij MN. *Glavnyi Litovskii tribunal, ego proiskhozhdenie, organizatsiya i kompetentsiya. Vypusk 1* [The main Lithuanian tribunal, its origin, organization and competence. Issue 1]. Kyiv: Tipografija N. A. Girich; 1901. 253 p. Russian.

21. Leont'eva TE, editor. *Minskaya guberniya: gosudarstvennye, religioznye i obshchestvennye uchrezhdeniya (1793–1917)* [Minsk province: state, religious and public institutions (1793–1917)]. Minsk: BelNIIDAD; 2006. 392 p. Russian.

22. Klochkov MV. *Ocherki pravitel'stvennoi deyatel'nosti vremeni Pavla I* [Essays on Government Activities of the Time of Paul I]. Petrograd: Senatskaya tipografiya; 1916. 631 p. Russian.

Артыкул пастуніў у рэдкалегію 30.01.2020.
Received by editorial board 30.01.2020.

УДК 329.12(=161.1)(476)«1907/1917»

ДЕПУТАТЫ III И IV ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ ОТ МОГИЛЁВСКОЙ ГУБЕРНИИ: СОЦИАЛЬНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Д. С. ЛАВРИНОВИЧ[1)]

[1)]*Могилёвский государственный университет им. А. А. Кулешова, ул. Космонавтов, 1, 212022, г. Могилёв, Беларусь*

Раскрывается социальный статус членов Государственной думы от Могилёвской губернии. Показано, что из-за цензового характера избирательного закона от 3 июня 1907 г. в составе депутатского корпуса преобладали представители элитарных групп населения (дворяне, крупные землевладельцы), большой вес имели депутаты из церковной и чиновничьей среды. По политическим убеждениям практически все посланцы Могилёвской губернии являлись сторонниками консервативного лагеря. В центре внимания думцев оказались столыпинская земельная реформа и законопроект о введении выборных земств в западных губерниях Российской империи. В 1915 г. часть депутатов IV Думы от Могилёвской губернии примкнули к «Прогрессивному блоку» и приняли участие в борьбе против царского правительства, а Б. А. Энгельгардт, как председатель военной комиссии Временного комитета Государственной думы, сыграл важную роль во время Февральской революции 1917 г.

Ключевые слова: Государственная дума; Могилёвская губерния; депутаты; социальный статус; русские националисты; правые; «Прогрессивный блок».

ДЭПУТАТЫ III І IV ДЗЯРЖАЎНАЙ ДУМЫ АД МАГІЛЁЎСКАЙ ГУБЕРНІ: САЦЫЯЛЬНЫЯ І ПАЛІТЫЧНЫЯ ХАРАКТАРЫСТЫКІ

Д. С. ЛАЎРЫНОВІЧ[1*]

[1*]*Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова, вул. Касманаўтаў, 1, 212022, г. Магілёў, Беларусь*

Раскрываецца сацыяльны статус членаў Дзяржаўнай думы ад Магілёўскай губерні. Паказана, што з-за цэнзавага характару выбарчага закона ад 3 чэрвеня 1907 г. у складзе дэпутацкага корпуса пераважалі прадстаўнікі элітарных груп насельніцтва (дваране, буйныя землеўладальнікі), вялікую вагу мелі дэпутаты з царкоўнага і чыноўніцкага асяроддзя. Па палітычных пазіцыях амаль усе пасланцы Магілёўскай губерні з'яўляліся прыхільнікамі кансерватыўнага лагера. У цэнтры ўвагі думцаў апынуліся сталыпінская зямельная рэформа і законапраект аб увядзенні выбарных земстваў у заходніх губернях Расійскай імперыі. У 1915 г. частка дэпутатаў IV Думы ад Магілёўскай губерні далучыліся да «Прагрэсіўнага блока» і прынялі ўдзел у барацьбе супраць царскага ўрада, а Б. А. Энгельгардт, як старшыня ваеннай камісіі Часовага камітэта Дзяржаўнай думы, адыграў важную ролю падчас Лютаўскай рэвалюцыі 1917 г.

Ключавыя словы: Дзяржаўная дума; Магілёўская губерня; дэпутаты; сацыяльны статус; рускія нацыяналісты; правыя; «Прагрэсіўны блок».

Образец цитирования:
Лавринович ДС. Депутаты III и IV Государственной думы от Могилёвской губернии: социальные и политические характеристики. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2020;2:31–39.
https://doi.org/10.33581/2520-6338-2020-2-31-39

For citation:
Lavrinovich DS. Deputies from the Mogilev province to the State Duma III and IV: social and political characteristics. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2020;2:31–39. Russian.
https://doi.org/10.33581/2520-6338-2020-2-31-39

Автор:
Дмитрий Сергеевич Лавринович – доктор исторических наук, профессор; первый проректор.

Author:
Dmitry S. Lavrinovich, doctor of science (history), full professor; first vice-rector.
lavrin-dmitrij@yandex.ru

Журнал Белорусского государственного университета. История. 2020;2:31–39
Journal of the Belarusian State University. History. 2020;2:31–39

DEPUTIES FROM THE MOGILEV PROVINCE TO THE STATE DUMA III AND IV: SOCIAL AND POLITICAL CHARACTERISTICS

***D. S. LAVRINOVICH*[a]**

[a]*Mogilev State A. Kuleshov University,*
1 Kasmanaйтай Street, Mahiliой 212022, Belarus

The article reveals social characteristics of the State Duma deputies. The author shows that due to the censorship nature of the electoral law of 3 June 1907, the deputy corps was dominated by the representatives of the elite groups of population (nobles, large landowners). Besides, the important role was played by the deputies from the church and the officials. Most of them, according to their political views, were supporters of the conservative centre. Deputies focused on the Stolypin's land reform and the draft law on the introduction of elected zemstvos in the western provinces of the Russian Empire. In 1915, part of deputies of Duma IV from Mogilev province joined the «Progressive coalition», took part in the fight against the tsarist government, and B. A. Engelhardt, as a Chairman of the Military Commission of the Provisional Committee in the State Duma, played an important role during the February Revolution of 1917.

Keywords: State Duma; Mogilev province; deputies; social status; Russian nationalists; right-wing; «Progressive coalition».

Введение

История каждой из четырех Государственных дум дореволюционной России по-своему интересна и поучительна. Первые две Думы, избранные и действовавшие в период революции 1905–1907 гг., вступили в конфронтацию с царским правительством. Завоевавшие большинство на выборах депутаты левых и либеральных партий выставили заранее неприемлемые для царского правительства требования в сферах государственного строительства, текущей политики, по аграрному, национальному, рабочему и другим вопросам. Заявка на кардинальную перестройку сложившейся в империи политической системы и социально-экономических отношений не могла не привести к адекватной реакции верховной власти – роспуску законодательных палат. Изменение избирательного закона 3 июня 1907 г. было актом государственного переворота со стороны Николая II, так как царь нарушил утвержденные им же Основные государственные законы Российской империи от 23 апреля 1906 г. Однако, очевидно, такая мера оправдывалась в глазах императора необходимостью стабилизации российского общества, борьбой с террором революционных партий, которому потакали ведущие думские фракции – кадеты и трудовики.

Государственная дума 3-го созыва, выбранная уже по новому избирательному закону, в условиях политической реакции перешла от чистой демагогии и оппозиции к конструктивной работе, основанной на сотрудничестве думского большинства в лице фракций октябристов, русских националистов и группы центра с правительством П. А. Столыпина. В исторической литературе этот политический союз называется третьеиюньской системой. В советской историографии она однозначно оценивалась негативно, но при этом забывалось, что в истории российского парламентаризма впервые сложилась уникальная ситуация, когда правительственная власть и представители общественности вступили в диалог, сумев прийти к некоторым важным для всей страны решениям: реформе крестьянского землевладения, страхованию рабочих, расширению земского самоуправления и др. Следует отметить, что III Государственная дума просуществовала весь отведенный ей законом срок, подав пример движения, хотя и едва заметного, по пути к прогрессу.

Партийный состав IV Государственной думы, избранной в 1912 г., претерпел лишь незначительные изменения по сравнению с III Думой. Но политический центр, сложившийся при П. А. Столыпине, начал распадаться. В IV Думе имелись возможности для формирования двух блоков – правоцентристского (из фракций правых, русских националистов и октябристов) и левоцентристского (из фракций кадетов, прогрессистов и октябристов). Обострение отношений с исполнительной властью предопределило эволюцию IV Государственной думы влево в 1912–1914 гг., а события Первой мировой войны, показавшие неспособность царского правительства справиться с возникшими проблемами (экономический, транспортный, продовольственный кризисы, перебои в снабжении армии), окончательно привели к складыванию оппозиционного большинства в законодательных палатах (Государственной думе и Государственном совете) в лице «Прогрессивного блока». В него вошли как либеральные (кадеты, прогрессисты, октябристы), так и консервативные (прогрессивные националисты, центр) фракции, а также три группы Государственного совета.

Создание либерально-консервативной оппозиции означало падение третьеиюньской систе-

мы. Думское большинство потребовало замены царского Совета министров «правительством народного доверия», для которого была подготовлена и программа, включавшая в себя список самых необходимых реформ и мер. Отказ Николая II от сотрудничества с «Прогрессивным блоком» привел к открытой конфронтации IV Государственной думы с Советом министров, чем-то напоминающей времена I и II Государственной думы. Разочаровавшись в возможности прийти к власти легальным путем, думские оппозиционеры начали формирование теневого кабинета на случай дворцового переворота или революции. После свержения царизма 2 марта 1917 г. подготовленное думцами правительство пришло к власти.

Цель настоящей статьи – раскрыть социальный статус депутатов Государственной думы 3-го и 4-го созывов от Могилёвской губернии, установив его связь с политической и общественной деятельностью, показать их отношение к законодательным инициативам правительства, трансформацию политических позиций под влиянием Первой мировой войны, уточнить роль в борьбе «Прогрессивного блока» за власть. Выбор Могилёвской губернии обусловлен, с одной стороны, большей значимостью для нее столыпинских аграрных преобразований (из-за преобладания крестьянской общины), а с другой стороны, тем, что она была одной из губерний «черты оседлости» с типичными для данного региона социально-экономическими характеристиками.

Основная часть

Депутатами III Государственной думы от Могилёвской губернии осенью 1907 г. были избраны Василий Федорович Голынец, Николай Константинович фон Гюббенет, Николай Николаевич Ладомирский, епископ Гомельский Митрофан, Иван Петрович Созонович, Кирилл Фомич Томашевич, Филипп Тимофеевич Шевцов. Они отличались друг от друга происхождением, имущественным положением, уровнем образования, жизненным опытом, придерживались разных политических взглядов.

Трое депутатов (Н. К. фон Гюббенет, Н. Н. Ладомирский и И. П. Созонович) были дворянами, известными своей общественной деятельностью. Н. К. фон Гюббенет владел имением Ярошевка Климовичского уезда Могилёвской губернии (706 дес. земли). Он получил высшее образование, окончив Александровский лицей в Санкт-Петербурге, но свою жизнь связал с Могилёвской губернией. В родном уезде Н. К. фон Гюббенет за собственные средства построил несколько школ, в 1907 г. стал одним из основателей и первым председателем Общества распространения среднего образования в Климовичском уезде. В 1896 г. возглавлял делегацию могилёвского дворянства на торжествах по случаю коронации Николая II в Москве. Был почетным мировым судьей по Чериковскому и Климовичскому уездам, занимал должность климовичского уездного предводителя дворянства, дослужился до чина действительного статского советника [1, с. 155; 2, с. 33].

Н. Н. Ладомирский имел 875 дес. земли в Гомельском уезде Могилёвской губернии. Он получил военное образование, пройдя обучение в Симбирском кадетском корпусе и Константиновском артиллерийском училище в Санкт-Петербурге. Отслужив четыре года в 36-й артиллерийской бригаде, вышел в отставку в чине поручика и занялся ведением хозяйственных дел в своем имении. Одновременно являлся общественным деятелем: в разные годы выполнял обязанности земского начальника 3-го участка Гомельского уезда, председателя Гомельской уездной земской управы, гомельского уездного предводителя дворянства, почетного мирового судьи, дослужился до чина коллежского асессора. В 1911 г. получил придворное звание камер-юнкера [1, с. 318; 2, с. 44].

И. П. Созонович был сыном чиновника, но благодаря удачной женитьбе стал крупным помещиком Могилёвской губернии, владевшим примерно 1300 дес. земли. Карьеру он сделал в сфере образования. Окончив гимназию в Могилёве и историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета, защитил диссертацию, удостоившуюся Уваровской премии Императорской академии наук, и получил ученую степень доктора наук по русской словесности. Занимал должность профессора Варшавского университета и попечителя Варшавского учебного округа, имел чин действительного статского советника. В Могилёвской губернии И. П. Созонович избирался почетным мировым судьей по Рогачевскому уезду, гласным Могилёвского губернского земского собрания [1, с. 568; 2, с. 17]. Он был опытным депутатом, так как уже работал во II Государственной думе.

Двое народных избранников (епископ Гомельский Митрофан и В. Ф. Голынец) принадлежали к духовенству. Епископ Гомельский Митрофан (Дмитрий Иванович Краснопольский) происходил из бедной семьи каменщика, жившей в Воронежской губернии, но благодаря своим способностям и трудолюбию смог пробиться на верхи церковной иерархии. Он окончил Бирюченское духовное училище и Воронежскую духовную семинарию, служил священником в г. Коротояке Воронежской губернии. После смерти жены принял монашество, окончил Киевскую духовную академию. В 1897 г. был назначен инспектором Иркутской духовной семинарии, а в 1902 г. – ректором Могилёвской духовной семинарии. В феврале 1907 г. хиротонисан в епископа Гомельского, викария Могилёвской епархии [1, с. 377–378; 2, с. 20; 3, с. 383].

В. Ф. Голынец являлся священником Георгиевской церкви в с. Болонов-Селец Быховского уезда Могилёвской губернии, имел сан протоиерея. Он окончил Могилёвскую духовную семинарию, работал учителем в начальном народном училище, а затем преподавателем латинского и русского языков в Гомельском духовном училище, служил епархиальным миссионером [1, с. 136; 2, с. 117].

Ф. Т. Шевцов принадлежал к крестьянскому сословию, занимался сельским хозяйством в д. Забабье Рогачевского уезда Могилёвской губернии. Образование имел начальное (народное училище) [1, с. 693; 2, с. 93].

Чиновничью среду Могилёва в III Государственной думе представлял К. Ф. Томашевич. Он окончил Горы-Горецкие землемерно-таксаторские классы, входил в состав Могилёвской люстрационной комиссии, являлся помощником правителя канцелярии могилёвского губернатора, старшим чиновником особых поручений при губернаторе и одновременно секретарем Могилёвского губернского статистического комитета, был членом Могилёвского губернского по городским делам присутствия и гласным Могилёвской городской думы, возглавляя тюремный комитет. Кроме того, имел во владении 40 дес. земли [1, с. 616; 2, с. 48].

Таким образом, социальные характеристики депутатов III Государственной думы от Могилёвской губернии соответствовали цензовому избирательному закону от 3 июня 1907 г., дававшему преимущество наиболее влиятельным и обеспеченным кругам общества. Трое из семи народных избранников были крупными помещиками, один – епископом, один – чиновником среднего звена. Только двоих можно рассматривать как представителей небогатых слоев населения – сельского священника В. Ф. Голынца и крестьянина Ф. Т. Шевцова. Уровень образования депутатов соответствовал их социальному статусу. Дворяне Н. К. фон Гюббенет и И. П. Созонович, а также епископ Гомельский Митрофан имели высшее образование, при этом у И. П. Созоновича была ученая степень доктора наук. Военный Н. Н. Ладомирский, священник В. Ф. Голынец и чиновник К. Ф. Томашевич получили специальное образование, Ф. Т. Шевцов – только общее начальное образование.

В IV Государственную думу от Могилёвской губернии осенью 1912 г. были избраны Василий Саввич Бочков, Михаил Григорьевич Воробьев, Василий Саввич Дрибинцев, Николай Николаевич Ладомирский, Александр Александрович Радкевич, Кирилл Фомич Томашевич, Борис Александрович Энгельгардт. Причем Н. Н. Ладомирский и К. Ф. Томашевич прошли в «народное представительство» во второй раз. Из остальных депутатов четверо (А. А. Радкевич, Б. А. Энгельгардт, В. С. Бочков и В. С. Дрибинцев) принадлежали к имущим верхам общества и лишь один (М. Г. Воробьев) – к небогатому крестьянскому сословию.

Дворянин А. А. Радкевич владел 890 дес. земли в Быховском уезде Могилёвской губернии. Он окончил престижное Императорское училище правоведения в Санкт-Петербурге, в столице же выстраивал и свою карьеру, занимая должность вначале старшего делопроизводителя в 1-м отделении по делам законодательным Государственной канцелярии, а после – помощника старшего секретаря Государственного совета, дослужился до чина статского советника. В Могилёвской губернии был почетным мировым судьей по Быховскому уезду, гласным Быховского уездного и Могилёвского губернского земских собраний [1, с. 516; 4, с. 60].

Б. А. Энгельгардт принадлежал к дворянскому роду, происходившему из Швейцарии. Владел крупным имением Печерская Буда (1380 дес. земли) в Мстиславском уезде Могилёвской губернии. Получил отличное образование, окончив Пажеский корпус, а затем Николаевскую академию Генерального штаба. Военную службу начал в лейб-гвардии уланском полку, позже командовал эскадроном во 2-м Нерчинском полку. Во время Русско-японской войны служил помощником старшего адъютанта управления генерал-квартирмейстера 1-й Маньчжурской армии. В 1908 г., состоя в должности старшего адъютанта штаба 8-й пехотной дивизии, вышел в отставку в звании полковника. Поселился в своем имении и лично занялся улучшением его финансового положения, пробуя внедрить передовые способы ведения сельского хозяйства. Для ознакомления с достижениями агротехники и агрономии Б. А. Энгельгардт посетил Данию; создал в имении винокуренный завод и сыроварню. Одновременно он занимался общественной деятельностью, будучи гласным Мстиславского уездного земского собрания[1] [1, с. 715–716; 4, с. 60].

В. С. Бочков был представителем богатых горожан. В Могилёве он имел собственный дом с садом примерной стоимостью 35 тыс. рублей. Образование получил на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета и сделал неплохую карьеру в сфере права, работая мировым судьей в Могилёвской, Гродненской и Варшавской губерниях. Смог дослужиться до чина действительного статского советника, получить личное дворянство. Являлся гласным Могилёвской городской думы [1, с. 66; 4, с. 57].

В. С. Дрибинцев происходил из богатой старообрядческой купеческой семьи. Он был потомственным почетным гражданином, т. е. имел близкий к дворянскому социальный статус. Его семье при-

[1] *Энгельгардт Б. А.* Воспоминания о далеком прошлом. Часть 1. Потонувший мир. Глава 4. Государственная дума // ОР РНБ. Ф. 1052. Оп. 1. Д. 29.

надлежало большое поместье Дуравичи (2500 дес.) и другие земли в Рогачевском уезде Могилёвской губернии (всего 4200 дес.). Таким образом, не будучи дворянином, В. С. Дрибинцев являлся крупнейшим землевладельцем из всех могилёвских депутатов. После окончания Новозыбковского реального училища он занялся семейными хозяйственными делами, торговлей лесом и зерном. В общественной сфере был известен как почетный мировой судья по Рогачевскому и Гомельскому уездам, председатель Рогачевской уездной земской управы, почетный попечитель Рогачевской учительской семинарии, активный член землеустроительной комиссии и председатель местного общества сельского хозяйства [1, с. 172–173; 4, с. 60].

Крестьянин М. Г. Воробьев имел 10 дес. надельной земли в Юрецкой волости Горецкого уезда. Он получил только начальное образование в народном училище, занимался сельским хозяйством, избирался волостным старшиной и гласным Горецкого уездного земского собрания [1, с. 104; 4, с. 57].

Как видно, социальные характеристики депутатов IV Государственной думы от Могилёвской губернии также соответствовали цензовому избирательному закону от 3 июня 1907 г., причем доля представителей имущих социальных слоев даже увеличилась.

По сравнению с членами I и II Государственной думы депутаты от Могилёвской губернии в «народных представительствах» 3-го и 4-го созывов являлись людьми с большим жизненным опытом: семеро из них (более половины) были старше 40 лет, только пятеро входили в возрастную группу 30–40 лет. Причем двое депутатов к моменту избрания давно перешагнули 60-летний рубеж: В. С. Бочкову исполнилось 66 лет, М. Г. Воробьеву – 62 года.

В Государственной думе посланцы Могилёвской губернии вошли в многочисленные комиссии, как постоянные, так и временные. В частности, епископ Митрофан возглавил работу противоалкогольной комиссии, являлся членом комиссий по делам православной церкви, по народному образованию и переселенческой. К. Ф. Томашевич, имевший большой опыт работы в губернской администрации и органах городского управления Могилёва, был избран секретарем комиссии по городским делам, а также работал в составе еще шести комиссий: по судебным реформам, по местному самоуправлению, по исполнению государственной росписи доходов и расходов, чиншевой, бюджетной, о торговле и промышленности. Н. К. фон Гюббенет входил в комиссии по местному самоуправлению, по народному образованию, по запросам, об изменении действующего законодательства о крестьянах. Н. Н. Ладомирский был секретарем продовольственной комиссии. Кроме того, в III Государственной думе он состоял в комиссиях по «Наказу», по местному самоуправлению, бюджетной, о порядке издания касающихся Финляндии законов и постановлений общегосударственного значения; в IV Думе – в комиссиях по «Наказу», по направлению законодательных предположений, финансовой, переселенческой и для рассмотрения законопроекта о шлюзовании порожистой части р. Днепр [1, с. 155, 318, 377, 616].

В. С. Дрибинцев исполнял обязанности заместителя председателя финансовой комиссии и входил в еще пять комиссий: по народному образованию, по местному самоуправлению, по старообрядческим делам, для обсуждения вопроса о желательности законодательного предположения о кооперативных товариществах и их союзах, о праздновании 300-летия дома Романовых. А. А. Радкевич являлся секретарем редакционной комиссии, помимо этого, работал сразу в шести комиссиях: по «Наказу», по местному самоуправлению, бюджетной, об охоте, для выработки законопроекта о печати, для рассмотрения законопроекта о шлюзовании порожистой части р. Днепр. Б. А. Энгельгардт был членом четырех комиссий: по военным и морским делам, по исполнению государственной росписи доходов и расходов, бюджетной и финансовой. В. С. Бочков входил в три комиссии: по городским делам, по судебным реформам и по запросам.

Депутаты-крестьяне совмещали членство в комиссиях, проблематика работы которых была им наиболее понятна. Так, М. Г. Воробьев являлся заместителем председателя переселенческой комиссии и членом комиссий по рабочему вопросу, по рыболовству, земельной, по исполнению государственной росписи доходов и расходов, по делам православной церкви. Ф. Т. Шевцов состоял только в двух комиссиях – земельной и продовольственной [1, с. 66, 104, 173, 516, 693, 716].

Представители Могилёвской губернии в Государственной думе придерживались разных политических взглядов, но большинство из них принадлежали к консервативному лагерю. В Думе 3-го созыва во фракцию правых вошли И. П. Созонович и епископ Митрофан [1, с. 377, 568; 2, с. 17, 20; 3, с. 383, 385]. Членом фракции умеренно правых был В. Ф. Голынец, затем перешедший к беспартийным [1, с. 136; 2, с. 117]. Н. К. фон Гюббенет являлся секретарем совета Всероссийского национального союза (ВНС), Н. Н. Ладомирский – его заместителем. В Думе оба входили в русскую национальную группу, а после – фракцию русских националистов. В эту же фракцию вступил К. Ф. Томашевич [1, с. 155, 318, 616; 3, с. 386; 5, с. 174, 298]. Единственным депутатом от Могилёвской губернии, примкнувшим к либеральной оппозиции, оказался крестьянин Ф. Т. Шевцов[2] [3, с. 387]. Вначале он записался в русскую национальную группу, но со второй

[2]Н. М. Забавский считал Ф. Т. Шевцова умеренно правым [6, с. 149].

сессии входил во фракцию прогрессистов и мирнообновленцев [2, с. 93]. В IV Государственной думе Н. Н. Ладомирский и К. Ф. Томашевич снова стали активными членами фракции русских националистов. В эту же фракцию вошли В. С. Бочков, являвшийся председателем Могилёвского отдела ВНС, и М. Г. Воробьев [1, с. 66, 104; 3, с. 389–390]. А. А. Радкевич стал членом фракции правых, а Б. А. Энгельгардт вступил в думскую группу центра, всецело ориентированную на поддержку правительства[3] [1, с. 516; 3, с. 398]. Самым либеральным депутатом был В. С. Дрибинцев, примкнувший к «Союзу 17 октября», а после его раскола в 1913 г. – к фракции земцев-октябристов[4].

Посланцы Могилёвской губернии активно участвовали в законотворческой работе Государственной думы, особенно когда обсуждались вопросы, связанные с землей, народным образованием, или проблемы, затрагивавшие население Могилёвской губернии. Наиболее активным из депутатов «народного представительства» 3-го созыва был И. П. Созонович, который исполнял обязанности секретаря Думы и возглавлял ее канцелярию. Он сотрудничал с рядом монархических партий и организаций, являлся членом «Русского собрания», а в 1908 г. стал одним из учредителей Русского окраинного общества. В мае 1912 г. делегатами V Всероссийского съезда русских людей И. П. Созонович был избран в комиссию по организации Общества русского языка имени М. В. Ломоносова [1, с. 568; 2, с. 17].

Епископ Митрофан сочетал работу в Государственной думе с активной общественно-политической деятельностью. В Санкт-Петербурге он был постоянным посетителем собраний Русского народного союза имени Михаила Архангела, возглавляемого В. М. Пуришкевичем, и одновременно поддерживал связи с его основным конкурентом в стане правых – А. И. Дубровиным, лидером Союза русского народа (СРН). Так, в январе 1910 г. по случаю переезда Главного совета СРН в новое здание епископ совершил благодарственный молебен, по окончании которого произнес речь о роли «союзников» в борьбе с революционным движением в 1905–1907 гг., обрисовал задачи на будущее [7, с. 204]. Кроме этого, епископ Митрофан участвовал в деятельности еще одной крупной общероссийской правой партии – «Русского собрания». Он также находил время для работы в Русском окраинном обществе, Славянском благотворительном обществе и Обществе религиозно-нравственного просвещения [7, с. 46, 70, 242].

Н. Н. Ладомирский, входя в руководящие органы ВНС, одновременно, как и епископ Митрофан, сотрудничал с В. М. Пуришкевичем, являлся членом редакционного совета издававшегося последним сборника «Книга русской скорби» [1, с. 318; 3, с 382].

Депутаты III Государственной думы от Могилёвской губернии приняли активное участие в обсуждении законопроектов, регламентировавших проведение столыпинской земельной реформы. Полностью поддержали законодательные инициативы правительства русские националисты. Для разъяснения крестьянам сути правительственного законопроекта от 9 ноября 1906 г. и переселенческой политики Н. Н. Ладомирский подготовил и издал в 1909 г. специальную брошюру под названием «Разрешение земельного вопроса» [8]. В ней он связывал бедственное положение крестьян с общинным землепользованием, малоземельем и высокими выкупными платежами, но считал, что с помощью правительства все эти негативные факторы будут устранены. Оценивая предложенный П. А. Столыпиным комплекс мер, Н. Н. Ладомирский пришел к выводу, что в случае его реализации «земельный вопрос, разрешение которого является делом капитальной важности для государственной жизни России, перестанет, по всей вероятности, существовать и, во всяком случае, потеряет свою остроту» [8, с. 43]. Он выступал против критиков П. А. Столыпина как слева, так и справа, отвергая предложенные ими поправки в законопроекты об аграрной реформе.

Для депутатов от Могилёвской губернии обсуждаемая проблема была особенно актуальной, учитывая, что из пяти губерний, на территории которых проживало белорусское население, общинное землепользование преобладало именно в Могилёвской, а также в белорусских уездах Витебской губернии, охватывая 94,7 % всех крестьянских земель. В остальных губерниях господствовало подворное землевладение [9, с. 142]. Поэтому безоговорочно, в отличие от других правых, столыпинский проект реформы поддержал епископ Митрофан. Он обратил внимание депутатов и на то, что, став собственниками, крестьяне «научатся ценить чужое» и не будут посягать на помещичьи земли [6, с. 150].

Единственным депутатом от Могилёвской губернии, который выступил с критикой столыпинской реформы, был Ф. Т. Шевцов. Он указал, что предлагаемые правительством меры не предусматривают увеличения общего земельного фонда крестьян и потому не приведут к ликвидации крестьянского малоземелья и безземелья [6, с. 153]. Тем самым Ф. Т. Шевцов намекал на необходимость дополнительного наделения крестьян землей за счет государственных и помещичьих владений. Как справедливо отметил Н. М. Забавский, в этом плане он фактически поддержал позицию думских трудовиков [6, с. 156–157].

[3]*Энгельгардт Б. А.* Воспоминания о далеком прошлом. Часть 1. Потонувший мир. Глава 6. Государственная дума // ОР РНБ. Ф. 1052. Оп. 1. Д. 29.

[4]Переписка председателя Государственной думы с председателями фракций (февраль 1913 – февраль 1917 гг.) // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1124. Л. 24.

Второй крупной, предложенной П. А. Столыпиным реформой, в обсуждении которой принимали активное участие могилёвские депутаты, был законопроект о введении выборных земств в шести западных губерниях: Витебской, Могилёвской, Минской, Киевской, Подольской и Волынской. Он предусматривал роспись числа земских гласных по национальностям (фиксирование количества «польских» и «русских» гласных), формирование для их избрания особых национальных курий, закрепление «русского» большинства в составе управ и среди вольнонаемных служащих, а также определение ряда должностей, которые могли бы заниматься исключительно «русскими».

Данный законопроект был направлен на предварительное рассмотрение в комиссию по местному самоуправлению. Депутаты либеральных фракций предложили внести в него существенные изменения: проводить общие собрания выборщиков всех национальных курий для избрания уездных гласных, допустить существование «нерусского» большинства в управе и среди вольнонаемных служащих. Русские националисты и правые выступили против. Н. Н. Ладомирский убеждал других депутатов: «Если вы примете законопроект с теми изменениями, которые предлагает комиссия по местному самоуправлению, то вы из земства… сделаете чисто польскую организацию, могучее средство для полонизации этого края» [10, с. 109]. В итоге правой части Государственной думы удалось отстоять ключевые положения правительственного варианта введения выборного земства в западных губерниях Российской империи.

Помимо активной законодательной работы, некоторые депутаты продолжали заниматься общественной деятельностью на местах. Например, И. П. Созонович, Н. Н. Ладомирский и А. А. Радкевич являлись гласными Могилёвского губернского земского собрания [1, с. 568; 11, с. 6].

В 1914 г. началась Первая мировая война. Государственная дума собиралась только на кратковременные сессии. В обстановке патриотического подъема многие депутаты, имевшие военную специальность, решили вернуться в ряды армии и отправиться на фронт. Среди них оказался Н. Н. Ладомирский, поступивший на службу в родную для него 36-ю артиллерийскую бригаду. В первый же год войны он попал в немецкий плен и в наказание за отказ снять офицерские знаки отличия был переведен на положение нижнего чина. Вначале Н. Н. Ладомирский содержался в лагере близ Гиссена, а затем в лагере для штрафников под Магдебургом, где заболел туберкулезом. Администрация лагеря возбудила против него несколько уголовных дел: за оскорбление коменданта, военного министра, немецких офицеров и др. Из-за предпринятых Н. Н. Ладомирским попыток побега германское командование отказывалось от его обмена на немецких военнопленных-инвалидов до окончания военных действий [1, с. 318; 5, с. 298].

В начале войны на военную службу, в штаб гвардейского корпуса, вернулся и Б. А. Энгельгардт. Он отличился в боях на территории Польши, но в июле 1915 г. высочайшим приказом был уволен из армии и возвратился к работе в Государственной думе[5].

В. С. Дрибинцев был избран в состав Могилёвского губернского комитета Всероссийского земского союза и принял деятельное участие в его работе, направленной на организацию помощи раненым и беженцам, снабжения армии предметами первой необходимости и др. [11, с. 46].

Летом 1915 г. в России разразился политический кризис, который был вызван военными поражениями на фронте и возросшей активностью либеральной оппозиции, поставившей вопрос о замене царских министров «правительством народного доверия». В законодательных палатах сформировался «Прогрессивный блок», взявший на вооружение данное требование. В него вошли не только депутаты IV Государственной думы из числа членов либеральных фракций (конституционных демократов, прогрессистов, левых октябристов и земцев-октябристов), но и представители консервативного лагеря (группа центра). Помимо этого, из фракции русских националистов выделилась фракция прогрессивных националистов, которая также примкнула к «Прогрессивному блоку». Из депутатов – русских националистов – во фракцию прогрессивных националистов перешел М. Г. Воробьев [1, с. 104]. В том же году Б. А. Энгельгардт покинул группу центра и вступил во фракцию земцев-октябристов[6]. Таким образом, из семи депутатов IV Государственной думы от Могилёвской губернии трое (земцы-октябристы В. С. Дрибинцев и Б. А. Энгельгардт, прогрессивный националист М. Г. Воробьев) стали членами «Прогрессивного блока» и включились в его борьбу с царским правительством.

А. А. Радкевич, как представитель фракции правых, летом 1916 г. принял участие в поездке делегации Государственной думы и Государственного совета в страны – союзницы России. В ноябре того же года он перешел из фракции правых во фракцию независимых правых, став заместителем ее председателя. При этом А. А. Радкевич посещал заседания «Русского собрания» и Всероссийского Филаретовского общества народного образования [1, с. 516].

[5] *Энгельгардт Б. А.* Воспоминания камер-пажа выпуска 1896 года // ОР РНБ. Ф. 1052. Оп. 1. Д. 23. Л. 17.
[6] *Энгельгардт Б. А.* Воспоминания о далеком прошлом. Часть 2.Революция и контрреволюция. Глава 1. Канун революции // Там же. Д. 31. Л. 17.

Б. А. Энгельгардт в качестве представителя «Прогрессивного блока» также участвовал в поездке делегации членов законодательных палат в союзные страны Западной Европы[7]. В дальнейшем он сыграл исключительно важную роль в событиях Февральской революции 1917 г. Как бывшего военного, оказавшегося в эпицентре революционного водоворота, Временный комитет Государственной думы назначил его председателем своей военной комиссии, на которую была возложена задача организации поднявшихся против царского правительства войск[8]. Б. А. Энгельгардт стал первым революционным комендантом Петрограда. Он в значительной мере способствовал победе революции. Важную роль сыграл и в отречении Николая II. Так, 1 марта 1917 г. в 11 ч утра по распоряжению Б. А. Энгельгардта телеграфная связь между Царским Селом и Ставкой Верховного главнокомандующего в Могилёве была прервана, все телеграммы из Ставки должны были напрямую отправляться в Государственную думу [12, с. 270]. В результате руководство действующей армии и Николай II, находившийся на пути в Царское Село, лишились возможности получать оперативную информацию из столицы. Это позволило Временному комитету Государственной думы склонить начальника штаба Ставки генерала М. В. Алексеева на свою сторону. В итоге он и командующие фронтами поддержали идею отречения Николая II от престола 2 марта 1917 г.

После победы революции многие депутаты, входившие в «Прогрессивный блок», были задействованы как представители новой власти на местах. В. С. Дрибинцев, имевший репутацию опытного земского деятеля, Временным комитетом Государственной думы и Временным правительством 9 марта 1917 г. был назначен комиссаром Могилёвской губернии, т. е. фактически возглавил местную администрацию [1, с. 173].

После Февральской революции IV Государственная дума не созывалась, однако ее депутаты собирались на частные совещания, проходившие в течение апреля – августа 1917 г. Окончательно Дума была ликвидирована Временным правительством 7 октября того же года в связи с предстоявшими выборами в Учредительное собрание.

Заключение

Подводя итоги, можно отметить, что члены III и IV Государственной думы от Могилёвской губернии представляли основные социальные группы населения: крестьян, дворян, духовенство, мещан, чиновников. В национальном плане большинство депутатов относили себя к русским или белорусам, рассматривая последних как часть единого русского народа (наряду с великороссами и малороссами). Другие значительные национальные группы, поляки и евреи, своих представителей от Могилёвской губернии в Государственной думе 3-го и 4-го созывов не имели. По политическим взглядам практически все депутаты принадлежали к консервативному лагерю. Они примкнули к фракциям правых, умеренно правых, русских националистов и октябристов.

Посланцы Могилёвской губернии участвовали в обсуждении вопросов, связанных с проведением земельной реформы, введением выборных земств в западных губерниях и др. Большинство из них поддержали правительство П. А. Столыпина. Особую позицию занимал депутат Ф. Т. Шевцов, защищавший интересы крестьян. Под влиянием событий на фронтах Первой мировой войны в 1915 г. часть депутатов вошли в «Прогрессивный блок» и приняли участие в борьбе против царского правительства. Во время Февральской революции 1917 г. Б. А. Энгельгардт, как председатель военной комиссии Временного комитета Государственной думы, сыграл важную роль в утверждении новой власти.

Библиографические ссылки

1. Шелохаев ВВ, редактор. *Государственная дума Российской империи: 1906–1917.* Москва: РОССПЭН; 2008. 735 с.
2. *3-й созыв Государственной думы. Портреты. Биографии. Автографы*. Санкт-Петербург: Н. Н. Ольшанский; 1910. 124 с.
3. Бондаренко КМ. *Правые партии и их организации в Беларуси (1905–1917 гг.).* Могилёв: МГУ им. А. А. Кулешова; 2010. 416 с.
4. *4-й созыв Государственной думы: художественный фототипический альбом с портретами и биографиями.* Санкт-Петербург: Н. Н. Ольшанский; 1913. 129 с.
5. Шелохаев ВВ, редактор. *Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века.* Москва: РОССПЭН; 1996. 872 с.
6. Забаўскі ММ. *Расійская Дзяржаўная дума ў лёсах Беларусі (1906–1917 гг.).* Мінск: БДПУ імя М. Танка; 2008. 267 с.
7. Никонович ФИ. *Из дневника члена Государственной думы от Витебской губернии протоиерея о. Федора Никоновича.* Витебск: Губернская типография; 1912. 272 с.

[7]*Энгельгардт Б. А.* Воспоминания о далеком прошлом. Часть 1. Потонувший мир. Глава 6. Государственная дума // ОР РНБ. Ф. 1052. Оп. 1. Д. 29. Л. 57.
[8]*Энгельгардт Б. А.* Воспоминания камер-пажа выпуска 1896 года // Там же. Д. 23. Л. 47–48.

8. Ладомирский НН. *Разрешение земельного вопроса.* Санкт-Петербург: Национализм и прогресс; 1909. 44 с.
9. Абезгауз ЗЕ, Бейлькін ХЮ, Бухавец АР, Гуркоў УС, Ігнаценка ІМ, Крук УП і інш. *Гісторыя сялянства Беларусі са старажытных часоў да нашых дзён. Том 2. Ад рэформы 1861 г. да сакавіка 1917 г.* Панюціч ВП, рэдактар. Мінск: Беларуская навука; 2002. 552 с.
10. *Националисты в 3-й Государственной думе*. Санкт-Петербург: Типография А. С. Суворина; 1912. 325 с.
11. *Памятная книжка Могилёвской губернии на 1916 год*. Могилёв: Губернская типография; 1916. 414 с.
12. Бубнов АД, Пронин ВМ. *В Ставке Верховного главнокомандующего*. Москва: Вече; 2014. 320 с. (Военные мемуары).

References

1. Shelokhaev VV, editor. *Gosudarstvennaya duma Rossiiskoi imperii: 1906–1917* [State Duma of the Russian Empire: 1906–1917]. Moscow: ROSSPEN; 2008. 735 p. Russian.
2. *3-i sozyv Gosudarstvennoi dumy. Portrety. Biografii. Avtografy* [3rd convocation of the State Duma. Portraits. Biographies. Autographs]. Saint Petersburg: N. N. Ol'shanskii; 1910. 124 p. Russian.
3. Bondarenko KM. *Pravye partii i ikh organizatsii v Belarusi (1905–1917 gg.)* [Right-wing parties and their organizations in Belarus (1905–1917)]. Mogilev: Mogilev State A. Kuleshov University; 2010. 416 p. Russian.
4. *4-i sozyv Gosudarstvennoi dumy: khudozhestvennyi fototipicheskii al'bom s portretami i biografiyami* [4rd convocation of the State Duma. Art phototypic album with portraits and biographies]. Saint Petersburg: N. N. Ol'shanskii; 1913. 129 p. Russian.
5. Shelokhaev VV, editor. *Politicheskie partii Rossii. Konets XIX – pervaya tret' XX veka* [Politicial parties of Russia. The end of the 19th – the first third of the 20th century]. Moscow: ROSSPEN; 1996. 872 p. Russian.
6. Zabawski MM. *Rasijskaja Dzjarzhawnaja duma w ljosah Belarusi (1906–1917 gg.)* [Russian State Duma in the fate of Belarus (1906–1917)]. Minsk: Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank; 2008. 267 p. Belarusian.
7. Nikonovich FI. *Iz dnevnika chlena Gosudarstvennoi dumy ot Vitebskoi gubernii protoiereya o. Fedora Nikonovicha* [From the diary of a member of the State Duma from the Vitebsk province, archpriest Fr. Fedor Nikonovich]. Vitebsk: Gubernskaya tipografiya; 1912. 272 p. Russian.
8. Ladomirskii NN. *Razreshenie zemel'nogo voprosa* [Resolution of the land issue]. Saint Petersburg: Natsionalizm i progress; 1909. 44 p. Russian.
9. Abezgauz ZE, Bejl'kin HJu, Buhavec AR, Gurkow US, Ignacenka IM, Kruk UP, et al. *Gistoryja sjaljanstva Belarusi sa starazhytnyh chasow da nashyh dzjon. Tom 2. Ad rjeformy 1861 g. da sakavika 1917 g*. [History of peasantry of Belarus from ancient times to our days. Volume 2. From the reform of 1861 to March 1917]. Panjucich VP, editor. Minsk: Belaruskaja navuka; 2002. 552 p. Belarusian.
10. *Natsionalisty v 3-i Gosudarstvennoi dume* [Nationalists in the State Duma III]. Saint Petersburg: Tipografiya A. S. Suvorina; 1912. 325 p. Russian.
11. *Pamyatnaya knizhka Mogilevskoi gubernii na 1916 god* [The memorial book of the Mogilev province for 1916]. Mogilev: Gubernskaya tipografiya; 1916. 414 p. Russian.
12. Bubnov AD, Pronin VM. *V Stavke Verkhovnogo glavnokomanduyushchego* [At the Headquarters of the Supreme Commander]. Moscow: Veche; 2014. 320 p. (War memoir). Russian.

Статья поступила в редколлегию 17.03.2020.
Received by editorial board 17.03.2020.

Журнал Белорусского государственного университета. История. 2020;2:40–50
Journal of the Belarusian State University. History. 2020;2:40–50

УДК 94(476)+281.93

АДМИНИСТРАТИВНО-КАНОНИЧЕСКИЙ СТАТУС БЕЛОРУССКОЙ МИТРОПОЛИИ В ПЕРИОДЫ НЕМЕЦКОЙ ОККУПАЦИИ И ПОСЛЕВОЕННОЙ ЭМИГРАЦИИ (1941–1956)

А. В. СЛЕСАРЕВ[1)]

[1)]*Минская духовная академия, ул. Зыбицкая, 27, 220030, г. Минск, Беларусь*

Рассмотрена специфика административно-канонического статуса Белорусской митрополии в диаспоре, на протяжении 1946–1956 гг. находившейся в юрисдикции Русской православной церкви за границей. Делается вывод о происходившем с 1950 по 1956 г. поэтапном понижении статуса митрополии, приведшем к прекращению ее существования. Одной из важнейших причин ликвидации Белорусской митрополии в диаспоре видится опасение епископата Русской православной церкви за границей относительно возможного возникновения напряженности в церковной жизни, обусловленной национальным вопросом. Следствием упразднения Белорусской митрополии стала более глубокая интеграция белорусских эмигрантов в культурную среду русской диаспоры.

Ключевые слова: автокефалия; белорусская диаспора; Белорусская митрополия; Белорусская православная церковь; Константинопольский патриархат; православие; Московский патриархат; православная церковь; Русская православная церковь; Русская православная церковь за границей; эмиграция.

Благодарность. Автор благодарит заместителя директора учреждения «Белорусский государственный архив-музей литературы и искусства» Н. С. Гордиенко (Минск, Беларусь), сотрудника Архива Германской епархии Русской православной церкви за границей А. В. Кинстлера (Мюнхен, Германия), Я. Запрудника (Сомерсет, Нью-Джерси, США) и священника Валерия Трухана (Минск, Беларусь) за содействие в поиске документальных материалов по истории белорусской диаспоры.

АДМІНІСТРАЦЫЙНА-КАНАНІЧНЫ СТАТУС БЕЛАРУСКАЙ МІТРАПОЛІІ Ў ПЕРЫЯДЫ НЯМЕЦКАЙ АКУПАЦЫІ І ПАСЛЯВАЕННАЙ ЭМІГРАЦЫІ (1941–1956)

А. В. СЛЕСАРАЎ[1*]

[1*]*Мінская духоўная акадэмія, вул. Зыбіцкая, 27, 220030, г. Мінск, Беларусь*

Разгледжана спецыфіка адміністрацыйна-кананічнага статусу Беларускай мітраполіі ў дыяспары, якая на працягу 1946–1956 гг. знаходзілася ў юрысдыкцыі Рускай праваслаўнай царквы за мяжой. Зроблена выснова пра паэтапнае паніжэнне статусу мітраполіі з 1950 па 1956 г., якое прывяло да спынення яе існавання. Адной з найважнейшых прычын ліквідацыі Беларускай мітраполіі ў дыяспары бачыцца занепакоенасць епіскапата Рускай праваслаўнай царквы за мяжой адносна магчымага ўзнікнення напружанасці ў царкоўным жыцці, абумоўленай нацыянальным пытаннем. Вынікам скасавання Беларускай мітраполіі стала больш глыбокая інтэграцыя беларускіх эмігрантаў у культурнае асяроддзе рускай дыяспары.

Образец цитирования:
Слесарев АВ. Административно-канонический статус Белорусской митрополии в периоды немецкой оккупации и послевоенной эмиграции (1941–1956). *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2020;2:40–50.
https://doi.org/10.33581/2520-6338-2020-2-40-50

For citation:
Slesarau AV. The administrative and canonical status of the Belarusian Metropolis during the periods of German occupation and post-war emigration (1941–1956). *Journal of the Belarusian State University. History.* 2020;2:40–50. Russian.
https://doi.org/10.33581/2520-6338-2020-2-40-50

Автор:
Александр Валерьевич Слесарев – кандидат богословия, доцент; проректор по научной работе, заведующий кафедрой церковной истории и церковно-практических дисциплин.

Author:
Aliaxandr V. Slesarau, PhD (theology), docent; vice-rector for scientific work and head of the department of church history and church-practical disciplines.
a-slesarev@yandex.ru
https://orcid.org/0000-0002-4892-999X

Ключавыя словы: аўтакефалія; беларуская дыяспара; Беларуская мітраполія; Беларуская праваслаўная царква; Канстанцінопальскі патрыярхат; праваслаўе; Маскоўскі патрыярхат; праваслаўная царква; Руская праваслаўная царква за мяжой; эміграцыя.

Падзяка. Аўтар дзякуе намесніку дырэктара ўстановы «Беларускі дзяржаўны архіў-музей літаратуры і мастацтва» Н. С. Гардзіенка (Мінск, Беларусь), супрацоўніку Архіва Германскай епархіі Рускай праваслаўнай царквы за мяжой А. У. Кінстлеру (Мюнхен, Германія), Я. Запрудніку (Сомерсет, Нью-Джэрсі, ЗША) і святару Валерыю Трухану (Мінск, Беларусь) за спрыянне ў пошуку дакументальных матэрыялаў па гісторыі беларускай дыяспары.

THE ADMINISTRATIVE AND CANONICAL STATUS OF THE BELARUSIAN METROPOLIS DURING THE PERIODS OF GERMAN OCCUPATION AND POST-WAR EMIGRATION (1941–1956)

A. V. SLESARAU[a]

[a]*Minsk Theological Academy, 27 Zybickaja Street, Minsk 220030, Belarus*

The article is devoted to considering the specifics of the administrative and canonical status of the Belarusian Metropolis in the diaspora, during 1946–1956 stayed in the jurisdiction of the Russian Orthodox Church Abroad. The conclusion is drawn about what happened from 1950 to 1956 phasing down the status of the metropolis, which led to the cessation of its existence. One of the most important reasons for the liquidation of the Belarusian Metropolis in the diaspora seems to be the fear of the Russian Orthodox Church Abroad bishop about the possible occurrence of disturbances in church life caused by the national question. The liquidation of the Belarusian Metropolis led to a deeper integration of Belarusian emigrants into the cultural environment of the Russian diaspora.

Keywords: autocephaly; Belarusian diaspora; Belarusian Metropolis; Belarusian Orthodox Church; emigration; Moscow Patriarchate; Orthodoxy; Orthodox Church; Patriarchate of Constantinople; Russian Orthodox Church; Russian Orthodox Church Abroad.

Acknowledgements. The author is grateful to N. S. Gordienko, deputy director of the Belarusian State Archive-Museum of Literature and Arts (Minsk, Belarus), A. V. Kinstler, an employee of the Archdiocese of the German Diocese of ROCOR (Munich, Germany), Ya. Zaprudnik (Somerset, New Jersey, USA) and priest Valery Trukhan (Minsk, Belarus) for their assistance in finding documentary materials on the history of the Belarusian diaspora.

Введение

Важнейшая составляющая изучения истории любого народа – осмысление исторического прошлого его ведущих конфессий. При этом анализ специфики конфессиональной истории позволяет выявлять значимые источники влияния на тенденции государственного, общественно-политического и национального развития, что связано с высоким потенциалом воздействия религии на различные сферы жизни общества. Одним из ключевых событий белорусской конфессиональной истории начала 1940-х гг. стало образование православной Белорусской митрополии. Возникновение новой церковно-административной структуры в период немецкой оккупации вывело белорусские епархии из прямого подчинения церковным центрам за пределами белорусских территорий. Принятие в 1942 г. Устава Белорусской митрополии не только завершило процесс ее структурного оформления, но и наделило субъектностью в сфере межправославных, межконфессиональных и церковно-государственных отношений. Вне всякого сомнения, данное событие явилось значимой вехой в истории становления белорусского православия, белорусской государственности и белорусского национального самосознания. В современной историографии отсутствуют исследования, ориентированные на анализ административно-канонического статуса Белорусской митрополии в годы немецкой оккупации. Для работ, посвященных конфессиональной истории этого периода, свойственны лишь констатация именования Белорусской митрополии автокефальной без канонически необоснованного провозглашения автокефалии [1, с. 91–92; 2, с. 280; 3, с. 99–116; 4, с. 210–211; 5, с. 432–434; 6, с. 171–173] или утверждения противоположного характера об обретении митрополией полной церковной независимости [7, с. 13, 61, 96, 100, 139; 8, с. XX; 9, с. 14–20; 10, с. 135].

После эмиграции в Западную Европу белорусские иерархи по-прежнему позиционировали себя как легитимное священноначалие белорусского народа, что создало условия для продолжения деятельности Белорусской митрополии в диаспоре. Важнейшим событием религиозной жизни белорусской православной эмиграции стало официаль-

ное присоединение в 1946 г. Белорусской митрополии в диаспоре к Русской православной церкви за границей (РПЦЗ). Данный факт к концу 1940-х гг. получил резко негативную оценку со стороны двух влиятельных политических центров белорусской диаспоры – Белорусской Народной Республики (БНР) и Белорусской центральной рады (БЦР)[1] [3, с. 157; 11, с. 7]. Официальная позиция БНР и БЦР привела к широкому тиражированию в белорусских эмигрантских изданиях публицистического, исторического и мемуарного характера мнений о полной ликвидации Белорусской митрополии сразу после вхождения в РПЦЗ [3, с. 145; 12, с. 10; 13, с. 130; 14, с. 114–116]. Это способствовало формированию весьма дискуссионного представления об утрате присоединившимися к Русской зарубежной церкви архиереями и священнослужителями права выражать интересы белорусского народа, что побуждает к более детальному анализу административно-канонического статуса Белорусской митрополии в составе РПЦЗ.

В отечественной историографии советского периода вопрос специфики административного положения Белорусской митрополии в составе РПЦЗ не рассматривался. Для современной российской и белорусской историографии характерно отсутствие упоминаний о сохранении Белорусской православной церковью (БПЦ) в диаспоре особого административно-канонического статуса после присоединения к РПЦЗ[2] [7, с. 13, 139–140, 203; 15, с. 487; 16, с. 108–120; 17, с. 288–289; 18, с. 578; 19, с. 117; 20, с. 13; 21, с. 318, 596–597; 22, с. 231]. Означенный подход к изложению исторического материала может формировать представление о прекращении деятельности белорусской церковной структуры вследствие смены церковной юрисдикции, что находит определенное созвучие с устоявшейся оценкой данного вопроса в белорусской зарубежной историографии. Исключение составляют работы современных отечественных исследователей истории белорусской диаспоры О. С. Гордиенко и Н. С. Гордиенко, в которых отмечается сохранение БПЦ в диаспоре статуса митрополии вплоть до 1951 г. [23, с. 211–212, 215–218; 24, с. 36–37; 25, с. 459–460; 26, с. 371]. Однако исследования названных авторов не были ориентированы на рассмотрение административно-канонического статуса белорусской церковной структуры после вхождения в РПЦЗ, что оставляет задел для дальнейшего изучения данного вопроса. Более того, обращение к документальным материалам Архива Германской епархии РПЦЗ (Мюнхен) позволяет не только расширить имеющиеся представления относительно административно-канонического статуса БПЦ в диаспоре, но и пересмотреть хронологические рамки ее существования.

Цель настоящей работы – определение административно-канонического статуса Белорусской митрополии от ее возникновения до фактического упразднения (1941–1956). Раскрытию цели способствует реализация задач по выявлению специфики статуса митрополии на протяжении трех основных этапов ее существования: независимого положения на территории БССР (1941–1944) и в диаспоре (1944–1946), нахождения в составе РПЦЗ (1946–1956). Сопоставление особенностей административно-канонического статуса Белорусской митрополии в каждый из этих периодов позволит определить главные тенденции ее развития и потенциальную степень влияния на православное белорусское население.

Методология исследования

Методологической основой статьи являются диалектические принципы объективности, конкретности, всесторонности и историзма, а также универсальные методы познания (анализ и синтез, абстрагирование, обобщение, дедукция и индукция). Кроме того, в ходе исследования использовались специально-исторические методы. Обращение к историко-генетическому методу позволило рассмотреть изменения статуса Белорусской митрополии в процессе ее исторического развития (возникновения, становления, смены юрисдикционной принадлежности и фактического упразднения). Выявление специфики административно-канонического статуса Белорусской митрополии в различные периоды ее существования стало возможным при использовании структурного и системного методов, а также методов сравнения и аналогии.

Основная часть

Возникновение Белорусской митрополии явилось следствием развития сложных процессов православной церковной жизни в период Второй мировой войны. Реализация советской антирелигиозной политики в пределах БССР привела к полной ликвидации в 1939 г. организованной церковной

---

[1] *Віцкі А.* Матар'ялы да гісторыі беларускай эміграцыі ў Нямеччыне ў 1939–1951 гадох. Ч. 2. Рэлігійныя справы. Лос-Анджэлес, 1968. Арк. 46 // Арх. Беларус. ін-та навукі і мастацтва (АБІНІМ). Машынапіс, не фандаваны ; Пратакол № 2 паседжання Прэзідыюму Рады БНР 21 чэрвеня 1948 г. у Остэргофэне // Гардзіенка Н. Рада БНР, 1947–1970. Падзеі. Дакументы. Асобы / Н. Гардзіенка, Л. Юрэвіч. Мінск : Кнігазбор, 2013. С. 103–104.

[2] *Нивьер А.* Православные священнослужители, богословы и церковные деятели русской эмиграции в Западной и Центральной Европе, 1920–1995 : биогр. справ. М. : Рус. путь ; Париж : YMCA-Press, 2007. С. 86, 122, 164, 362, 472, 519–520.

жизни [27, с. 220–221; 28, с. 290]. Сложившаяся ситуация кардинально изменилась осенью того же года, когда состоялось присоединение к СССР территорий Западной Беларуси, с 13 ноября 1924 г. находившихся в юрисдикции автокефальной Православной церкви в Польше. Стремясь наладить организацию церковного управления в новых исторических условиях, 1 ноября 1939 г. архиепископ Пинский и Полесский Александр (Иноземцев), архиепископ Волынский и Кременецкий Поликарп (Сикорский) и епископ Острожский Симон (Ивановский) сформировали Священный синод Православной церкви в Польше в пределах Западной Украины и Западной Беларуси. Однако данные действия не нашли поддержки со стороны советского политического руководства, взявшего курс на включение епархий и приходов новоприсоединенных территорий в юрисдикцию Русской православной церкви (РПЦ)[3] [21, с. 259–260].

Положение православной церкви на белорусских землях существенно изменилось после начала германского вторжения в СССР. Указом Московской патриархии от 15 июля 1941 г. № 50 экзарх западных областей Украины и Беларуси митрополит Николай (Ярушевич), эвакуированный в советский тыл, освобождался от обязанностей экзарха в западных областях Беларуси, которые временно поручались «старейшему из наличных там управляющих епархиями архипастырю»[4]. Согласно логике данного указа полномочия руководителя православной церкви на оккупированной территории Западной Беларуси временно перешли архиепископу Гродненскому и Вилейскому Пантелеимону (Рожновскому), получившему статус экзарха Московской патриархии.

В начальный период оккупации предстоятель Православной церкви в Генерал-губернаторстве (Польше) митрополит Дионисий (Валединский) предпринял попытку оспорить присоединение западнобелорусских территорий к Московскому патриархату и восстановить над ними свою каноническую юрисдикцию. Однако его притязания не встретили поддержки со стороны администрации генерального комиссариата «Белоруссия», ориентированной на тесное сотрудничество с белорусским национальным активом. В июле 1941 г. проживавшего в Жировичском монастыре архиепископа Пантелеимона (Рожновского) посетили председатель Белорусского комитета в Варшаве Н. Щорс и руководитель администрации Минского округа Р. Островский, предложив иерарху возглавить православную церковь в пределах генерального комиссариата «Белоруссия». Условиями привлечения архиепископа к высшему церковному руководству в новых политических условиях назывались разрыв канонической зависимости от Московского патриархата, дистанцирование от Православной церкви в Генерал-губернаторстве и провозглашение белорусской автокефалии. Получив согласие, представители белорусского политического актива направили соответствующее представление генеральному комиссару Белоруссии В. Кубе, который своим распоряжением от 3 октября 1941 г. утверждал архиепископа Пантелеимона (Рожновского) главой православной церкви на территории Беларуси. По прошествии 3 дней в Жировичах состоялся Первый собор епископов БПЦ, принявший ряд важных постановлений относительно организации новой церковной структуры и возведший своего предстоятеля в сан митрополита Минского и Белорусского[5] [3, с. 83; 29, с. 103, 113–114]. Таким образом, возникновение Белорусской митрополии во многом связано со стремлением руководства белорусских общественно-политических организаций периода немецкой оккупации оградить белорусское население от русского и польского религиозно-культурного влияния.

Географические пределы новообразованной БПЦ охватывали земли, традиционно считавшиеся канонической территорией РПЦ, но на протяжении 1924–1939 гг. значительной своей частью находившиеся в юрисдикции Православной церкви в Польше. При этом возникновение Белорусской митрополии, изначально ориентированной на достижение автокефального статуса, произошло без согласования со священноначалием РПЦ и Православной церкви в Польше. Последнее обстоятельство порождало проблему признания канонической легитимности БПЦ. Иными словами, провозглашение в одностороннем порядке независимой Белорусской митрополии могло восприниматься как грубое нарушение канонических норм православного церковного права, определяющее непризнанный и маргинальный статус названной церковной структуры в православном мире. Однако при рассмотрении данного вопроса чрезвычайно важным обстоятельством является то, что после наделения полномочиями предстоятеля БПЦ митрополит Пантелеимон (Рожновский) не отрекался от звания

[3]Из записки наркома внутренних дел СССР Л. П. Берии И. В. Сталину и В. М. Молотову «О церковных епархиях в западных областях УССР и БССР» 20 сентября 1940 г. // Курляндский И. А. Сталин, власть, религия: религиозный и церковный факторы во внутренней политике Советского государства в 1922–1953 гг. М. : Кучково поле, 2011. С. 542–543 ; Патриарший и синодально-канонический томос // Вестн. Православ. митрополии в Польше. 1925. № 8. С. 1–2 ; Мартирологія українських церков : у 4 т. Т. 1. Українська православна церква. Документи, матеріали, християнський самвидав України. Торонто : Укр. вид-во «Смолоскип» ім. В. Симоненка, 1987. С. 617–619, 621, 630.

[4]Указ Московской Патриархии Преосвященному Митрополиту Волынскому, Экзарху западных областей Украины и Белоруссии, Николаю // Правда о религии в России. Московская патриархия, 1942. С. 112–113. (Здесь и далее наименование официальных документов приводится с сохранением традиционного для церковно-религиозных текстов написания.)

[5]Нац. арх. Респ. Беларусь (НАРБ). Ф. 370. Оп. 1. Д. 25. Л. 11–15.

экзарха Московской патриархии в западных областях Беларуси. По этой причине возглавление им Белорусской митрополии может расцениваться как продолжение реализации полномочий представителя РПЦ. Дополнительным аргументом в пользу данного предположения служит отмечавшаяся современниками принципиальная незаинтересованность митрополита Пантелеимона в провозглашении белорусской автокефалии, выражавшаяся в систематическом уклонении иерарха от реализации шагов по достижению церковной независимости [2, с. 273; 3, с. 89–91; 29, с. 132]. Поскольку даже в период своего многолетнего проживания в Польской Республике он оставался в юрисдикции РПЦ, саботирование митрополитом белорусского автокефального проекта может расцениваться исключительно как стремление сохранить свою изначальную каноническую принадлежность. В связи с этим административно-канонический статус Белорусской митрополии в период немецкой оккупации можно определить как независимый лишь только на уровне формального декларирования, но не фактически. Отсутствие оснований усматривать реальность разрыва митрополита Пантелеимона с Московской патриархией позволяет расценивать возглавляемую им БПЦ как сохранявшую каноническое единство с РПЦ.

Отдельного внимания заслуживает Всебелорусский церковный собор, проводившийся 30 августа – 2 сентября 1942 г. в Минске. Созванный во многом по инициативе оккупационной администрации, Собор постановил начать подготовку к провозглашению белорусской церковной независимости. Принятый на Соборе Устав БПЦ присваивал Белорусской митрополии наименование Святой Православной Белорусской автокефальной церкви, но при этом указывал на возможность канонического провозглашения автокефалии только после признания ее всеми поместными православными церквями[6]. Таким образом, именование Белорусской митрополии автокефальной не соответствовало ее реальному статусу. Выполнив требование оккупационных властей, участники соборных заседаний уберегли БПЦ от негативных последствий самопровозглашения автокефалии – самоизоляции от православного мира, нелегитимного канонического статуса, раскола церковной организации и верующего населения на сторонников и противников церковной независимости.

В июне 1944 г. в связи с приближением линии фронта епископат Белорусской митрополии был эвакуирован. Первоначально иерархи остановились в г. Сосновце области Верхняя Силезия (ныне – Силезское воеводство, Польша), а затем в г. Франценсбаде (ныне – г. Франтишкови-Лазне, Чехия). Среди эмигрировавших белорусских архиереев оказались митрополит Минский и Белорусский Пантелеимон (Рожновский), архиепископ Могилёвский и Мстиславский Филофей (Нарко), архиепископ Гродненский и Белостокский Венедикт (Бобковский), архиепископ Брестский и Ковельский Иоанн (Лавриненко), епископ Витебский и Полоцкий Афанасий (Мартос), епископ Смоленский и Брянский Стефан (Севбо), епископ Гомельский и Мозырский Григорий (Боришкевич), викарий Смоленской епархии епископ Рославльский Павел (Мелетьев). Несмотря на фактическую утрату контроля над церковными структурами на белорусских землях, они сохраняли за собой статус управляющих белорусскими епархиями, продолжали титуловаться по наименованиям кафедральных белорусских городов, регулярно проводили заседания Священного синода, формально признавали действующими предусмотренные Уставом БПЦ должности и канонические подразделения (сохранялись такие институции, как предстоятельство, Собор епископов, Священный синод, Церковный собор, епархии, церковный суд и др.). Кроме того, к окончанию Второй мировой войны на территории Западной Европы оказались более 70 священников (52 из них проживали в Германии), продолжавших ассоциировать себя с БПЦ. Означенные обстоятельства обеспечили существование Белорусской митрополии в условиях диаспоры[7] [3, с. 141; 30, с. 89–90, 94; 31, с. 247–249; 32, с. 167]. В свою очередь, в пределах освобожденных от немецкой оккупации белорусских территорий возрождения структуры Белорусской митрополии не произошло. Сформированные в сентябре 1944 г. Минско-Белорусская и Брестско-Кобринская епархии вошли в прямое подчинение Священному синоду РПЦ без объединения в единую митрополию[8]. Таким образом, в последний год войны и ближайшие послевоенные годы деятельность Белорусской митрополии как организованной церковно-административной структуры продолжалась исключительно за пределами БССР.

Поражение Германии во Второй мировой войне лишало большинство эвакуированных белорусских священнослужителей возможности возвращения на родину, где им грозило осуждение по обвинению в коллаборационизме. В связи с этим перспектива длительного существования Белорусской митропо-

---

[6]Статут Сьвятой Праваслаўнай Беларускай Аўтакефальнай Царквы, прыняты Ўсебеларускім Царкоўным Саборам 30.8.–2.9.1942 г. // Rutgers University Libraries (RUL), Special Collections and University Archives. Zaprudnik J. Collection. Box 2 (Lapitski Mikalaj, 1907–1976. Papers). P. 1, 17.

[7]*Вініцкі А.* Матар’ялы да гісторыі беларускай эміграцыі ў Нямеччыне ў 1939–1951 гадох. Ч. 2. Рэлігійныя справы. Лос-Анджэлес, 1968. Арк. 2 // АБІНІМ. Машынапіс, не фандаваны.

[8]НАРБ. Ф. 951. Оп. 2. Д. 2. Л. 3–5 ; Назначения на архиерейские кафедры // Журн. Моск. патриархии. 1944. № 9. С. 7 ; Назначения на архиерейские кафедры // Там же. 1944. № 10. С. 7.

лии в эмиграции порождала неопределенность ее канонического статуса. Причиной тому являлись отсутствие прямой связи митрополии с основной частью белорусского населения на родине и вынужденное пребывание на территориях с уже утвердившимися православными церковными структурами. Учитывая сложившиеся обстоятельства, 10 января 1946 г. белорусские иерархи официально обратились в Архиерейский синод Русской зарубежной церкви с просьбой о вхождении в юрисдикцию РПЦЗ. Уже 23 февраля того же года Архиерейский синод РПЦЗ принял предварительное решение о включении в свой состав Белорусской митрополии. Утверждение синодального постановления произошло на Архиерейском соборе РПЦЗ, проходившем 6 мая 1946 г. в Мюнхене. Согласно соборному решению Белорусская митрополия сохраняла свой автономный статус, что предполагало продолжение деятельности Священного синода БПЦ, включение его представителя в состав Архиерейского синода РПЦЗ и предоставление предстоятелю БПЦ права назначения священников на белорусские приходы в диаспоре[9] [3, с. 145; 22, с. 231; 32, с. 168; 33].

Через 2,5 месяца большинство белорусских архиереев были назначены на должности управляющих епархиями и викариатствами Русской зарубежной церкви [19, с. 175–176; 30, с. 99]. Однако, наряду с присвоением новых титулов, иерархи Белорусской митрополии сохраняли титулы, включавшие наименования белорусских городов. Так, архиепископ Гросс-Гессенский Филофей (Нарко) оставался архиепископом Могилёвским и Мстиславским, епископ Бабергский Григорий (Боришкевич) продолжал быть епископом Гомельским и Мозырским, епископ Гамбургский Афанасий (Мартос) – епископом Витебским и Полоцким и т. д. Данный подход получил официальное утверждение на Совещании епископов БПЦ в эмиграции, проходившем 14–15 декабря 1949 г. Тогда же белорусский епископат заявил и о том, что «выполняет свои архипастырские обязанности среди Белорусского народа на эмиграции, руководствуясь в своих внутренних церковных делах самостоятельно, как было в Белоруссии… через временное присоединение к иерархии Российской Православной Церкви на эмиграции белорусская иерархия не утеряла тех своих прав, которые она имела в Белоруссии»[10].

Специфика административного статуса Белорусской митрополии находила выражение в практике назначения на церковные должности не только клириков, но и архиереев. Так, решением Синода БПЦ в диаспоре от 2 августа 1946 г. епископ Афанасий (Мартос) отстранен от должности администратора белорусских приходов в американской оккупационной зоне Германии. Тогда же новым администратором был назначен архиепископ Филофей (Нарко), викарий Германской епархии РПЦЗ[11].

На протяжении последующих 3 лет автономный статус Белорусской митрополии не только сохранялся, но и документально подтверждался. В частности, 19 ноября 1949 г. первоиерарх РПЦЗ митрополит Анастасий (Грибановский) подписал опубликованное в белорусской печати удостоверение, согласно которому «архиереи Православной Церкви Белоруссии… со своим духовенством, присоединившись к юрисдикции Русской Православной Церкви Заграницей, вошли туда как автономная часть, причем один из их представителей является членом Синода. <…> Внутренние белорусские дела решаются белорусскими архиереями, которые обсуждают их на своих собственных съездах»[12].

Понижение статуса БПЦ в диаспоре произошло в 1951 г., после смерти ее первоиерарха митрополита Пантелеимона (Рожновского) (умер 30 декабря 1950 г.). Согласно Уставу БПЦ, принятому на Всебелорусском церковном соборе 30 августа – 2 сентября 1942 г., руководство БПЦ должно осуществляться «ее первым епископом, управляющим и представителем во всех внутренних и внешних отношениях», каковым является митрополит, пребывающий на своей должности пожизненно и избираемый на специально созываемом Церковном соборе[13]. Также Устав БПЦ предполагал, что в случае смерти первоиерарха временное управление церковной жизнью должно перейти старейшему по хиротонии архиерею Белорусской митрополии (имеющему белорусское происхождение), которому присваивалось звание местоблюстителя митрополичьего престола и вменялось в обязанность в трехмесячный срок созвать Церковный собор для избрания нового первоиерарха[14]. Ставший местоблюстителем архиепископ Венедикт (Бобковский) не провел предписываемый Уставом БПЦ избирательный Собор, скончавшись 3 сентября 1951 г.

[9]Копия определения Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей от 19 ноября 1956 г. // Арх. Герм. епархии Рус. православ. церкви за границей (АГЕ РПЦЗ). Ф. 7. Кор. Епархиальная переписка, 1956 год. Л. 1–2 ; НАРБ. Ф. 951. Оп. 2. Д. 14. Л. 205 ; Протокол № 1 Архиерейского Собора Русской Православной Церкви Заграницей. 24 апреля / 7 мая 1946 г. // Синод. арх. Рус. православ. церкви за границей в г. Нью-Йорке. Д. 76/46. Л. 1–14.

[10]Акт Совещания Епископов Белорусской Православной Церкви на эмиграции от 14–15 декабря 1949 г. // Праваслаўны беларус. 1949. № 9. С. 4. (Здесь и далее цитаты приводятся с сохранением орфографии оригиналов.)

[11]*Вініцкі А.* Матар'ялы да гісторыі беларускай эміграцыі ў Нямеччыне ў 1939–1951 гадох. Ч. 2. Рэлігійныя справы. Лос-Анджэлес, 1968. Арк. 39–40 // АБІНІМ. Машынапіс, не фандаваны.

[12]Удостоверение Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей № 996, ноября 19, 1949 г. // Праваслаўны беларус. 1949. № 9. С. 8.

[13]Статут Сьвятой Праваслаўнай Беларускай Аўтакефальнай Царквы, прыняты Ўсебеларускім Царкоўным Саборам 30.8.–2.9.1942 г. // RUL, Special Collections and University Archives. Zaprudnik J. Collection. Box 2 (Lapitski Mikalaj, 1907–1976. Papers). P. 3.

[14] Там жа.

[3, с. 156; 18]. После его смерти звание местоблюстителя митрополичьего престола БПЦ в диаспоре перешло к архиепископу Филофею (Нарко), который также не смог созвать Церковный собор для избрания нового первоиерарха[15]. Таким образом, в 1951 г. Белорусская митрополия утратила возможность иметь первоиерарха в звании митрополита, что фактически лишало ее консолидирующего начала. Поскольку Устав БПЦ допускал лишь только трехмесячный срок полномочий местоблюстителя митрополичьего престола, пребывание архиепископа Филофея во главе Белорусской митрополии формально завершилось 3 декабря 1951 г. Именно к этой дате следовало бы отнести прекращение существования Белорусской митрополии в диаспоре, когда она окончательно лишалась легитимного руководства. Однако вплоть до 1956 г. архиепископ Филофей предпринимал попытки реанимировать деятельность Белорусской митрополии РПЦЗ и продолжал именовать себя местоблюстителем митрополичьего престола БПЦ, что расширяет условные хронологические рамки существования белорусской церковной структуры в диаспоре.

Переход епископата Белорусской митрополии в состав РПЦЗ встретил резко негативную реакцию со стороны политических центров белорусской диаспоры – Рады БНР и БЦР. Объявив произошедшее предательством интересов белорусского народа, Рада БНР в 1948–1949 гг. при содействии иерархов Украинской автокефальной православной церкви сформировала непризнанную в православном мире Белорусскую автокефальную православную церковь (подробнее см. [34]). В свою очередь, руководство БЦР избрало стратегию открытия белорусских приходов в юрисдикции Константинопольского патриархата, надеясь на последующее создание Белорусской епархии или митрополии в диаспоре (подробнее см. [35]). Первым кандидатом на руководство белорусской церковной структурой Константинопольского патриархата рассматривался архиепископ Филофей (Нарко), продолжавший позиционировать себя местоблюстителем митрополичьего престола БПЦ. В середине 1950-х гг. он получил приглашение возглавить Белорусскую епархию Константинопольского патриархата, разместив свою резиденцию в Штутгарте (ФРГ) или переехав в США[16].

Реагируя на обращения представителей белорусской диаспоры, архиепископ Филофей направил первоиерарху РПЦЗ митрополиту Анастасию (Грибановскому) докладную записку, в которой ходатайствовал об одобрении открытия Белорусской митрополии в юрисдикции Константинопольского патриархата[17]. Рассмотрев поступившее обращение, 19 ноября 1956 г. Архиерейский синод РПЦЗ признал недопустимой смену церковной юрисдикции белорусскими эмигрантами: «Благословение на переход православных белорусов в ведение Константинопольской Церкви противоречило бы каноническому порядку и правам Русской Церкви, которые должна охранять за рубежом Русская Православная Церковь Заграницей»[18]. Одновременно с этим Архиерейский синод констатировал отсутствие у находившихся в юрисдикции РПЦЗ православных белорусов стремления к национально-церковной автономии и на этом основании постановил: «Преосвященный Филофей может осуществлять свое попечение о православных белорусах путем архипастырских посланий и способствования созданию новых приходов в местах расселения белорусов по сношению с местными епархиальными Преосвященными, в ведении которых они должны находиться и с тем, однако, чтобы не вносилось никакого смущения и разделения в уже существующие приходы Русской Православной Церкви Заграницей, в коих часть членов состоит из белорусов»[19]. Таким образом, Архиерейский синод РПЦЗ не только осудил возможный разрыв многовекового церковного единства двух восточнославянских народов, но и окончательно закрывал возможность существования в своей структуре автономной Белорусской митрополии, предписывая ее номинальному местоблюстителю ограничиться действиями по углублению интеграции православных белорусов в Русскую зарубежную церковь.

Причины нежелательности для РПЦЗ возрождения Белорусской митрополии изложил архиепископ Берлинский и Германский Александр (Ловчий) в письме митрополиту Анастасию (Грибановскому) от 23 ноября 1956 г.: «Создание Белорусской Церкви, параллельно Православной Русской Церкви, повлечет за собою много горестного для нашей Зарубежной Православной Церкви, так как большинство беженцев появилось из Польши (около 75 процентов), то есть из областей Полесья и Западного края. Появление Белорусской Церкви будет служить основанием для националистов Белоруссии сманивать простой народ в Белорусские организации и вместе с сим и в приходы Белорусской Церк-

[15]Копия определения Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей от 19 ноября 1956 г. // АГЕ РПЦЗ. Ф. 7. Кор. Епархиальная переписка, 1956 год. Л. 1.

[16]Белорус. гос. архив-музей лит. и искусства. Ф. Космовича. Оп. 1. Д. 150 (Пісьмы да начальніка Краёвага штаба БВФ у Аўстраліі Сяргея Розмысла). Л. 43–43 об., 47–48.

[17]Письмо председателя Архиерейского синода РПЦЗ митрополита Анастасия (Грибановского) архиепископу Берлинскому и Германскому Александру (Ловчему) № 45/44/1925 от 23 ноября 1956 г. // АГЕ РПЦЗ. Ф. 7. Кор. Епархиальная переписка, 1956 год. Л. 1.

[18]Копия определения Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей от 19 ноября 1956 г. // АГЕ РПЦЗ. Ф. 7. Кор. Епархиальная переписка, 1956 год. Л. 2.

[19]Там же. Л. 1–2.

ви, и благодаря этому явлению наша Православная Церковь останется в меньшинстве. Это очень опасное явление в жизни нашей Церкви. <…> Во избежание печальных последствий с появлением Белорусской Церкви, обращаюсь к Вашему Высокопреосвященству с покорнейшей просьбой: не дать благословения на организацию Белорусской Церкви, дабы оградить разъединение наших верных чад от печальных последствий, которые постигнут нашу Церковь, если будет проведена идея в жизнь. С получением благословения на организацию Белорусской Церкви сейчас же появится желание у шовинистов – создать и свой высший церковный орган»[20]. Цитированный фрагмент переписки позволяет сделать вывод о нежелании управляющего Германской епархией РПЦЗ согласиться даже на воссоздание Белорусской митрополии Русской зарубежной церкви по причине возможного оттока из русских приходов большей части прихожан. Восстановление Священного синода Белорусской митрополии РПЦЗ им также рассматривалось как крайне негативное явление церковной жизни.

Лишившись легальных оснований к возможному возглавлению Белорусской митрополии в юрисдикции РПЦЗ, архиепископ Филофей (Нарко) в переписке с представителями белорусских общественно-политических организаций продолжал позиционировать себя местоблюстителем митрополичьего престола БПЦ. Именно в таком качестве он на протяжении 1950–70-х гг. воспринимался Церковным советом БПЦ, осуществлявшим руководство белорусскими приходами Константинопольского патриархата[21]. Однако формальное сохранение титула местоблюстителя не подтолкнуло архиепископа Филофея к разрыву с РПЦЗ и возглавлению Белорусской епархии Константинопольского патриархата.

Заключение

Подводя итог рассмотрению специфики административно-канонического статуса Белорусской митрополии от ее возникновения до фактического упразднения (1941–1956), можно сделать несколько выводов. Во-первых, возникновение Белорусской митрополии в период немецкой оккупации (1941–1944) произошло по инициативе нового политического руководства, стремившегося к независимости православного населения генерального комиссариата «Белоруссия» от внешних церковно-административных центров (Московской патриархии и Варшавской митрополии). Во-вторых, произошедшее 30 августа – 2 сентября 1942 г. на Всебелорусском церковном соборе принятие Устава Белорусской митрополии предполагало ее официальное именование автокефальной без антиканоничного провозглашения церковной независимости в одностороннем порядке. Следуя нормам православного канонического права, участники Собора на уровне Устава Белорусской митрополии обозначили возможность провозглашения ее полной независимости лишь только после достижения по этому вопросу всеправославного консенсуса. Данное решение, а также отсутствие отказа митрополита Минского и Белорусского Пантелеимона (Рожновского) от звания экзарха Московской патриархии не позволяют признать за Белорусской митрополией автокефальный статус. Напротив, означенные обстоятельства свидетельствуют о сохранении митрополией канонического единства с РПЦ, что предотвратило возникновение церковного раскола и позволило белорусской иерархии сохранить полный контроль над церковной жизнью. В-третьих, независимое существование структуры Белорусской митрополии в диаспоре на протяжении 1944–1946 гг. носило во многом формальный характер. Продолжение деятельности административно-канонических институций митрополии не обеспечивало реального влияния белорусской иерархии на православное белорусское население в пределах БССР. Вынужденное пребывание белорусского епископата в странах Западной Европы, где существовали давно сложившиеся епархиальные структуры иных православных юрисдикций, актуализировало вопрос перспектив дальнейшего существования структуры Белорусской митрополии. В-четвертых, важнейшим условием произошедшего в 1946 г. включения Белорусской митрополии в состав РПЦЗ было сохранение за ней автономного статуса. Субъектность Белорусской митрополии проявлялась в продолжении деятельности Священного синода БПЦ, представитель которого делегировался в состав Архиерейского синода РПЦЗ. Управление белорусскими приходами в диаспоре входило в сферу компетенции епископата Белорусской митрополии, а сами эти приходы объединялись в подконтрольные Священному синоду БПЦ административные округа. В-пятых,

[20] Письмо архиепископа Берлинского и Германского Александра (Ловчего) председателю Архиерейского синода РПЦЗ митрополиту Анастасию (Грибановскому) от 23 ноября 1956 г. // АГЕ РПЦЗ. Ф. 7. Кор. Епархиальная переписка, 1956 год. Л. 1.

[21] З дакладу а. протапрэсьвіцера Мікалая Лапіцкага «Сучаснае становішча Беларускай праваслаўнай царквы ў вольным сьвеце і патрэбныя мерапрыемствы для ўзьняцьця царкоўнага жыцьця», прачытанага на Зьездзе беларусаў ЗША і Канады ў Торонто (Канада) для 4 верасьня 1960 г. // Царкоўны сьветач. 1960. № 10. С. 17 ; Ліст архіепіскапа Афанасія (Мартаса) да протапрэсвіцера Мікалая Лапіцкага ад 07.11.1971 г. // Лапіцкі М. У служэньні Богу й Беларусі. Нью-Ёрк : БІНІМ ; Варшава : ІСПАН, 2005. С. 385–386 ; Ліст протапрэсвіцера Мікалая Лапіцкага да архіепіскапа Афанасія (Мартаса) ад 23.02.1962 г. // Там жа. С. 329–330.

решение руководства Белорусской митрополии о переходе в юрисдикцию РПЦЗ встретило резко негативную реакцию со стороны белорусских общественно-политических организаций. Возникшие острые противоречия спровоцировали создание альтернативных белорусских церковных структур, что резко ослабило влияние Белорусской митрополии РПЦЗ на белорусскую диаспору. В-шестых, понижение статуса Белорусской митрополии РПЦЗ произошло в 1951 г., когда возглавивший ее архиепископ Венедикт (Бобковский) не провел Церковный собор по избранию нового первоиерарха и руководил митрополией в звании местоблюстителя митрополичьего престола. В-седьмых, формальное прекращение существования Белорусской митрополии в диаспоре можно отнести к декабрю 1951 г., когда завершился срок полномочий нового местоблюстителя митрополичьего престола БПЦ архиепископа Филофея (Нарко). Однако окончательной датой ликвидации митрополии следует считать 19 ноября 1956 г., когда Архиерейский синод РПЦЗ запретил архиепископу Филофею осуществлять консолидацию православных белорусов вокруг национальной церковной структуры. Вместе с тем необходимо отметить, что на протяжении 1950–70-х гг. в белорусской эмигрантской среде отмечается формальное сохранение за архиепископом Филофеем звания местоблюстителя митрополичьего престола БПЦ, что воспринималось как символическое свидетельство возможности возрождения Белорусской митрополии в диаспоре. В-восьмых, прекращение деятельности автономной Белорусской митрополии в составе РПЦЗ во многом объясняется стремлением русского епископата устранить национальные противоречия в церковной жизни и удержать значительную часть паствы от присоединения к белорусским приходам. Вполне очевидно, что произошедшее в 1956 г. осуждение Архиерейским синодом РПЦЗ возможности дальнейшего существования в своей структуре Белорусской митрополии способствовало более глубокой интеграции белорусских эмигрантов в культурную среду русской диаспоры.

Библиографические ссылки

1. Алексеев ВИ, Ставру Ф. Русская православная церковь на оккупированной немцами территории. *Русское Возрождение*. 1981;16:91–121.
2. Афанасий (Мартос), архиепископ. *Беларусь в исторической, государственной и церковной жизни*. Буэнос-Айрес: [б. и.]; 1966. 299 с.
3. Касяк І. *З гісторыі праваслаўнай царквы беларускага народу*. Нью-Йорк: Беларуская цэнтральная рада; 1956. 191 с.
4. Поспеловский ДВ. *Русская православная церковь в XX веке*. Москва: Республика; 1995. 511 с.
5. Шкаровский МВ. *Нацистская Германия и православная церковь*. Москва: Издательство Крутицкого подворья; 2002. 523 с.
6. Шкаровский МВ. *Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах)*. Москва: Издательство Крутицкого подворья; 2005. 423 с.
7. Гарбінскі Ю. *Беларускія рэлігійныя дзеячы XX стагоддзя. Жыццярысы. Мартыралогія. Успаміны*. Мінск: Беларускі кнігазбор; 1999. 752 с.
8. Гарбінскі Ю. Прадмова. У: Лапіцкі М. *У служэньні Богу й Беларусі*. Нью-Ёрк: БІНІМ; 2005. с. IX–XLVIII. Сумеснае выданне з Інстытутам славістыкі Польскай акадэміі навук.
9. Силова СВ. *Православная церковь в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)*. Гродно: ГрГУ; 2003. 105 с.
10. Ярмусік ЭС. *Канфесійная гісторыя Беларусі*. Мінск: РІВШ; 2016. 200 с.
11. Інтэрв'ю з Прэзідэнтам Беларускай цэнтральнай рады праф. Р. Астроўскім. *Апошнія весткі: інфармацыйны лісток*. 1948, 28 студзеня. с. 5–7.
12. Зніч М. *Здрада*. [Б. м.]: [б. в.]; 1948. 31 с.
13. Кавалеўскі В. *А хто там ідзе?* Адэлайда: Belarusian Historical Society in Australia; 2008. 287 с.
14. Мерляк К. *Дзейнасьць Кастуся Мерляка на эміграцы. Праніклівасьць і практычны падыход*. Нью-Ёрк: [б. в.]; 1992. 476 с.
15. Кривонос Феодор, священник, Теплова ВА, Чаквин ИВ, Оржеховский ИВ, Шейкин ГВ, Силова СВ и др. Беларусь. В: *Православная энциклопедия. Том 4.* Москва: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия»; 2002. с. 467–497.
16. Кинстлер АВ, Корнилов АА. Деятельность епископа Афанасия (Мартоса) во главе Северогерманского викариатства (1946–1950 гг.). *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2. История. История Русской православной церкви*. 2019;87:108–123.
17. Корнилов АА. Архипастыри лагеря перемещенных лиц Шляйсгайм. *Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета*. 2007;17(1):277–290.
18. Косик ОВ. Венедикт (Бобковский). В: *Православная энциклопедия. Том 7.* Москва: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия»; 2004. с. 577–578.
19. Кострюков АА. *Русская зарубежная церковь в 1939–1964 гг. Административное устройство и отношения с Церковью в Отечестве*. Москва: Издательство ПСТГУ; 2015. 488 с.
20. Кривонос Феодор, священник, Силова СВ, Шленов Владимир, протоиерей. Афанасий (Мартос). В: *Православная энциклопедия. Том 4.* Москва: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия»; 2002. с. 12–13.
21. Цыпин Владислав, протоиерей. *История Русской церкви, 1917–1997.* Москва: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря; 1997. 831 с.
22. Шкаровский МВ. Архиерейский синод Русской православной церкви за границей и русская церковная эмиграция в Югославии после окончания Второй мировой войны (в 1945–1950-х гг.). *Христианское чтение.* 2016;6:218–271.

23. Гардзіенка А. *Беларуская цэнтральная рада (БЦР): стварэнне, дзейнасць, занятпад. 1943–1995*. Мінск: Кнігазбор; 2016. 478 с.
24. Гардзіенка А. *Беларускі кангрэсавы камітэт Амэрыкі (БККА)*. Смаленск: [б. в.]; 2009. 428 с.
25. Гардзіенка А. Палітычны раскол на беларускай эміграцыі ў 1940-я гг. *Беларускі гістарычны агляд*. 2009;16(2): 452–475.
26. Гардзіенка НС. *Беларусы ў Вялікабрытаніі*. Мінск: Медысонт; 2010. 620 с.
27. Кривонос Феодор, протоиерей. *У Бога мертвых нет. Неизвестные страницы из истории Минской епархии (1917–1939 годы)*. Минск: МФЦП; 2007. 240 с.
28. Слесарев АВ. Гомельская православная епархия в первой половине XX века: образование, развитие, ликвидация. *Труды Минской духовной академии*. 2016;13:269–305.
29. Касмовіч Д. *За вольную і сувэрэнную Беларусь*. Вільня: Gudas; 2006. 224 с.
30. Апанас, архіепіскап. *На ніве Хрыстовай: у пяцідзясятыя ўгодкі сьвятарства, 1928–1978. Успаміны*. Нью-Ёрк: БІНІМ; 2005. 192 с.
31. Беларускія праваслаўныя сьвятары ў Нямеччыне 1944–1945 гг. *Запісы. Беларускі інстытут навукі й мастацтва*. 2006;30:246–249.
32. Bird E. Thomas. Orthodoxy in Byelorussia: 1917–1980. *Запісы. Беларускі інстытут навукі й мастацтва*. 1983;17:144–208.
33. Крыловіч М. Беларускі вызвольны рух і праваслаўная царква. *Беларускае слова*. 1950, 25 сакавіка. с. 12.
34. Слесарев АВ. Исторические обстоятельства и политические предпосылки церковного раскола белорусской эмиграции в 1948–1949 гг. *ΧΡΟΝΟΣ. Церковно-исторический альманах*. 2017;5:83–110.
35. Слесарев АВ. Предпосылки возникновения и история развития Белорусского Совета православных церквей в Северной Америке в 1950–1976 гг. *Христианское чтение*. 2019;4:176–192.

References

1. Alekseev VI, Stavru F. [The Russian Orthodox Church in the territory occupied by Germans]. *Russkoe Vozrozhdenie*. 1981;16:91–121. Russian.
2. Afanasii (Martos), Archbishop. *Belarus' v istoricheskoi, gosudarstvennoi i tserkovnoi zhizni* [Belarus in historical, state and church life]. Buenos Aires: [s. n.]; 1966. 299 p. Russian.
3. Kasjak I. *Z gistoryi pravaslawnaj carkvy belaruskaga narodu* [From the history of the Orthodox Church of the Belarusian people]. New York: Belarusian Central Council; 1956. 191 p. Belarusian.
4. Pospelovskii DV. *Russkaya pravoslavnaya tserkov' v XX veke* [The Russian Orthodox Church in the 20th century]. Moscow: Respublika; 1995. 511 p. Russian.
5. Shkarovskii MV. *Natsistskaya Germaniya i pravoslavnaya tserkov'* [Nazi Germany and the Orthodox Church]. Moscow: Izdatel'stvo Krutitskogo podvor'ya; 2002. 523 p. Russian.
6. Shkarovskii MV. *Russkaya pravoslavnaya tserkov' pri Staline i Khrushcheve (Gosudarstvenno-tserkovnye otnosheniya v SSSR v 1939–1964 godakh)* [The Russian Orthodox Church under Stalin and Khrushchev (State-church relations in the USSR in 1939–1964)]. Moscow: Izdatel'stvo Krutitskogo podvor'ya; 2005. 423 p. Russian.
7. Garbinski Ju. *Belaruskija rjeligijnyja dzejachy XX stagoddzja. Zhyccjarysy. Martyralogija. Uspaminy* [Belarusian religious figures of the 20th century. Cheerleaders. Martyrology. Memories]. Minsk: Belaruski knigazbor; 1999. 752 p. Belarusian.
8. Garbinski Ju. [Introduction]. In: Lapicki M. *U sluzhjen'ni Bogu j Belarusi* [In the service of God and Belarus]. New York: Belarusian Institute of Arts and Sciences; 2005. p. IX–XLVIII. Co-published by the Institute of Slavic Studies, Polish Academy of Sciences. Belarusian.
9. Silova SV. *Pravoslavnaya tserkov' v Belorussii v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (1941–1945 gg.)* [The Orthodox Church in Belarus during the Great Patriotic War (1941–1945)]. Grodno: Yanka Kupala State University of Grodno; 2003. 105 p. Russian.
10. Jarmusik JeS. *Kanfesijnaja gistoryja Belarusi* [Confessional history of Belarus]. Minsk: National Institute for Higher Education; 2016. 200 p. Belarusian.
11. [Interview with the President of the Belarusian Central Council R. Ostrovsky]. *Aposhnija vestki: infarmacyjny listok*. 1948 January 28. p. 5–7. Belarusian.
12. Znich M. *Zdrada* [Betrayal]. [S. l.]: [s. n.]; 1948. 31 p. Belarusian.
13. Kavalewski V. *Who is going there?* Adelaide: Belarusian Historical Society in Australia; 2008. 287 p. Belarusian.
14. Merljak K. *Dzejnasc' Kastusja Merljaka na jemigracyi. Praniklivas'c' i praktychny padyhod* [The activity of Kastus Merlyak in exile. Discernment and practical approach]. New York: [s. n.]; 1992. 476 p. Belarusian.
15. Krivonos Feodor, priest, Teplova VA, Chakvin IV, Orzhekhovskii IV, Sheikin GV, Silova SV, et al. [Belarus]. In: *Pravoslavnaya entsiklopediya. Tom 4* [Orthodox encyclopedia. Volume 4]. Moscow: Tserkovno-nauchnyi tsentr «Pravoslavnaya entsiklopediya»; 2002. p. 467–497. Russian.
16. Kinstler AV, Kornilov AA. Activities of the North German Vicariate of Russian Orthodox Church Abroad in time of bishop Afanasy's (Martos) office (1946–1950). *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 2. Istoriya. Istoriya Russkoi pravoslavnoi tserkvi*. 2019;87:108–123. Russian.
17. Kornilov AA. Arch-pastors in Schleissheim camp for displaced persons. *Ezhegodnaya bogoslovskaya konferentsiya Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta*. 2007;17(1):277–290. Russian.
18. Kosik OV. [Benedict (Bobkovsky)]. In: *Pravoslavnaya entsiklopediya. Tom 7* [Orthodox encyclopedia. Volume 7]. Moscow: Tserkovno-nauchnyi tsentr «Pravoslavnaya entsiklopediya»; 2004. p. 577–578. Russian.
19. Kostryukov AA. *Russkaya zarubezhnaya tserkov' v 1939–1964 gg. Administrativnoe ustroistvo i otnosheniya s Tserkov'yu v Otechestve* [The Russian Church Abroad in 1939–1964. Administrative structure and relations with the Church in the Fatherland]. Moscow: Izdatel'stvo PSTGU; 2015. 488 p. Russian.
20. Krivonos Feodor, priest, Silova SV, Shlenov Vladimir, archpriest. [Athanasius (Martos)]. In: *Pravoslavnaya entsiklopediya. Tom 4* [Orthodox encyclopedia. Volume 4]. Moscow: Tserkovno-nauchnyi tsentr «Pravoslavnaya entsiklopediya»; 2002. p. 12–13. Russian.

21. Tsypin Vladislav, archpriest. *Istoriya Russkoi tserkvi, 1917–1997* [History of the Russian Church, 1917–1997]. Moscow: Izdatel'stvo Spaso-Preobrazhenskogo Valaamskogo monastyrya; 1997. 831 p. Russian.
22. Shkarovsky MV. The Synod of Bishops of the Russian Orthodox Church Outside of Russia and the Russian religious emigré community in Yugoslavia after the end of World War Two (1945–1950). *Christian reading*. 2016;6:218–271. Russian.
23. Gardzienka A. *Belaruskaja cjentral'naja rada (BCR): stvarjenne, dzejnasc', zanjapad. 1943–1995* [The Belarusian Central Council (BCC): creation, activity, decline. 1943–1995]. Minsk: Knigazbor; 2016. 478 p. Belarusian.
24. Gardzienka A. *Belaruski kangrjesavy kamitjet Amjeryki (BKKA)* [The Belarusian Congress Committee of America (BCCA)]. Smolensk: [s. n.]; 2009. 428 p. Belarusian.
25. Gardzienka A. [The political schism in Belarusian emigration]. *Belaruski gistarychny agljad*. 2009;16(2):452–475. Belarusian.
26. Gardzienka NS. *Belarusy w Vjalikabrytanii* [Belarusians in the UK]. Minsk: Medysont; 2010. 620 p. Belarusian.
27. Krivonos Feodor, priest. *U Boga mertvykh net. Neizvestnye stranitsy iz istorii Minskoi eparkhii (1917–1939 gody)* [God has no dead. Unknown pages from the history of the Minsk diocese (1917–1939)]. Minsk: MFCP; 2007. 240 p. Russian.
28. Slesarev AV. [The Gomel Orthodox Diocese in the first half of the twentieth century: education, development, liquidation]. *Trudy Minskoi dukhovnoi akademii.* 2016;13:269–305. Russian.
29. Kasmovich D. *Za vol'nuju i suvjerjennuju Belarus'* [For a free and sovereign Belarus]. Vilno: Gudas; 2006. 224 p. Belarusian.
30. Apanas, Archbishop. *Na nive Hrystovaj: u pjacidzesjatyja wgodki s'vjatarstva, 1928–1978. Uspaminy* [In the field of Christ: the fiftieth anniversary of the priesthood, 1928–1978. Memories]. New York: Belarusian Institute of Arts and Sciences; 2005. 192 p. Belarusian.
31. [Belarusian Orthodox priests in Germany 1944–1945]. *Zapisy. Belaruski instytut navuki j mastactva.* 2006;30:246–249. Belarusian.
32. Bird E. Thomas. Orthodoxy in Byelorussia: 1917–1980. *Zapisy. Belaruski instytut navuki j mastactva*. 1983;17:144–208.
33. Krylovich M. [The Belarusian liberation movement and the Orthodox Church]. *Belaruskae slova*. 1950 March 25. p. 12. Belarusian.
34. Slesarev AV. [Historical circumstances and political background of the church schism of the Belarusian emigration in 1948–1949]. *ΧΡΟΝΟΣ. Tserkovno-istoricheskii al'manakh*. 2017;5:83–110. Russian.
35. Slesarev AV. Background of the origin and history of the development of the Belarusian Council of Orthodox Churches in North America in 1950–1976. *Christian reading*. 2019;4:176–192. Russian.

Статья поступила в редколлегию 28.01.2020.
Received by editorial board 28.01.2020.

Всемирная история

Усеагульная гісторыя

World history

УДК 327

ВЛИЯНИЕ ТУРЦИИ НА ПОЛИТИКУ НЕЙТРАЛИТЕТА И ВНЕШНЮЮ ПОЛИТИКУ ТУРКМЕНИСТАНА (1995–2016)

Н. Х. ХУДАЙБЕРДИЕВА [1)]

[1)]*Белорусский государственный университет,*
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Прослеживается отношение Турции к политике нейтралитета Туркменистана в период с 1995 по 2016 г. На основе анализа геополитической ситуации в регионе Центральной Азии в постсоветский период выявляются следующие причины принятия Туркменистаном нейтрального статуса: ухудшение ситуации в регионе, стремление великих держав и региональных лидеров укрепить свои позиции в Центральной Азии, в том числе в энергетическом секторе, стремление Турции в постсоветский период развивать политические, энергетические, гуманитарные контакты, желание режима С. Ниязова ограничить влияние других государств на внутреннюю и внешнюю политику страны. Отмечается воздействие статуса нейтралитета на реализацию внешней политики Туркменистана, анализируется отношение к этому процессу со стороны Турции. В развитии политики нейтралитета Туркменистана условно выделяются два этапа: 1995–2006 гг., когда эта политика граничила с изоляционизмом и серьезно сдерживала углубление отношений Турции с Туркменистаном; 2007–2016 гг., когда происходило расширение сотрудничества двух стран, в том числе в сфере безопасности. В 2007–2016 гг. Турция стремилась расширить свое геополитическое влияние в отношении Туркменистана, поддерживая нейтралитет страны, что привело к формированию тесного политического и экономического диалога Анкары и Ашхабада.

Ключевые слова: Турция; Туркменистан; политика нейтралитета; внешняя политика; безопасность; Центральная Азия.

Образец цитирования:
Худайбердиева НХ. Влияние Турции на политику нейтралитета и внешнюю политику Туркменистана (1995–2016). *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2020;2:51–58.
https://doi.org/10.33581/2520-6338-2020-2-51-58

For citation:
Khudaiberdieva NKh. Influence of Turkey on the policy of neutrality and foreign policy of Turkmenistan (1995–2016). *Journal of the Belarusian State University. History.* 2020;2:51–58. Russian.
https://doi.org/10.33581/2520-6338-2020-2-51-58

Автор:
Нурбиби Хулагулыевна Худайбердиева – аспирантка кафедры международных отношений факультета международных отношений. Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент Л. М. Хухлындина.

Author:
Nurbibi Kh. Khudaiberdieva, postgraduate student at the department of international relations, faculty of international relations.
nuriya.dzhan.09@mail.ru

CC BY NC

Журнал Белорусского государственного университета. История. 2020;2:51–58
Journal of the Belarusian State University. History. 2020;2:51–58

УПЛЫЎ ТУРЦЫІ НА ПАЛІТЫКУ НЕЙТРАЛІТЭТУ І ЗНЕШНЮЮ ПАЛІТЫКУ ТУРКМЕНІСТАНА (1995–2016)

Н. Х. ХУДАЙБЕРДЫЕВА[1*]

[1*]*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь*

Прасочваецца стаўленне Турцыі да палітыкі нейтралітэту Туркменістана ў перыяд з 1995 па 2016 г. На аснове вывучэння геапалітычнай сітуацыі ў рэгіёне Цэнтральнай Азіі ў постсавецкі перыяд выяўляюцца наступныя прычыны прыняцця Туркменістанам нейтральнага статусу: пагаршэнне сітуацыі ў рэгіёне, імкненне вялікіх дзяржаў і рэгіянальных лідараў умацаваць свае пазіцыі ў Цэнтральнай Азіі, у тым ліку ў энергетычным сектары, імкненне Турцыі ў постсавецкі перыяд развіваць палітычныя, энергетычныя, гуманітарныя кантакты, жаданне рэжыму С. Ніязава абмежаваць уплыў іншых дзяржаў на ўнутраную і знешнюю палітыку краіны. Адзначаецца ўздзеянне статусу нейтралітэту на рэалізацыю знешняй палітыкі Туркменістана, аналізуецца стаўленне да гэтага працэсу з боку Турцыі. У развіцці палітыкі нейтралітэту Туркменістана ўмоўна вылучаюцца два этапы: 1995–2006 гг., калі гэта палітыка межавала з ізаляцыянізмам і сур'ёзна стрымлівала кантакты Турцыі з Туркменістанам; 2007–2016 гг., калі назіралася пашырэнне супрацоўніцтва Туркменістана з Турцыяй, у тым ліку ў сферы бяспекі. У 2007–2016 гг. Турцыя імкнулася пашырыць свой геапалітычны ўплыў у дачыненні да Туркменістана, падтрымліваючы нейтралітэт краіны, што прывяло да фарміравання цеснага палітычнага і эканамічнага дыялогу Анкары і Ашхабада.

Ключавыя словы: Турцыя; Туркменістан; палітыка нейтралітэту; знешняя палітыка; бяспека; Цэнтральная Азія.

INFLUENCE OF TURKEY ON THE POLICY OF NEUTRALITY AND FOREIGN POLICY OF TURKMENISTAN (1995–2016)

N. Kh. KHUDAIBERDIEVA[a]

[a]*Belarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

The paper analyzes the attitude of Turkey to the policy of neutrality of Turkmenistan in the period from 1995 to 2016. Based on the geopolitical situation in the Central Asian region in the post-Soviet period, the author identifies the reasons for Turkmenistan's adoption of a neutral status. Among the reasons for this decision by the Turkmen leadership are the deterioration of the situation in the region, the desire of the great powers and regional leaders to strengthen their positions in Central Asia, including in the energy sector, Turkey's active position in the post-Soviet period aimed at developing political, energy, and humanitarian contacts, and the desire of The Niyazov regime to limit external influence on the country's internal and foreign policy. The author noted the influence of the status of neutrality on the implementation of Turkmenistan's foreign policy and the attitude of Turkey to this process. In the development of Turkmenistan's neutrality policy in 1995–2016, two stages can be conditionally distinguished: the first is 1995–2006 when the policy of neutrality bordering on isolationism, which seriously limited Turkey's contacts with Turkmenistan; the second is 2007–2016 when the expansion of cooperation between Turkmenistan and Turkey, including in the security sphere. In the 2007–2016 Turkey sought to expand its geopolitical influence over Turkmenistan by maintaining its neutrality, which led to the formation of a close political and economic dialogue between Ankara and Ashgabat.

Keywords: Turkey; Turkmenistan; neutrality policy; foreign policy; security; Central Asia.

Еще в эпоху Античности под нейтралитетом подразумевалась обязанность невоюющего государства не помогать тому, кто ведет военные действия. С течением времени произошла трансформация данного понятия. В XIX в. появились термины «постоянный нейтралитет», «традиционный нейтралитет», а в XX в. – «позитивный нейтралитет». В современной историографии сложилось понимание того, что следует разграничивать понятия нейтралитета как института международного права и как внешнеполитического инструмента. Согласно определению российского исследователя М. Е. Кучинской, нейтралитет – «это особый статус государства или проводимая им политика, которая выражается в неучастии в военных конфликтах или военных союзах» [1, с. 109].

Вопрос приобретения нейтрального статуса государством зависит от ряда факторов, и для каждой страны характерен их индивидуальный набор.

В современных условиях события в Центральной Азии привлекают особое внимание в силу геополитического роста этого региона, наличия здесь энергетических ресурсов. Роль стран Центральной Азии увеличивается также в контексте реализации китайской программы «Один пояс – один путь». Все это обусловливает актуальность выбранной темы.

Цель статьи – исследование отношения Турции как регионального лидера к политике нейтралитета

Туркменистана, влияния нейтрального статуса на туркменскую внешнюю политику.

Хронологические рамки исследования включают в себя период с 1995 г., когда Туркменистан принял нейтральный статус в рамках Генеральной Ассамблеи ООН, по 2018 г., когда произошла кардинальная трансформация турецкой внешней политики, в том числе в отношении стран Центральной Азии, что было связано с желанием Анкары стать великой державой. В рамках проводимого анализа автор статьи также обращался к событиям первой половины 1990-х гг., предшествующим принятию Туркменистаном нейтрального статуса.

Политика нейтралитета, проводимая Туркменистаном, и внешняя политика Турции анализировались в ряде публикаций. Среди них необходимо отметить работы таких российских исследователей, как Д. В. Скрипучий [2], Е. В. Троицкий [3; 4], М. В. Тюльпаков [5]. Так, в указанной статье Д. В. Скрипучего проведен комплексный анализ нейтрального статуса Туркменистана в контексте внутренней и внешней политики страны. Е. В. Троицкий рассматривал сложности, с которыми столкнулось турецкое руководство при формировании диалога со странами Центральной Азии в 1992–2006 гг., и его перспективы, раскрывал особенности внешней политики Туркменистана, проводимой при руководстве С. Ниязова.

Исследуемая проблема вызывает интерес и у американских ученых. Необходимо обратить внимание на монографии таких авторов, как А. Петерсен [6], Дж. К. Дэвис [7]. В работе А. Петерсена в контексте экономического сотрудничества России и Китая с Туркменистаном рассматриваются сложности формирования диалога Ашхабада и Анкары. Монография Дж. К. Дэвиса раскрывает позиции Турции в контексте интересов американского руководства в регионе Центральной Азии.

Источниковую базу нашего исследования составили документы, регулирующие внешнюю политику Туркменистана: Конституция Туркменистана[1], решение об Основных принципах участия нейтрального Туркменистана в Содружестве Независимых Государств[2]. В работе использовались документы ООН, в частности Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 12 декабря 1995 г. № 50/80 о постоянном нейтралитете Туркменистана[3]. Также привлекались материалы, размещенные на официальном сайте Министерства иностранных дел Турции, и информационные сообщения СМИ двух стран. Совокупность источников и историографии по теме исследования позволила выявить позицию турецкого руководства о проводимой внешней политике Туркменистана в соответствии с нейтральным статусом страны.

Руководство независимого Туркменистана в постсоветский период постепенно пришло к решению о необходимости провозглашения нейтрального статуса страны, что определялось рядом обстоятельств. В принятой 18 мая 1992 г. Конституции Туркменистана уже отмечалось, что страна во внешней политике будет придерживаться нейтрального курса[4]. В соответствии с положениями Основного Закона страны Ашхабад развивал многостороннюю дипломатию, основанную на взаимовыгодном сотрудничестве.

Распад Советского Союза означал, что Туркменистан, став частью геополитического пространства Центральной Азии, получал совершенно новые возможности развития внешней политики под влиянием возникших факторов. Центрально-Азиатский регион (ЦАР) в 1990–2000-х гг. стал передовым защитным рубежом не только СНГ, но и всей Европы на пути распространения международного терроризма, воинствующего ваххабизма и наркотрафика. В планы экстремистских исламистских центров Ближнего Востока (Саудовская Аравия) и Афганистана входила идея создания «исламской республики от моря до моря» [8, с. 127].

Возникновение очагов нестабильности в Центральной Азии представляло угрозу руководству новых независимых республик. Ограничение влияния внешних факторов подобного рода стало одной из причин принятия Туркменистаном нейтрального статуса.

В регионе Центральной Азии на протяжении более 200 лет продолжалось доминирование России. Но в постсоветский период Туркменистан, как и другие субъекты ЦАР, стал объектом политического и экономического соперничества Москвы, Брюсселя, Пекина, Тегерана, Анкары и Вашингтона [5, с. 230]. В новых геополитических реалиях Ашхабаду потребовалось определить свою роль и место в мире. Стремление руководства Туркменистана избежать вассальной зависимости предопределило выработку уникального для ЦАР нейтрального внешнеполитического курса. Именно он, по мнению лидеров страны, был способен сохранить национальную безопасность, обеспечить богатому сырьевыми ресурсами Туркменистану стабильное социально-экономическое развитие [9, с. 308].

[1]Конституция Туркменистана – основа демократического развития страны // Turkmenistan. Золотой век [Электронный ресурс]. URL: http://www.turkmenistan.gov.tm/?id=1412 (дата обращения: 08.11.2019).

[2]Решение об Основных принципах участия нейтрального Туркменистана в Содружестве Независимых Государств // Единый реестр правовых актов и других документов Содружества Независимых Государств [Электронный ресурс]. URL: http://www.cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=1813 (дата обращения: 08.11.2019).

[3]Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН о постоянном нейтралитете Туркменистана [Электронный ресурс]. URL: https://undocs.org/ru/A/RES/50/80 (дата обращения: 08.11.2019).

[4]Конституция Туркменистана – основа демократического развития страны // Turkmenistan. Золотой век [Электронный ресурс]. URL: http://www.turkmenistan.gov.tm/?id=1412 (дата обращения: 08.11.2019).

Образование молодых государств в Центральной Азии привлекало внимание турецкого руководства, которое видело в этом новые внешнеполитические перспективы. Так, у Анкары появилась возможность объединить вокруг себя новые государства, большинство жителей которых составляли тюркоязычные этносы. Политика Турции в этом направлении базировалась на ряде принципов, таких как сохранение и поддержание региональной политической и экономической стабильности, поощрение реформ, содействие региональной интеграции, а также транспортировке энергетических ресурсов. Туркменистан, как и другие страны региона, был вовлечен в данный процесс, который активными темпами развивался в первой половине 1990-х гг. В 1992 г. в Анкаре была организована встреча глав тюркских республик, которая заложила основы тюркского партнерства [10, с. 114].

Однако активная позиция Турции в развитии тюркской интеграции привела к тому, что Туркменистан принял решение ограничить свои контакты в рамках данного партнерства, опасаясь, что дальнейшее укрепление Анкары в регионе приведет к утрате части туркменского суверенитета.

Турция, стремясь усилить свое влияние в Центральной Азии, содействовала вступлению Туркменистана и других стран региона в Организацию экономического сотрудничества (ОЭС), организацию «Исламская конференция» (ОИК), Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ, позже – ОБСЕ) [4, с. 82].

Кроме того, по утверждению российского исследователя М. В. Тюльпакова, нейтралитет сыграл роль своеобразного защитного механизма режима Туркменбаши, который таким образом обосновывал закрытость страны и сведение до минимума международных контактов и процессов сотрудничества. Данный политический ход позволил Туркменистану успешно выстраивать свою внешнюю политику [5, с. 230].

Курс Туркменистана на нейтралитет предполагал отказ от участия в формировании и деятельности субрегиональных интеграционных структур и выстраивание международных политических и экономических отношений исключительно на двусторонней основе. Такого рода отношения Ашхабад установил с ведущими мировыми центрами силы: США, ЕС, Россией и Китаем, а также с государствами-соседями и крупными региональными державами, такими как Турция, Иран, Индия и Пакистан. Принцип нейтралитета позволял Туркменистану дружить со всеми одинаково, но не дружить ни с кем против кого-то. Вместе с тем страна оставалась полноправным членом основных международных организаций – ООН, ОБСЕ, ЮНЕСКО. Примечательно, что в 1994 г. Туркменистан вступил в программу военно-политического блока НАТО «Партнерство ради мира», что приветствовалось Турцией. Однако сотрудничество Туркменистана и Североатлантического альянса было номинальным[5].

Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 12 декабря 1995 г. № 50/80 о постоянном нейтралитете Туркменистана был утвержден соответствующий статус страны, признавалось и подтверждалось ее суверенное право на внешнюю политику «в соответствии с нормами и принципами международного права и Уставом Организации Объединенных Наций»[6]. Принятие Туркменистаном статуса постоянного нейтралитета не затрагивало выполнения его обязательств, вытекающих из Устава ООН: решения ООН признавались приоритетными, а Туркменистан обязывался не вступать в военные блоки и союзы, не начинать войны и военные конфликты и не участвовать в них. Принятие резолюции предполагало, что Туркменистан не будет иметь и не станет производить ядерное, химическое, бактериологическое оружие.

На отношение мирового сообщества к нейтральному статусу Туркменистана повлияла политика Ашхабада относительно режима в Афганистане. В частности, после прихода к власти в Афганистане талибана правительство Туркменистана сформировало особый курс в отношении нового руководства страны-соседки. Сближение Туркменистана с правительством Афганистана можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, отношения с талибаном давали Туркменистану надежду на безопасность у своих границ. Во-вторых, Афганистан представлял для туркменской стороны экономический интерес, так как через его территорию планировалось строительство транспортного коридора, газопровода для поставок газа в Южную Азию [11, с. 85].

В целях формирования стабильной региональной ситуации во второй половине 1990-х гг. Туркменистан выступил посредником в решении внутринационального конфликта в Таджикистане. В 1997 г. в Ашхабаде прошел первый раунд переговоров [2, с. 65].

Активно развивались отношения Туркменистана с ОБСЕ. Начиная с 1999 г. в Ашхабаде был открыт Центр ОБСЕ, цель которого – оказание помощи Туркменистану в области строительства гражданского общества, создания современной правовой системы, развития образования[7]. Для Турции работа Туркменистана с ОБСЕ представляла политический

[5]Relations with Turkmenistan // Організація Північноатлантичного Договору [Electronic resource]. URL: https://www.nato.int/cps/uk/natohq/topics_50317.htm?selectedLocale=en (date of access: 11.11.2019).
[6]Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН о постоянном нейтралитете Туркменистана [Электронный ресурс]. URL: https://undocs.org/ru/A/RES/50/80 (дата обращения: 08.11.2019).
[7]Survey of OSCE field operations // OSCE [Electronic resource]. URL: https://www.osce.org/secretariat/74783?download=true (date of access: 11.11.2019).

интерес, так как Анкара стремилась стать мостом между европейскими и азиатскими странами. В основе турецкой политики в регионе лежала идея распространения западных ценностей, синтезируемых с моделью национальной идентичности.

К концу 1990-х гг. в Туркменистане сложился жесткий авторитарный режим, который включал элементы культа личности президента, доказательством чего стало провозглашение в 1999 г. С. Ниязова пожизненным президентом страны. Руководство Туркменистана приняло решение отказаться от проведения рыночных реформ, в экономике был установлен тотальный государственный контроль. Постепенно в политике страны произошло дистанцирование от политической поддержки со стороны Турции [3, с. 68].

Политика изоляционизма Туркменистана, проводившаяся с середины 1990-х гг., была прервана событиями 11 сентября 2001 г. в США. Реализация Вашингтоном военной кампании в Афганистане вызывала необходимость активизировать его политику в отношении стран Центральной Азии. В 2002 г. было подписано соглашение, которое предоставляло США возможность использования воздушного пространства Туркменистана и его гражданского аэропорта в Ашхабаде.

США, учитывая проведение военной операции в Афганистане, а затем и сохранение своего присутствия в стране, видели необходимость в создании определенной региональной инфраструктуры и, соответственно, стремились организовать в Центральной Азии систему военно-воздушных баз для своих целей. Попытки вовлечь в этот процесс Туркменистан, обладающий нейтральным статусом, не привели к необходимому результату. Исследователи американского Института анализа внешней политики Дж. К. Дэвис и М. Дж. Суини отмечали, что туркменская авиабаза Мары-2 не только представляла для США интерес с военно-политической точки зрения, но и отвечала их геополитическим амбициям. Однако вопрос получения доступа США к военно-воздушной базе Туркменистана имел широкую огласку в СМИ, подвергся критике со стороны российских властей, отмечавших влияние данного шага на статус нейтралитета Ашхабада [12, с. 96].

Укрепление позиций США в регионе не отвечает интересам Турции. Более того, эта страна ревностно относится к вмешательству в региональную ситуацию со стороны западных держав, так как считает, что распространение ее геополитического влияния в регионе продиктовано историческими предпосылками, тесными языковыми и религиозными связями с государствами Центральной Азии.

Несмотря на огласку и политику изоляционизма, проводимую Туркменистаном, отношения страны с США в военно-технической сфере и в области безопасности получили определенное развитие в первой половине 2000-х гг. ввиду нестабильности в Афганистане. По мнению Дж. К. Дэвиса и М. Дж. Суини, Туркменистан представлял геополитический интерес для США, так как мог стать стратегическим окном в Иран и на Ближний Восток. Ашхабад имел влияние на ключевые вопросы в регионе: прокладывание маршрутов трубопроводов, распределение ресурсов Каспийского моря. Однако действующая власть не отвечала интересам США [7, p. 80–81].

Таким образом, попытки США втянуть Туркменистан в формирование системы региональной безопасности в новом формате не принесли результатов, так как, с одной стороны, Ашхабад твердо придерживался своей точки зрения на внешнюю политику и региональную стабильность, оставался привержен нейтральному статусу, а с другой стороны, туркменский режим не соответствовал интересам Вашингтона. Учитывая, что контакты Туркменистана со странами Запада в 1990-х гг. были фактически заморожены, Турция оставалась в этот период посредником для решения существующих вопросов в отношениях Ашхабада с Брюсселем и Вашингтоном.

Турецкое руководство осознавало сложности формирования политических контактов в области безопасности с существующим режимом в Туркменистане. По этой причине на рубеже 1990–2000-х гг. турецко-туркменский диалог был основан на экономических взаимосвязях.

В середине 2000-х гг. отношение Туркменистана к постсоветской интеграции, в частности, к ключевому объединению бывших советских республик – СНГ, изменилось. Еще в 1993 г. Туркменистан отказался принять Устав СНГ, подчеркнув тем самым свой особый статус в рамках объединения. Поворотным моментом в истории развития диалога Туркменистана и содружества стал саммит в Казани в 2005 г., на котором страну представлял заместитель председателя Кабинета министров А. Акыев, в то время как от других стран – членов СНГ присутствовали их лидеры.

По итогам саммита в рамках Совета глав государств СНГ было принято решение об Основных принципах участия нейтрального Туркменистана в Содружестве Независимых Государств на основе ассоциированного членства, в котором отмечались фундаментальные принципы постоянного нейтралитета Туркменистана. Кроме того, были определены сферы, в которых Туркменистан не будет принимать участия, такие как военные и правоохранительные объединения, органы и структуры, обладающие надгосударственными полномочиями[8].

[8]Решение об Основных принципах участия нейтрального Туркменистана в Содружестве Независимых Государств // Единый реестр правовых актов и других документов Содружества Независимых Государств [Электронный ресурс]. URL: http://www.cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=1813 (дата обращения: 08.11.2019).

Несмотря на отдельные проявления активных действий, нейтральный курс в Туркменистане при власти С. Ниязова все же тесно граничил с изоляционизмом, что продолжалось до смены власти в 2007 г.

С приходом в 2007 г. президента Г. Бердымухамедова началась новая страница в истории внешней политики Туркменистана. Отличительной ее чертой стал постепенный выход из изоляции и развитие диалога в торговле, экономике и сфере безопасности. В частности, казахстанский исследователь из Института мировой экономики и политики при Фонде первого Президента Республики Казахстан А. Абдрахманов в своей статье отметил ряд новых внешнеполитических задач нового руководства Туркменистана: упрочнение власти нового режима с недопущением негативного внешнего влияния внутри страны, сглаживание негативного воздействия, возникшего в результате противостояния Ирана и США в Центральной и Средней Азии, обеспечение стабильного экспорта энергоресурсов, решение проблемы Каспия, улучшение отношений со странами региона [13, с. 161].

Несмотря на устоявшуюся внешнеполитическую линию Туркменистана, в 2000-х гг. вновь активизировались угрозы для нейтрального статуса страны. В частности, одним из актуальных вопросов внешней политики Ашхабада оставалось распределение энергетических ресурсов Каспийского моря. Эта проблема включает в себя целый комплекс противоречий между прибрежными государствами – Азербайджаном, Ираном, Казахстаном, Россией и Туркменистаном. Геополитический (транзитный) и энергетический потенциал Каспийского моря привлекал внимание и других держав – Турции, Китая, США, стран ЕС, что усложняло урегулирование вопроса [6, с. 44]. Турция также заинтересована в решении данного вопроса, так как страна намеревалась стать частью энергетического коридора по передаче каспийского газа и нефти в европейские страны. Начиная с конца 1990-х гг. Турция и страны ЕС выступили за строительство Транскаспийского газопровода, который должен был гарантировать поставки туркменского газа в Европу [14].

Наиболее серьезные опасения у Туркменистана вызывала ситуация, связанная с месторождением нефти Кяпаз (Сердар), на которое претендовал также Азербайджан. В течение 1990–2000-х гг. разногласия вокруг этого месторождения неоднократно вызывали споры, приводили к дипломатическим кризисам [15].

Турция стремилась выступить в качестве посредника в урегулировании существующего спора между Туркменистаном и Азербайджаном. Основные шаги Турции по разрешению данной проблемы состояли в проведении встреч министров энергетики стран, привлечении европейского комиссара по энергетике и др. Для Турции сохранение отношений между Туркменистаном и Азербайджаном представляло экономический и политический интерес, который выражался в желании Анкары сохранить безопасные поставки ресурсов из прикаспийских стран, а также обеспечить региональную стабильность.

Еще одной сложностью во внешней политике нового руководства Туркменистана стало желание снизить риски вовлечения страны в конфликт между США и Ираном. В связи с этим для Ашхабада актуальной была задача выработать тактику балансирования в существующем положении: сохранения отношений с Тегераном и Вашингтоном с учетом желания последнего получить доступ к туркменским базам.

Необходимо отметить, что и Турция стремилась выйти на новый уровень развития контактов с Туркменистаном: участились визиты на высшем уровне, вырос торговый оборот стран, наметилось формирование двустороннего сотрудничества в гуманитарной области. Для Турции развитие отношений с Туркменистаном представляло стратегический интерес с точки зрения геополитики, а также транспортного и энергетического потенциала центральноазиатской страны [16].

После выхода Туркменистана из изоляции интерес к его ресурсному и транзитному потенциалу вырос не только со стороны Турции, но и Ирана, России, Китая и других стран. В условиях роста конкуренции за борьбу в регионе Турция стала ощущать необходимость в формировании новых инструментов для развития диалога с Туркменистаном. В частности, Анкара продолжала налаживать энергетический, торгово-экономический диалог, инвестиционные контакты. Начиная с конца 2000-х гг. государства сформировали традиции по проведению встреч на высшем уровне, а также между отраслевыми ведомствами.

Схожие с Турцией планы в отношении Туркменистана преследовал Иран, который стремился укрепить свое влияние в регионе путем инвестирования в создание транспортной инфраструктуры, строительство промышленных объектов и развития энергетической сферы в бывшей советской республике [17, с. 233].

Сегодня продолжает развиваться диалог Туркменистана и НАТО. Актуальным направлением является техническое сотрудничество. В частности, НАТО проводит обучающие курсы для туркменских военных и представителей политической элиты по вопросам разоружения и контроля над вооружениями, методов борьбы с терроризмом, незаконной торговлей людьми, оказания медицинской помощи, осуществления контроля за границей.

Как отметила А. В. Хижук, благодаря принятию статуса нейтралитета Туркменистан смог наладить тесные контакты с другими странами, открыв новые возможности для экономики, торгового сотруд-

ничества, взаимодействия в культурной и гуманитарной сферах [9, с. 381].

Таким образом, в конституционном и международно-правовом отношении Туркменистан оформил статус постоянного договорного нейтралитета, что позволило стране минимизировать зависимость от крупных держав при налаживании широких партнерских контактов. Молодое государство сумело определить свою внешнеполитическую стратегию самостоятельно, без влияния других международных акторов. Ашхабад смог оградиться от различных террористических и преступных групп, сообществ. Это значит, что политика нейтралитета способствовала сохранению суверенитета страны и эффективной реализации национальных интересов. Укрепление региональных позиций Туркменистана на принципах нейтралитета побуждало крупные государства и межгосударственные объединения к сближению с Ашхабадом. Одновременно установление нейтрального курса страны влекло за собой и ряд отрицательных моментов, среди которых можно выделить сдерживание экономического сотрудничества с международными корпорациями, неправительственными организациями, а также ограниченное вовлечение в международные дела, в частности в деятельность международных организаций.

Статус постоянного нейтралитета обусловливал особую внешнеполитическую линию Туркменистана: предпочтение отдавалось внутрицивилизационным связям, а официальный Ашхабад подчеркивал, что не имеет враждебных отношений ни с азиатскими, ни с европейскими странами и не предъявляет никому территориальных претензий. Наиболее тесное экономическое взаимодействие в 1994–2015 гг. Туркменистан наладил с США, Турцией, Россией, Казахстаном, Ираном, Афганистаном.

Турция стремилась стать ключевым партнером Туркменистана начиная с первых дней его независимости. Однако настойчивость турецкого руководства в укреплении своих региональных позиций стала одной из причин дистанцирования внешнеполитического курса Туркменистана. Попытки Турции стать звеном в вопросах политического, энергетического партнерства Туркменистана со странами Запада не увенчались успехом. Результатом периода с 1995 по 2006 г. стала помощь Турции во вступлении Туркменистана в международные организации (СБСЕ, ОЭС, ОИК и др.). С конца 1990-х гг. по 2006 г. отношения стран строились исключительно на экономическом партнерстве. С 2007 г. в истории двусторонних отношений Турции и Туркменистана был открыт новый этап. Турецкое руководство продолжало уважать и признавать нейтральный статус Туркменистана, стремилось учитывать политическую и региональную ситуацию.

Библиографические ссылки

1. Кучинская МЕ. Куда идут бывшие «евронейтралы»? (На примере Швеции и Финляндии). *Проблема Национальной стратегии.* 2012;615:109–127.

2. Скрипучий ДВ. Туркменский нейтралитет: внутригосударственное строительство и геополитический проект. *Актуальные вопросы истории и политологии.* 2013;25:60–72.

3. Троицкий ЕВ. Внешняя политика Туркменистана в 1992–2006 гг.: от нейтралитета к самоизоляции. *Вестник Томского государственного университета. История.* 2014;4:67–70.

4. Троицкий ЕВ. Политика Турции в Центральной Азии (1992–2000 гг.). *Вестник Томского государственного университета.* 2009;328:84–88.

5. Тюльпаков МВ. Изменение геополитической роли Туркменистана в начале XXI в. *Вестник РГГУ. Серия: Международные отношения. Зарубежное регионоведение.* 2014;18:227–235.

6. Петерсен А. *Россия, Китай и энергетическая геополитика в Центральной Азии.* Москва: Московский центр Карнеги; 2012. 90 с.

7. Davis JK. *Central Asia in U. S. strategy and operational planning: where do we go from here?* Washington: The Institute for Foreign Policy Analysis; 2004. 100 p.

8. Пирожник ИИ. *Проблемы политической географии.* Минск: БГУ; 2005. 234 с.

9. Хижук АВ. Нейтралитет Туркменистана – основа взаимодействия между ВУЗами Туркменистана и России. В: Технологический университет. *Перспективы, организационные формы и эффективность развития сотрудничества российских и зарубежных вузов. Сборник трудов по материалам III Ежегодной международной научно-практической конференции; 6–7 апреля 2015 г.; Наукоград Королев Московской области, Россия.* Королев: Алькор Паблишерс; 2015. с. 379–384.

10. Парубочая ЕФ. Саммиты тюркских государств (1992–2001 гг.): реальная платформа для сближения? *Вестник Волгоградского государственного университета. История. Регионоведение. Международные отношения.* 2011;16(1): 113–120. DOI: 10.15688/jvolsu4.2011.1.16.

11. Мирзеханов ВС, Тюльпаков МВ. Туркменистан и исламский мир. Социальные и гуманитарные науки. *Отечественная и зарубежная литература. Серия 9. Востоковедение и африканистика.* 2019;3:72–91. DOI: 10.31249/rva/2019.03.02.

12. Старчак М. США vs Россия в попытке сотрудничества с Туркменистаном в сфере безопасности и обороны. *Центральная Азия и Кавказ.* 2009;2:95–102.

13. Абдрахманов А. Туркменистан: изменения конструкции государственной власти и политики. *Центральная Азия и Кавказ.* 2007;3:154–165.

14. Шимшек Г. После конвенции по Каспию в Турцию будут поступать нефть и газ этого региона [Интернет]. 2018 [процитировано 18 ноября 2019 г.]. Доступно по: https://inosmi.ru/politic/20180815/243000489.html.

15. Азербайджан с Туркменией не поделили Кяпаз (Сердар) на Каспийском море [Интернет]. 2012 [процитировано 18 ноября 2019 г.]. Доступно по: https://neftegaz.ru/news/view/103196-Azerbaydzhan-s-Turkmeniey-ne-podelili-Kyapaz-Serdar-na-Kaspiyskom-more.

16. Арамедова А. Туркменистан – Турецкая Республика дорогой долгосрочного партнерства [Интернет]. 2013 [процитировано 18 ноября 2019 г.]. Доступно по: http://turkmenistan.gov.tm/?id=4134.

References

1. Kuchinskaya ME. [Where are the former «euronature»? (Example of Sweden and Finland)]. *Problema Natsional'noi strategii*. 2012;615:109–127. Russian.

2. Skripuchij DV. [Turkmen neutrality: domestic and geopolitical construction project]. *Aktual'nye voprosy istorii i politologii.* 2013;25:60–72. Russian.

3. Troitsky EV. Turkmenistan's Foreign Policy in 1992–2006: from neutrality to self-isolation. *Tomsk State University Journal of History.* 2014;4:67–70. Russian.

4. Troitsky EV. [Turkey's policy in Central Asia (1992–2000)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta.* 2009;328: 84–88. Russian.

5. Tulpakov MV. Changing the geopolitical role of Turkmenistan at the beginning of the 21st century. *RSUH/RGGU Bulletin. Series: International Relations. Area Studies.* 2014;18:227–235. Russian.

6. Petersen A. *Russia, China and energy geopolitics in Central Asia.* London: Centre for European Reform; 2011. 64 p.

Russian edition: Petersen A. *Rossiya, Kitai i energeticheskaya geopolitika v Tsentral'noi Azii.* Moscow: Carnegie Endowment for International Peace; 2012. 90 p.

7. Davis JK. *Central Asia in U. S. strategy and operational planning: where do we go from here?* Washington: The Institute for Foreign Policy Analysis; 2004. 100 p.

8. Pirozhnik II. *Problemy politicheskoi geografii* [Problems of political geography]. Minsk: Belarusian State University; 2005. 234 p. Russian.

9. Khizhuk AV. Neutrality of Turkmenistan is the basis of interaction between higher Education institutions of Turkmenistan and Russia. In: Technological University. *Future trends, organizational forms and effectiveness of cooperation development between Russian and foreign universities. Proceedings of the 3rd International scientific conference; 2015 April 6–7; Naukograd Korolev Moscow Region.* Korolev: Alkor Publishers; 2015. p. 379–384. Russian.

10. Parubochaya EF. The summits of the Turkic states (1992–2001): the real platform for closer relations? *Science Journal of VolSU. History. Area Studies. International Relations*. 2011;16(1):113–120. Russian. DOI: 10.15688/jvolsu4.2011.1.16.

11. Mirzekhanov VS, Tyulpakov MV. Turkmenistan and the Islamic world. Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. *Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 9. Vostokovedenie i afrikanistika.* 2019;3:72–91. DOI: 10.31249/rva/2019.03.02. Russian.

12. Starchak M. [USA vs Russia in an attempt to cooperate with Turkmenistan in the field of security and defense]. *Tsentral'naya Aziya i Kavkaz.* 2009;2:95–102. Russian.

13. Abdrakhmanov A. [Turkmenistan: changes in the structure of state power and policy]. *Tsentral'naya Aziya i Kavkaz*. 2007;3:154–165. Russian.

14. Shimshek G. After the Convention on the Caspian sea, Turkey will receive oil and gas from this region [Internet]. 2018 [cited 2019 November 18]. Available from: https://inosmi.ru/politic/20180815/243000489.html. Russian.

15. Azerbaijan and Turkmenistan did not share the Kyapaz (Serdar) on the Caspian sea [Internet]. 2012 [cited 2019 November 18]. Available from: https://neftegaz.ru/news/view/103196-Azerbaydzhan-s-Turkmeniey-ne-podelili-Kyapaz-Serdar-na-Kaspiyskom-more. Russian.

16. Aramedova A. Turkmenistan – Turkish Republic road of long-term partnership [Internet]. 2013 [cited 2019 November 18]. Available from: http://turkmenistan.gov.tm/?id=4134. Russian.

Статья поступила в редколлегию 22.12.2019.
Received by editorial board 22.12.2019.

УДК 94(476)«19»+81(476)(092)

И. В. ВОЛК-ЛЕВАНОВИЧ И ЕГО ВОСПОМИНАНИЯ: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ ЛИНГВИСТА

О. И. МАЛЮГИН[1)]***, А. Н. МАКСИМЧИК***[1)]

[1)]*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь*

Статья посвящена биографии филолога-слависта Иосифа Васильевича Волк-Левановича и его деятельности в Белорусском государственном университете. На основе ранее не опубликованных документов, а также новейшей историографии в тексте приведены неизвестные детали его биографии, связанные с учебой, службой в армии, семьей, взаимоотношениями с коллегами по университету, представлена трактовка И. В. Волк-Левановича причин его конфликта с И. Ю. Лёсиком и другими деятелями белорусского национального движения 1920-х гг. Помещенные в статье тексты документов (воспоминания, страницы дневника, письма) наглядно демонстрируют процессы, происходившие в научно-педагогической и культурной жизни Минска в период проведения политики белорусизации.

Ключевые слова: И. В. Волк-Леванович; И. Ю. Лёсик; воспоминания; Белорусский государственный университет; лингвистика; преподавание белорусского языка.

Образец цитирования:
Малюгин ОИ, Максимчик АН. И. В. Волк-Леванович и его воспоминания: штрихи к портрету лингвиста. *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2020;2:59–79.
https://doi.org/10.33581/2520-6338-2020-2-59-79

For citation:
Maliugin OI, Maksimchik AN. J. V. Volk-Levanovich and his memories: touches on the portrait of linguist. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2020;2:59–79. Russian.
https://doi.org/10.33581/2520-6338-2020-2-59-79

Авторы:
Олег Иванович Малюгин – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории древнего мира и средних веков исторического факультета.
Андрей Николаевич Максимчик – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени исторического факультета.

Authors:
Oleg I. Maliugin, PhD (history), docent; associate professor at the department of ancient and medieval history, faculty of history.
maliugin@bsu.by
https://orcid.org/0000-0001-5848-5918
Andrey N. Maksimchik, PhD (history), docent; associate professor at the department of modern and contemporary history of Belarus, faculty of history.
forest_child@list.ru
https://orcid.org/0000-0002-1910-5051

CC BY NC

Журнал Белорусского государственного университета. История. 2020;2:59–79
Journal of the Belarusian State University. History. 2020;2:59–79

І. В. ВОЎК-ЛЕВАНОВІЧ І ЯГО ЎСПАМІНЫ: ШТРЫХІ ДА ПАРТРЭТА ЛІНГВІСТА

А. І. МАЛЮГІН[1*]***, А. М. МАКСІМЧЫК***[1*]

[1*]*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь*

Артыкул прысвечаны біяграфіі філолага-славіста Іосіфа Васільевіча Воўк-Левановіча і яго дзейнасці ў Беларускім дзяржаўным універсітэце. На аснове раней не апублікаваных дакументаў, а таксама навейшай гістарыяграфіі ў тэксце прыведзены невядомыя дэталі яго біяграфіі, звязаныя з вучобай, службай у арміі, сям'ёй, узаемаадносінамі з калегамі па ўніверсітэце, прадстаўлена трактоўка І. В. Воўк-Левановіча прычын яго канфлікту з І. Ю. Лёсікам і іншымі дзеячамі беларускага нацыянальнага руху 1920-х гг. Змешчаныя ў артыкуле тэксты дакументаў (успаміны, старонкі дзённіка, лісты) наглядна дэманструюць працэсы, якія адбываліся ў навукова-педагагічным і культурным жыцці Мінска ў перыяд правядзення палітыкі беларусізацыі.

Ключавыя словы: І. В. Воўк-Левановіч; І. Ю. Лёсік; успаміны; Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт; лінгвістыка; выкладанне беларускай мовы.

J. V. VOLK-LEVANOVICH AND HIS MEMORIES: TOUCHES ON THE PORTRAIT OF LINGUIST

O. I. MALIUGIN[a]***, A. N. MAKSIMCHIK***[a]

[a]*Belarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

Corresponding author: O. I. Maliugin (maliugin@bsu.by)

The article is devoted to biography and activities at the Belarusian State University of Slavic philologist Joseph V. Volk-Levanovich. On the basis of previously unpublished documents, as well as recent historiography, the text contains unknown details from his biography (studies, military service, family), relations with colleagues at the university, interpretation by J. V. Volk-Levanovich of the causes of the conflict with J. Y. Lesik and other figures of the Belarusian national movement of the 1920s. The documents published in the article (memoirs, diary pages, letters) clearly demonstrate the processes that took place in the scientific and pedagogical and cultural life of Minsk during the period of the policy of Belarusization.

Keywords: J. V. Volk-Levanovich; J. Y. Lesik; memorials; Belarusian State University; linguistics; teaching the Belarusian language.

Введение

Иосиф Васильевич Волк-Леванович (07.11.1891–02.02.1938) – одна из тех трагических фигур белорусской науки и культуры 1920-х гг., чья судьба была тесно связана с Белорусским государственным университетом. Несмотря на свой недолгий период пребывания в стенах БГУ (1924–1930), ученый внес значительный вклад в становление и развитие белорусской лингвистики. В то же время монографические исследования о его жизни и творчестве отсутствуют[1], имеются лишь немногочисленные работы, научные [1–8], публицистические [9; 10] и даже литературные [11], где Иосиф Васильевич представлен в образе доцента БГУ Афанасия Ивановича Корб-Вороновича. Все они опираются в первую очередь на материалы личного архива И. В. Волк-Левановича, которые хранятся в Центральной научной библиотеке НАН Беларуси[2], а также на документы БГУ в Национальном архиве Республики Беларусь (НАРБ)[3]. Наибольшее внимание исследователей привлекала научная деятельность И. В. Волк-Левановича, а также его конфликт с И. Ю. Лёсиком и другими представителями

[1]О том, что попытки в этом направлении велись, но не были до конца реализованы, свидетельствует письмо директора Института языкознания имени Якуба Коласа Академии наук БССР М. И. Судника (1910–1995) к супруге И. В. Волк-Левановича Ларисе Григорьевне от 8 августа 1970 г. В нем сообщалось, что институт языкознания «собирает в настоящее время все рукописные и печатные материалы Иосифа Васильевича Волк-Левановича, помня о нем как о талантливом исследователе белорусского и других славянских языков. Собираем мы эти материалы не только для хранения, но и для возможного в будущем издания в одном или двух томах его трудов. <...> Лично я собираюсь написать о нем брошюру, когда соберу нужный материал» (личный архив Б. Н. Левоновича – внука И. В. Волк-Левановича).

[2]Отд. редких кн. и рукописей Центр. науч. б-ки им. Я. Коласа НАН Беларуси. Ф. 34. Оп. 1. Ед. хр. 171.

[3]В первую очередь это фонд № 205, описи 1 и 3, где собрано большое количество документов, связанных с деятельностью И. В. Волк-Левановича в БГУ.

белорусского национального движения того времени [9; 12–14]. Наиболее ярко этот конфликт отразился в протоколе заседания совета этнолого-лингвистического и социально-исторического отделений педагогического факультета БГУ от 1 февраля 1924 г., где был заслушан доклад, на основании которого выносилось решении о праве ученого читать лекции по истории белорусского языка[4].

Однако вне поля зрения исследователей остались многие другие документы, связанные с биографией И. В. Волк-Левановича, которые хранятся как в белорусских и российских архивах, так и у внуков лингвиста (справки, удостоверения, автобиографии, воспоминания, письма, фотографии и т. д.). Именно анализу этих документов и введению их в научный оборот и посвящено данное исследование.

Источниковедческий анализ

Жизнь и творчество И. В. Волк-Левановича связаны не только с Минском и его научными учреждениями: Иосиф Васильевич учился в Петербурге, был знаком со многими российскими учеными. Соответственно, ряд документов, относящихся к личности лингвиста, хранятся в Санкт-Петербурге, в частности в Санкт-Петербургском филиале архива Российской академии наук: переписка с Б. М. Ляпуновым[5] и Е. Ф. Карским[6], документы, освещающие обучение И. В. Волк-Левановича в местном университете[7].

После отъезда из Беларуси Иосиф Васильевич работал сначала в Саратове (1930–1934), а затем, после первого ареста, в Оренбурге (1934–1937), где также остались материалы о его деятельности[8].

Основное место в публикации документов, связанных с жизнью И. В. Волк-Левановича, в рамках данной статьи занимают отрывки его воспоминаний и фрагменты дневника, хранящиеся в НАРБ. До настоящего времени они не были опубликованы полностью, но частично стали предметом лишь одной работы белорусского языковеда Г. А. Цыхуна, в личном архиве которого эти материалы хранились [5]. Геннадий Афанасьевич работал с воспоминаниями до того момента, как они были научно обработаны, и потому ссылался на них в своей статье по собственной нумерации, публикуя выдержки из них для иллюстрации отдельных эпизодов истории белорусской лингвистики 1920-х гг. В настоящее время эти воспоминания хранятся в коллекции документов «Народный архив»[9]. Они вместе с другими материалами были переданы в НАРБ Г. А. Цыхуном в 2009 г. После проведения сотрудниками отдела личных фондов научно-технической обработки документов была составлена опись за 1927, 1929–1930 гг., в состав которой вошло 8 единиц хранения.

Сам текст воспоминаний написан чернилами на русском языке, на разорванных половинках листов формата А4. На обороте – машинописный текст по истории белорусского языковедения. На обороте л. 16 – карандашный рисунок двух геральдических элементов. Текст писался И. В. Волк-Левановичем в разное время, что видно по слегка изменяющемуся почерку, внесению исправлений (некоторые делались сразу при написании текста, некоторые – спустя определенное время). Начало написания текста относится примерно к 1928–1929 гг. Текст воспоминаний занимает л. 1–22, его начало не сохранилось. По нумерации самого автора видно, что всего было 47 листов, сохранившийся текст начинается с л. 26. К тексту воспоминаний примыкают еще л. 23–27, ошибочно также отнесенные к воспоминаниям. Скорее всего, это разрозненные страницы дневника И. В. Волк-Левановича, не датированные, не нумерованные, но записанные на тех же половинках листов А4, что и сам текст воспоминаний. Сохранились два фрагмента дневниковых записей: л. 23, где И. В. Волк-Леванович передает беседу М. Н. Пиотуховича с П. В. Ильюченком, и л. 24–27, где автор дневника описывает ход своих занятий со студентами по лингвистике. Порядок листов дневниковых записей в деле перепутан, текст начинается с л. 26, затем следуют л. 27, 25 и 24.

В основной части статьи, а также в публикации документов были использованы материалы личного архива внука И. В. Волк-Левановича – Бориса Наумовича Левоновича, который любезно предоставил авторам копии сохранившихся документов (ссылки на них даны в тексте). Ранее эти материалы опубликованы не были и изобилуют неизвестными деталями биографии и деятельности Иосифа Васильевича.

---

[4]НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 761. Л. 15–20 об. ; Д. 781. Л. 23–25 об. (Копии этого протокола сохранились в нескольких экземплярах в разных фондах НАРБ, что дополнительно свидетельствует о том отклике, который в республике вызвал и сам доклад, и последовавшая за ним дискуссия. Наиболее подробным исследованием этого протокола и обстоятельств, связанных с конфликтом между И. В. Волк-Левановичем и И. Ю. Лёсиком, является статья Т. Чернякевича, где приводится и публикация самого документа [6].)

[5]С.-Петерб. филиал арх. Рос. акад. наук (ПФА РАН). Ф. 752. Оп. 2. Д. 50.

[6]Там же. Ф. 292. Оп. 2. Д. 29. (Частично письма И. В. Волк-Левановича к Е. Ф. Карскому опубликованы [14, с. 360].)

[7]Центр. гос. ист. арх. С.-Петербурга (ЦГИА СПб.). Ф. 14. Оп. 3. Д. 58385.

[8]Текущий архив Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского, Государственный архив Оренбургской области (Ф. Р-971 – Оренбургский государственный ордена «Знак Почета» педагогический институт имени В. П. Чкалова).

[9]НАРБ. Ф. 1527. Оп. 4. Д. 6. Л. 1–27.

Основная часть

Иосиф Васильевич Волк-Леванович был представителем старинного дворянского рода Великого княжества Литовского герба «Трубы». Известный по историческим источникам с XVI в., этот род в 1863 г. был внесен в первую часть дворянской родословной книги Минской губернии[10]. Определением Правительствующего сената 30 ноября 1900 г. И. В. Волк-Леванович был признан в потомственном дворянстве с правом на внесение в дворянскую родословную книгу[11]. В советский период, заполняя в анкете графу «происхождение», Иосиф Васильевич писал, что он «из трудовой семьи мелкого землероба» или «сын трудового землепашца (из бывших дворян)»[12]. Интересно, что в религиозном плане семья будущего ученого являлась поликонфессиональной: отец, Василий Андреевич (1846–1926), был православного вероисповедания, а мать, Розалия Стефановна (1847–1932), – римско-католического[13].

Родился И. В. Волк-Леванович 7 ноября (25 октября ст. ст.) 1891 г. на хуторе Левоновка Свислочской волости Бобруйского уезда Минской губернии (сейчас – Осиповичский район Могилёвской области). Крестили его 16 ноября (3 ноября ст. ст.) в уездной свислочской Николаевской церкви. Кроме Иосифа, в семье было еще трое старших сыновей (Константин, Николай, Александр) и три дочери (Анастасия, Анна, Мария). По воспоминаниям сестры, Ося (так звали его в семье) «с детства отличался серьезностью, увлекался чтением книг. С братьями и сестрами был всегда в дружбе. <…> По отношению к родителям Ося был очень внимательным, вежливым и во всем помогал им. У него никогда не было пустого время препровождения. Даже на отдыхе возле речки или в лесу он никогда не расставался с книгами»[14]. Позже, при заполнении анкеты сотрудника БГУ, И. В. Волк-Леванович укажет, что обладает земледельческими навыками: «Умею пахать, косить, знаю все другие земледельческие сельскохозяйственные работы»[15].

В семилетнем возрасте Иосиф пошел в школу в д. Голынке. Его первый учитель Матвей Тимофеевич Борзаковский, заметив стремления мальчика к знаниям и его незаурядные способности, настоятельно рекомендовал родителям устроить сына в гимназию для продолжения учебы. Несмотря на отсутствие в семье значительных свободных средств, родители нашли возможность для обучения Иосифа. В августе 1901 г. он поступил в Бобруйскую классическую гимназию, где обучался до 4 июня 1911 г.[16] В городе жила его старшая замужняя сестра, которая представила ему бесплатную квартиру и письменный стол. После того как И. В. Волк-Леванович окончил полный восьмиклассный курс, педагогический совет гимназии постановил наградить его серебряной медалью за «постоянное отличное поведение и прилежание, и отличные успехи в науках, в особенности же в истории»[17].

Желая продолжить свое образование в области истории, Иосиф Васильевич в 1911 г. поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета. В столице он жил на средства, которые зарабатывал, давая частные уроки. К обучению в университете И. В. Волк-Леванович приступил с большим рвением. Уже в июле 1911 г. он написал на имя ректора обязательство следующего содержания: «Сим обязуюсь в течение первого года (1911–12 уч. г.) пребывания моего на историко-филологическом факультете Университета сдать греческий язык по установленной программе»[18]. Говоря о годах учебы, Иосиф Васильевич подчеркивал, что «ўніверсітэцкая праца, асабліва праца у семінарыях, моцна мяне захапіла і я з вялікай прыемнасцю ўспамінаю тыя часы, якія прыходзілася праседжваць у рускім аддзеле Публічнай бібліятэкі, ці на паседжаннях семінарыю, прыймаючы ўдзел у дыспутах»[19]. В первый год обучения И. В. Волк-Леванович работал под руководством профессора кафедры российской словесности И. А. Шляпкина и написал труд «Баба-яга в русском и зарубежном эпосе». На втором году обучения принимал участие в семинарии профессора В. В. Сиповского, в котором взял для исследования тему, посвященную жизни и деятельности известного писателя-байрониста А. А. Бестужева-Марлинского. Затем перешел на семинарии академика А. А. Шахматова по изучению Жития Феодосия Печерского (текст XI в.), а также посещал занятия по польскому языку в сравнении с русским и другими славянскими языками члена-корреспондента Петербургской академии наук, профессора И. А. Бодуэна де Куртенэ. Помимо учебы,

[10]Алфавитный список по дворянским родам Минской губернии, внесенным в дворянскую родословную книгу по 1-е июля 1903 года. Минск : Губ. тип., 1903. С. 62.
[11]ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 58385. Л. 12.
[12]НАРБ. Ф. 205. Оп. 3. Д. 1353. Л. 1 ; ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 58385. Л. 45.
[13]ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 58385. Л. 9.
[14]Из воспоминаний сестры Анастасии Васильевны Волк-Леванович (личный архив Б. Н. Левоновича). Здесь и далее цитаты приводятся с сохранением орфографических и пунктуационных особенностей оригинала.
[15]НАРБ. Ф. 205. Оп. 3. Д. 1353. Л. 1.
[16]ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 58385. Л. 7.
[17]Там же.
[18]Там же. Л. 13.
[19]НАРБ. Ф. 205. Оп. 3. Д. 1353. Л. 10 об.

Иосиф Васильевич с 1911 по 1914 г. занимался общественной работой: являлся секретарем, а затем товарищем председателя Бобруйского землячества при Петербургском университете[20].

Начало Первой мировой войны внесло существенные коррективы в обучение И. В. Волк-Левановича в университете. К этому моменту он перешел на 4-й курс и сдал практически все факультетские экзамены. Однако желание ощутить себя не сторонним наблюдателем, а активным действующим лицом в важный исторический момент толкало его к решительным действиям. В результате 4 сентября 1914 г. он написал заявление на имя ректора Петроградского университета, в котором просил переслать его документы нотариусу для снятия копий, необходимых для поступления в Николаевское кавалерийское училище[21]. Руководство университета его просьбу удовлетворило, и 30 ноября 1914 г. Иосиф Васильевич поступил в училище. К этому моменту вместо двухгодичного курса обучения кавалерийское училище в связи с начавшейся войной перешло на ускоренный восьмимесячный срок подготовки. По окончании курса Иосиф Васильевич 1 июня 1915 г. был произведен в прапорщики 7-го драгунского Кинбурнского полка и направлен в г. Борисоглебск в 6-й запасной кавалерийский полк. Кинбурнский полк убыл на Юго-Западный фронт 18 марта 1916 г., где вошел в состав 7-й кавалерийской дивизии. До сентября 1917 г. корнет Волк-Леванович в составе полка принимал участие в военных действиях, дослужившись до звания поручика. В одном из боев немецкий кавалерист проткнул его пикой и задел легкое. Полученная рана дала осложнение в форме плеврита. В связи с этим Иосифа Васильевича эвакуировали с театра военных действий и отправили 3 октября на лечение в Полтавский офицерский госпиталь[22]. Врачебной комиссией в декабре 1917 г. он был признан негодным к дальнейшей воинской службе и направлен на домашнее лечение к родителям в Бобруйский уезд. Последняя должность И. В. Волк-Левановича в армии – полковой казначей. За полтора года службы он был награжден орденами Святого Георгия IV степени, Святой Анны II степени с мечами, Святой Анны III степени с мечами и бантом, Святой Анны IV степени с надписью: «За храбрость», Святого Станислава II степени с мечами, Святого Станислава III степени с мечами и бантом[23].

В своей автобиографии Иосиф Васильевич отмечал, что по приезде домой его «захапіла нямецка-польская акупацыя». В этот сложный для Беларуси период Иосиф Васильевич устроился преподавателем русского языка и литературы, а также латинского языка в восьмиклассную мужскую гимназию в Бобруйске, директором которой являлся И. Р. Годыницкий-Цвирко. Затем И. В. Волк-Леванович преподавал в Глуске, а с сентября 1919 г. – в Клецкой общественной гимназии[24]. В это время молодой учитель познакомился со своей будущей супругой Ларисой Григорьевной Лукашевич (1897–1993), с которой прожил всю свою жизнь. Она родилась в Клецке в семье протоиерея Минской епархии. В 1914 г. окончила Минское женское училище духовного ведомства, затем – одногодичные педагогические курсы при Витебском учительском институте по отделению естествоведения и географии. После этого вернулась в Клецк и стала преподавать в гимназии. В браке у них родились две дочери: Ксения (1921–2004) и Леонилла (1925–2014).

Лариса Григорьевна вспоминала, что с будущим мужем они познакомились в начале 1918 учебного года в Глуске: «Я пришла на спектакль, но оказалось, что мое место по билету занято. Мне дали другой стул. Мое место было занято новым преподавателем, с которым меня познакомили. В дальнейшем мы встречались в учительской. Мы наблюдали друг за другом. Я все больше убеждалась в том, что Иосиф Васильевич целеустремленный, порядочный человек, и он все больше оказывал мне внимания. После школьных занятий мы часто гуляли по окрестной дороге. Однажды он снял с меня легкий шарф и просил обвязать им его руку. После этого он стал на колени, сказав: “Теперь я Ваш рыцарь, и я прошу Вашей руки”. Я подала руку и он поцеловал ее. С этих пор он стал называть меня по имени, но на Вы. Так было до самой свадьбы»[25]. По настоянию сестры Иосифа Васильевича молодая семья переехала в Бобруйск, где они быстро смогли устроиться на преподавательскую работу.

В конце июля 1920 г. И. В. Волк-Левановича, как имевшего опыт и знания кадрового военного, мобилизовали в Красную армию. С августа 1920 по сентябрь 1921 г. он находился на должности помощника адъютанта запасного кавалерийского полка, затем был помощником начальника административно-мобилизационного отдела и председателя учетно-конской комиссии Нарвоенкомата ССРБ в Минске. В феврале 1921 г. по приказу Реввоенсовета республики в Минске были организованы краткосрочные 81-е пехотные подготовительные курсы командного состава, которые расположились в здании бывшей Минской духовной семинарии. Практически сразу начались классные и строевые занятия. Для преподавательской работы на курсах пригласили

[20]ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 58385. Л. 45 об.
[21]Там же. Л. 20.
[22]Рос. гос. воен.-ист. арх. Картотека бюро учета потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат). Ящ. 7439-В. Л. 672.
[23]Учетно-воинский билет И. В. Волк-Левановича, март 1922 г. (личный архив Б. Н. Левоновича).
[24]ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 58385. Л. 29.
[25]Мои воспоминания о моем муже Иосифе Васильевиче Волк-Левановиче. Л. 2 (личный архив Б. Н. Левоновича).

И. В. Волк-Левановича, который с 1 сентября 1921 по 24 марта 1922 г. вел занятия по русскому языку вплоть до увольнения в бессрочный отпуск. Параллельно с курсами он успевал преподавать русскую литературу в 7-й трудовой II ступени школе Минска. Из документов личного архива Б. Н. Левоновича также известно, что с мая по октябрь 1922 г. Иосиф Васильевич работал на должности управляющего делами Объединенного управления лесозаготовительной и деревообрабатывающей промышленности Белоруссии «Лесбел»[26].

Однако чисто преподавательский труд и административная должность не были для Иосифа Васильевича тем призванием, к которому он стремился. Ему не давала покоя мысль о необходимости завершения обучения в университете: «Увесь час, жадаючы звярнуцца да навуковай працы і фактычна на працягу ўсіх гэтых 8 гадоў не меўшы магчымасці ею грунтоўна заняцца. Я урэшце, пасля звальнення ад вайсковай службы, атрымаў гэтую магчымасць»[27].

Решению этого вопроса поспособствовал руководитель Народного комиссариата просвещения ССРБ известный историк В. М. Игнатовский, который направил в сентябре 1922 г. письмо на имя ректора Петроградского государственного университета Н. С. Державина. Оригинал письма за подписью наркома хранится в студенческом деле И. В. Волк-Левановича. В нем сообщалось следующее:

Настоящим Народный комиссариат просвещения Белоруссии просит зачислить в число студентов Университета б[ывшего] *преподавателя 7-ой трудовой школы II-й ступени гор. Минска Иосифа Васильевича Волк-Левоновича, как б*[ывшего] *студента историко-филологического факультета Петроградского (б*[ывшего] *Императорского) Университета и предоставить ему возможность окончить курс.*

При этом Наркомпрос просит распространить на тов. Волк-Левоновича те льготы в отношении освобождения от платы, назнач. стипендии и проч., коими пользуются т. т. (товарищи. – *О. М.*, *А. М.*), *командируемые на бесплатные вакансии в виду того, что означенный т*[оварищ]*, проработал около 4-х лет в школе и 2 года в Красной Армии.*

В настоящий же момент, по причине большого сокращения школьной сети по Белоруссии, т[оварищ] *Волк-Левонович, в виду выраженного им желания закончить высшее образование, освобождается от должности, дабы наилучшим образом подготовиться к продолжению работы по просвещению трудящихся масс Республики*[28].

Тогда же Иосиф Васильевич написал заявление на имя ректора, в котором просил об обратном зачислении в университет с предоставлением ему права сдавать экзамены по старому учебному плану. Он также настоятельно просил о предоставлении ему бесплатной вакансии и назначении стипендии: «…ввиду того, что абсолютно не имею возможности жить в Петрограде на собственные средства, ибо таковых не имею. Ко всему тому на моем иждивении находится жена и полуторагодовалая девочка»[29]. Заявление было положительно рассмотрено руководством Петроградского университета, и И. В. Волк-Леванович был снова зачислен в качестве студента, но уже на факультет общественных наук на этнолого-лингвистическое отделение. Во время учебы Иосиф Васильевич слушал лекции корифеев российской и советской лингвистики: академика Е. Ф. Карского, профессоров П. А. Лаврова, Д. К. Петрова, И. И. Толстого, параллельно успешно сдавал экзамены. Жена вспоминала, что профессора по этому поводу говорили: «Вы сдаете экзамены как пироги печете»[30]. В процессе учебы И. В. Волк-Леванович сдружился с Е. Ф. Карским, с которым вел переписку после окончания университета [15, с. 359].

В конце мая 1923 г. 31-летний Иосиф Васильевич успешно окончил университет. «Стремясь как можно скорее уехать на родину (в Белоруссию), где я оставил жену и дочь, живших без всякой поддержки с моей стороны, я, не взирая на возможность устроиться на службу (хотя и очень скромно) в Ленинграде, не задерживаясь ни одного лишнего дня, уехал в Белоруссию. Немаловажной побудительной причиной, заставившей меня устремится [как] возможно скорее на родину, было то обст[оятельст]во, что из газет мне было известно о той широкой научной и национально-культурной работе вообще, которая развернулась в Белоруссии под руководством Ком. партии и Сов. власти»[31]. Еще одну причину приезда в ССРБ И. В. Волк-Леванович обозначил в автобиографии, которую вместе с заявлением подал в правление БГУ 28 сентября 1923 г.: «З даўніх часоў цікавіўся я беларускім адраджэннем, будучы сам натуральна беларусам, але не меў часу к гэтаму руху прыстаць актыўна. Цяпер жа, маючы навуковае падрыхтаванне, я жадаў бы гэтае падрыхтаванне скарыстаць для далейшай навуковай працы ў напрамку культурнага будавання сваёй дарагой Бацькаўшчыны»[32]. В Минске Иосиф Васильевич остановился в доме № 3 по 1-му Безымянному переулку при улице Толстого и устроился препо-

[26]Мандат от 30 мая 1922 г. и удостоверение от 11 октября 1922 г. на имя И. В. Волк-Левановича (личный архив Б. Н. Левоновича).
[27]НАРБ. Ф. 205. Оп. 3. Д. 1353. Л. 11.
[28]ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 58385. Л. 31.
[29]Там же. Л. 1.
[30]Мои воспоминания о моем муже Иосифе Васильевиче Волк-Левановиче. Л. 2 (личный архив Б. Н. Левоновича).
[31]Воспоминания И. В. Волк-Левановича о работе в БГУ. Л. 1 (личный архив Б. Н. Левоновича).
[32]НАРБ. Ф. 205. Оп. 3. Д. 1353. Л. 11 об.

давателем белорусского языка в польском и еврейском педагогических техникумах. В заявлении о приеме в университет он указал, что хотел бы получить должность ассистента при кафедре истории белорусского языка на педагогическом факультете. В БГУ в это время практически единственным преподавателем белорусского языка был известный общественный деятель, писатель и языковед И. Ю. Лёсик, который в июне 1923 г. поставил перед правлением БГУ вопрос о необходимости назначения ассистента на кафедру в связи с большой загруженностью [6, с. 349]. Как видно из письма профессора П. А. Бузука на имя Е. Ф. Карского от 4 марта 1926 г., курс истории белорусского языка настойчиво предлагали Петру Афанасьевичу, но тот отказался, так как «В.-Леонович уже успел начать читать [курс] до моего приезда в Минск» [15, с. 359].

Инициаторами приглашения И. В. Волк-Левановича на работу в БГУ стали И. И. Замотин и М. Н. Пиотухович, которые подняли этот вопрос на заседании предметной литературной комиссии 20 сентября 1923 г. Тогда было решено просить Иосифа Васильевича подать заявление и *curriculum vitae* для рассмотрения на следующем заседании комиссии[33]. В том же году 6 октября заявление о предоставлении места ассистента при кафедре белорусского языка и автобиография кандидата были рассмотрены, причем в протоколе указано не только «просить Деканат и Правление об утверждении его в указанной должности», но и «в случае необходимости для Волк-Левановича научной командировки для разработки названного курса по истории белорусского языка просить о такой Деканат и Правление»[34]. Литературная комиссия также постановила, что «Волк-Леванович обязан начать чтение курса по истории белорусского языка не позднее 1-го февраля 1924 г. и обязательно на белорусском языке»[35]. В соответствии с принятым решением 1 февраля 1924 г. на заседании совета этнолого-лингвистического и социально-исторического отделений педагогического факультета Иосиф Васильевич воспользовался *pro venia legend* (правом читать лекции). Лекция была посвящена историческому изучению белорусского языка в славянской филологии. В ее обсуждении приняли участие профессора Н. М. Никольский, И. И. Замотин, В. Н. Перцев, И. Ю. Маркон, доценты М. Н. Пиотухович, М. Б. Вейнгер, преподаватели А. Н. Вознесенский, Н. Н. Щекатихин, В. Д. Друщиц, Л. Н. Цветков, И. Ю. Лёсик, К. М. Мицкевич (Якуб Колас), И. Я. Герцык, Г. Э. Зимель, Н. В. Азбукин. Этот документ интересен тем, что он засвидетельствовал начало не только личного противостояния И. В. Волк-Левановича и И. Ю. Лёсика, но и двух направлений в видении будущего белорусского языкознания, которые они представляли. Не вдаваясь в детали обсуждения лекции и последующих разногласий, отметим, что расхождения во взглядах, при отстаивании которых ученые нередко апеллировали к чувствам, а не к разуму, в итоге привели к тому, что все его участники, как это ни парадоксально может звучать, внесли свой определенный вклад в развитие белорусской лингвистики.

Несмотря на то что при обсуждении доклада И. В. Волк-Левановича И. Ю. Лёсик необоснованно обвинил его в незнании белорусского языка, протоколом правления БГУ от 19 февраля 1924 г. было постановлено «признать ассистента при кафедре истории белорусского языка И. В. Волк-Левановича достойным звания преподавателя означенной кафедры. Определить И. В. Волк-Левановичу вознаграждение в размере ставки научного сотрудника, сроком с 1 сего февраля»[36]. Предметная литературная комиссия 16 апреля 1924 г. рекомендовала к печати его работу «Историческое изучение белорусского языка в славянской филологии»[37].

О ситуации с преподаванием лингвистических дисциплин на педагогическом факультете в своем отчетном докладе о результатах 1924/25 учебного года говорил ректор В. И. Пичета: «…в области лингвистики далеко не все обстояло благополучно. Университет не имел квалифицированного преподавателя. Целый ряд лингвистических дисциплин читался ассистентом Цветковым, и надо признать, мало интересно и мало производительно. Ассистент Цветков, 17 лет тому назад оставленный при Московском Университете по кафедре славяноведения и языка, разумеется, не мог быть в курсе тех научных вопросов, которые за последние 20 лет рассматривались в лингвистической науке. Тем не менее и при наличии суррогатов курсов, студенты-лингвисты имели известную возможность познакомиться с основами языкознания вообще и славяно-русского, в частности. К сожалению, кафедра истории белорусского языка была вакантна. Правда, Предметная Комиссия наметила для чтения курса по истории белорусского языка ассистента Волк-Левановича, который в Предметной Комиссии защитил работу, одобренную проф. Карским и Замотиным, на право чтения курса. Однако, это вызвало резкое движение со стороны белорусской интеллигенции, в лице Инбелкульта, и части студенчества, которое категорически отказалось слушать Волк-Левановича. Сначала Главпрофобр задержал утверждение Волк-Левановича. Когда же это

[33]НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 780. Л. 81.
[34]Там же. Л. 91.
[35]Там же. Оп. 3. Д. 1353. Л. 12.
[36]Там же. Л. 2.
[37]Там же. Оп. 1. Д. 781. Л. 68.

утверждение состоялось и лекции Волк-Левановича были начаты со второго полугодия, то последние не могли состояться за отсутствием слушателей»[38]. Дисциплина «Гісторыя беларускай мовы» должна была читаться студентам-лингвистам 4-го курса. Как это выглядело на практике, видно из протокола заседания деканата педагогического факультета от 19 февраля 1925 г.: «Пытаньне аб курсе па гісторыі беларускае мовы дзеля студэнтаў лінгвістаў IV-га курса, чытаньне якога даручана Галоўпрафобрам С.С.Р.Б. асыст. В.-Левановічу. З прычыны адсутнасьці слухачёў курс у сучасны момант ня чытаецца. Па тлумачэньню прадстаўнікоў факкома студэнты IV курса беларускае секцыі заявілі факкому, што асс. Воўк-Левановіча яны слухаць ня будуць, бо яны лічуць, што курс асс. Воўк-Левановіча ім нічога ня дасьць»[39]. На заседании было решено передать вопрос на рассмотрение правления университета, так как ни у студентов, ни у представителей общественных организаций факультета нет никаких фактов в поддержку такого заявления, поскольку курс фактически не читается. Судя по выступлению В. И. Пичеты, и правление ничего не смогло сделать со своевольными студентами [16, с. 66–67]. Позднее, во время следствия в ГПУ БССР, И. Ю. Лёсик в протоколе допроса от 18 августа 1930 г. отмечал, что «студенты не раз бойкотировали Левановича и поддерживали мою дискуссию с Левановичем в “Савецкай Беларусі”, но всякий раз они терпели поражение. Леванович оставался на месте, а студенты должны были слушать его лекции и сдавать ему зачеты» [17, с. 102].

Осенью 1925 г. на заседании предметной литературной комиссии И. Ю. Лёсик вновь предложил лишить И. В. Волк-Левановича права читать курс по истории белорусского языка и передать его чтение профессору П. А. Бузуку, который по приглашению В. И. Пичеты в это время приехал в Минск. Против этого предложения выступили И. И. Замотин и М. Н. Пиотухович, и оно было отклонено комиссией[40]. Детали этого конфликта описаны в воспоминаниях Иосифа Васильевича: «Результатом этих закулисных интриг было предложение из Главпрофобра неофициально ректору устроить передачу моего курса Бузуку. Ректор предложил мне передать этот курс проф. Бузуку, но с непременным условием, чтобы последний компенсировал мне его одним из своих многочисленных курсов (их у проф. Бузука образовывалось вместе с моим вместе – целых семь!). Но как, очевидно, целью группы Я. Лёсик и К^{о} было совершенное лишение меня возможности работать научно в Ун-те и вообще в Белоруссии, то проф. Бузук, желая угодить этим негласную власть имущим людям, стал определенно уклоняться от компенсации меня другим научным курсом. Конфликт был передан на рассмотрение Президиума предметной комиссии, куда были вызваны проф. Бузук и я. Т. к. проф. Бузук не явился на это заседание, то президиум согласно пожеланию наиболее сознательной части студенчества (высказанному представителями профкома и ячейки КП(б)Б), постановил курс истории бел. языка оставить за мною, тем более, что я два года специально готовился к этому курсу, тогда как проф. Бузук вопросами белор. языка до того времени совершенно не занимался»[41].

Несмотря на противодействие студентов и части преподавателей, в апреле 1927 г. И. В. Волк-Леванович был утвержден Наркомпросом в должности доцента кафедры белорусского языка[42]. Однако обвинения в некомпетентности и непрофессионализме Иосифа Васильевича на этом не завершились [18, с. 293–301]. На заседании коллегии Наркомпроса БССР 10 октября 1927 г., где обсуждался доклад В. И. Пичеты о работе БГУ, развернулась жаркая дискуссия, в ходе которой П. В. Ильюченок вновь вспомнил об И. В. Волк-Левановиче: «…вывучэньне беларускай мовы трэба паставіць на практычнай глебе. Маюцца скаргі на Воўк-Левановіча, што ён ня зьвяртае ўвагі на чыстату беларускае мовы»[43]. Ситуация не стала менее напряженной и в 1928 г. В начале июня коллегия Наркомпроса рассматривала заявление студентов – выпускников БГУ, выступивших против И. В. Волк-Левановича в прессе. Они просили дать им возможность сдавать зачет по курсу белорусоведения не И. В. Волк-Левановичу, а другому преподавателю. Коллегия решила передать вопрос на рассмотрение правления БГУ и просила учесть те обстоятельства, что сложились вокруг конфликта между частью студенчества и И. В. Волк-Левановичем[44]. На заседании правления БГУ 13 июня 1928 г. была рассмотрена телефонограмма наркома просвещения А. В. Балицкого о приеме зачетов у студентов 4-го курса по белорусоведению. В ней нарком отмечал, чем была вызвана его депеша: «…з прычыны тых абставін, якія адбыліся паміж выкладчыкам Воўк-Левановічам і часткай студэнтаў 4 к.»[45]. В результате правление предложило компромисс и решило просить профессора М. Н. Пиотуховича

[38]НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 781. Л. 14–15.
[39]Там же. Д. 801. Л. 28.
[40]Там же. Л. 291.
[41]Воспоминания И. В. Волк-Левановича о работе в БГУ. Л. 5 (личный архив Б. Н. Левоновича).
[42]НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 225. Л. 108.
[43]Там же. Л. 9.
[44]Там же. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 3521. Л. 316–317.
[45]Там же. Ф. 205. Оп. 1. Д. 272. Л. 140.

присутствовать на приеме зачетов И. В. Волк-Левановичем. В итоге этого конфликта была создана комиссия по оценке научной и педагогической деятельности доцента И. В. Волк-Левановича, постановление которой было рассмотрено на заседании деканата педагогического факультета от 23 августа 1928 г.[46]

В 1929 г. были составлены списки профессорско-преподавательского состава БГУ с краткой их характеристикой. Они сохранились в материалах партийного фонда НАРБ, не имеют ни точной даты, ни подписи. Характеристика И. В. Волк-Левановича в этих списках краткая и весьма положительная: «Соответствует своему назначению как преподаватель белорусского языка и соответствует как филолог белорусского языка. Советски лоялен»[47].

Логическим завершением преподавательской карьеры И. В. Волк-Левановича в БГУ стал приказ № 32 ректора И. П. Кореневского от 21 мая 1930 г.: «Лічыць дацэнта Воўк-Левановіча О. В. аслабаненым ад працы у Б.Д.У. з чысла сканчэньня яго заняткаў – з 1-га ліпеня 1930 г., што і прадставіць на зацьвярджэньне ў Народны Камісарыят Асьветы БССР»[48]. Впрочем, Наркомпрос БССР не дал своего согласия на увольнение И. В. Волк-Левановича с резолюцией: «Паведаміць, што НКА не зацьвярджае. 27.05.30»[49]. Такая позиция во многом объяснялась тем, что во властных структурах республики увольнение Иосифа Васильевича расценивалось как нежелательное. Это хорошо видно на примере характеристики лингвиста, данной председателем ГПУ БССР Г. Я. Раппортом в докладной записке на имя секретаря ЦК КП(б)Б К. Гея от 22 мая 1930 г.: «Отъезд Волк-Левоновича из БССР политически не выгоден, так как с его отъездом разваливается группа белорусов-восточников, которая ведет непрерывную борьбу с группой западников и расшифровывает их контрреволюционную сущность». Исходя из этого, председатель ГПУ делал вывод: «…считаю в корне не верной позицию некоторых членов КП(б)Б (Волобринского, Белуги, Сенкевича), занятую по отношению к Волк-Левановичу. Их выступления против Волк-Левановича на руку белорусским нац. демократам – укрепляет положение последних»[50]. Противоположные позиции в отношении дальнейшей судьбы И. В. Волк-Левановича в Беларуси в конечном итоге привели к тому, что лингвист выехал в Саратов. Но и после отъезда из БССР его фамилия продолжала фигурировать в партийных документах и в периодической печати[51]. Так, о нем говорится в материалах по обследованию состояния дел с белорусизацией на педагогическом факультете БГУ, рассмотренных на заседании Октябрьского РК КП(б)Б г. Минска 12 декабря 1930 г.: «Канкрэтнае вырашэньне справы беларусізацыі ў умовах Пэдфаку выяўляла во ўсей нагаце праявы вялікадзяржаўнага шовінізму і канкрэтных носьбітоў яго і яны шлі ў напрамку адчыненага выступленьня з боку асобных навуковых працаўнікоў Пэдфаку супроць лініі партыі ў нацыянальным пытаньні і ў прыватнасьці справы беларусізацыі (справа ШЧАПОЦЬЕВА, ВОЛК-ЛЕВАНОВІЧА, заява ГАВАРОЎСКАГА), асобныя з іх не находзілі рашучага адпору з боку арганізацыі Пэдфаку»[52]. Критиковались проявления великодержавного шовинизма со стороны И. В. Волк-Левановича и А. С. Щепотьева и на совещании научных работников-коммунистов от 9 сентября 1930 г.[53]

Заключение

Дальнейшая планомерная работа в белорусских и российских архивах (в первую очередь в Саратове и Оренбурге) по выявлению документов, касающихся биографии и деятельности Иосифа Васильевича Волк-Левановича, позволит качественно дополнить уже имеющиеся наработки. При этом ее результаты не смогут существенно скорректировать вывод о том, что И. В. Волк-Левановичу принадлежит видное место среди известных лингвистов, работавших в БГУ в 1920-х гг. Белорусский период деятельности ученого был очень плодотворным в его научной творческой биографии. Несмотря на не всегда благоприятную атмосферу, И. В. Волк-Леванович активно работал и как лектор, и как ученый. Он профессионально занимался вопросами исторического развития белорусского языка, истории отдельных явлений фонетической системы и грамматического значения, исследовал и описывал памятники старобелорусской письменности и особенности белорусских народных говоров. Его «Лекцыі па гісторыі беларускай мовы» 1927 г. являются актуальным и ценным памятником белорусской лингвистической науки на определенном этапе ее развития.

---

[46]НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 881. Л. 106 (с резолюцией «Прыняць да ведама»).
[47]Там же. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 4360. Л. 6.
[48]Там же. Ф. 205. Оп. 1. Д. 375. Л. 108. (Основанием для появления приказа послужило заявление ученого, в котором он просил уволить его в связи с необходимостью покинуть Минск по семейным обстоятельствам, написанное 18 мая 1930 г.)
[49]Там же. Д. 410. Л. 207.
[50] Там же. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 4720. Л. 36.
[51]Сянькевіч А. За ленінскую лінію ў нацполітыцы // Полымя. 1930. № 11/12. С. 160–161 ; «Навука» на службе нацдэмаўскай контррэвалюцыі / Беларус. акад. навук, Ін-т філасофіі. Менск, 1931. Т. 1, ч. 2 : Мовазнаўства / Л. Бабровіч [і інш.]. С. 144–145.
[52]НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 5047. Л. 230.
[53]Там же. Д. 5439. Л. 130.

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ И. В. ВОЛК-ЛЕВАНОВИЧА[54]

Воспоминания Волк-Левановича И. В. о научной деятельности и коллегах. Неполный текст[55]

[л. 1] ...Кажется, самого Некрашевича[56] (тут я сказал, до меня дошли разговоры, будто он меня знает еще по Бобруйску, где я раньше якобы выступал против белор. дела)[57]. Свои слова Некрашевич отрицал, а относительно Лесика[58] отделался полушутливыми замечаниями, что, мол, Лёсик не является «адказнай асобай» и что, значит, на его слова не стоит обращать внимания. Во время нашего разговора явился как раз и «сам» Язэп Лёсик, с которым меня и познакомил Некрашевич. Лёсик при этом буквально «зверем» посмотрел на меня и для первого знакомства (а точно уже, как было дальше, не для первого) не сказал ни одного слова, обратившись сейчас же к Некрашевичу с какими то разговорами... некоем Зелезее, у кот. есть какие то материал[ы]... архива Качанца[59] и т. п. Расстались мы с Некраш... не прийдя ни к чему определенному.

Мои выводы из разговора с Н. были весьма неутешительны. Для меня было ясно, что передо мною воздвигается какая-то глухая стена; притом я искал и не видел и не мог найти тех оснований, которые заставляли этих, по-видимому, самых влиятельных из белорусских националистов – Некрашевича и Лесика – эту стену передо мною воздвигать.
[л. 2] Со всею добросовестностью я старался ‖ найти оправдания этой их тактике – и не находил. В самом деле: если меня не знали «шчырыя беларусы» до моего появления на Минском (вернее, на ихнем националистическо-культурном) горизонте, то своей б. м. особого рода политической точки зрения они были правы, опасаясь приобщения к *белор. культ.*[60] работе человека неизвестного им своей «правоверностью». Правда у меня на этот счет *возникали, как мне казалось,* правильные соображения и выражения: неужели, казалось мне, допустимо такое положение, что в то время, как дело возрождения белорусской культуры ставится на государственные рельсы, когда существует Белорусская Соц. Сов. Республика с утвержденной конституцией и законным правительством, возможна решающая и *контролирующая* роль в этом деле со стороны еще неясного, неопределившегося ни в своей структуре, ни в функциях чисто культурного учреждения, каким являлся Институт Белор. Культуры? Казалось бы, что при наличии ясного и недвусмысленного декларирования прав белорусских трудящихся на социалистическое госуд.-культурное строительство в белорусских национальных формах, каждый гражданин БССР, чувствующий призвание и выказывающий искреннее желание посвятить свои силы и знания делу *социалистич.* строительства любой из четырех, признанных *конституцией БССР* равноправными, национальных культур – белор., русской, еврейской и польской – что
[л. 3] каждый такой гражданин может и должен встретить со сторо‖ны правительственных, партийных, общественных и проч. организаций и учреждений полную поддержку и радушный прием, особенно, если принять во внимание бедность Белоруссии в культурных работниках. При всем том, однако, гос. учреждения и обществ. и культ. организации, несомненно должны быть и разборчивы в людях, принимая во внимание сложность политической обстановки и классовых взаимоотношений в переживавшуюся и переживаемую полит. эпоху, особенно если почему либо возникает сомнение в той или иной кандидатуре. Так и в моем личном деле: если возникло сомнение в моей кандидатуре т. е. правильно ли поступает университет предоставляя мне, белорусу – со вполне определенной научной подготовкой – возможность научно работать в области белор. языка, то кто,

[54]Тексты документов и материалов приводятся с сохранением языковых особенностей оригинала.
[55]НАРБ. Ф. 1527. Оп. 4. Д. 6. Л. 1–27.
[56]Некрашевич Степан Михайлович (1883–1937) – белорусский общественный деятель, ученый-языковед, академик Белорусской академии наук (1928). С 1920 по 1925 г. являлся заведующим литературно-издательским отделом Наркомата просвещения БССР, председателем Научно-терминологической комиссии, председателем Института белорусской культуры. В 1927–1928 гг. – председатель отдела гуманитарных наук Инбелкульта. В 1929 г. – вице-президент Белорусской академии наук и председатель Орфографической комиссии и Комиссии по созданию словаря живой народной речи.
[57]Над строкой мелким почерком вписано одно предложение (неразборчиво): «Является обидным и оскорбительным при наличии полит. (?) искренности с моей стороны, заподозрить кот[орую] никто не имел не может иметь никаких оснований».
[58]Лёсик Иосиф Юрьевич (1883–1940) – белорусский общественный и политический деятель, писатель, публицист, языковед и педагог. С 1921 г. преподавал в БГУ, работал в Инбелкульте, Белорусской академии наук. Автор учебников по белорусскому языку для школ и педагогических техникумов.
[59]Имеется в виду архив Казимира Карловича Костровицкого (Каруся Каганца), который после смерти поэта в 1918 г. его жена А. К. Костровицкая передала И. Ю. Лёсику на сохранение и использование. В 1919–1920 гг. И. Ю. Лёсик занимался разбором наследия К. К. Костровицкого и публикацией его произведений.
[60]Здесь и далее слова, выделенные курсивом, вписаны сверху строки.

какое учреждение должно потребовать объяснений от университета или же сделать отвод моей кандидатуры – Наркомпрос ли Белоруссии, коему непосредственно подведомственен *Белор. Госуд.* Университет или же Инбелкульт?

Кем и когда *было* регламентировано за Инбелкультом право налагать veto на кандидатуры приглашаемых Университетом научных сотрудников? Для меня было ясно – да
[л. 4] и другие сведущие лица, у кот. я спрашивал разъяснения по этим вопросам, подтвердили мои соображения, – что Инбелкульт не имеет никаких оффициальных прав ‖ и полномочий на такой контроль над университетом и, следовательно, самочинно присваивает себе эти права. Так отнесся к этому вопросу и Университет, как я узнал впоследствии, по поводу получения им отношения ИБК, требовавшей от университета согласования с ИБК кандидатур научных работников по белорусским дисциплинам.

Оставляя, однако, в стороне это, правда, грубое формальное нарушение взаимоотношений госуд. органов и учреждений, б. м. – спрашивал я себя – ИБК имеет на такой контроль моральное право? Но и тут я в данном случае не находил оснований на такие прерогативы. В самом деле: если вопрос шел о моей научной подготовке, кот., хотя и была ясна уже из факта успешного окончания курса б. Петроградского ун-та, но б. м. нуждалась в проверке, то спрашивается, кто прежде всего был бы тут заинтересован в такой проверке моей квалификации то ли учреждение, в кот. я собирался работать, т. е. Университет или же то, в кот. я не просился? И кто имел в конце концов и формальное и моральное право подвергнуть меня такой проверке? Не оставалось ни для меня ни для кого иного и прежде всего Университета никакого сомнения, что все эти права были на стороне Ун-та.

В самом деле: моя кандидатура ни с какой стороны ‖ не являлась случайной и не-
[л. 5] обоснованной. С предложением своей работы по линии белор. науки и просвещения я обратился непосредственно в Наркомпрос, даже не подозревая, как человек свежий, о существовании ИБК, а тем более о наличии у последнего тенденций к правящей и контролирующей роли. Обо мне доложил и представил для личной беседы управляющий делами НКПроса заместителю Народного Комиссара Просвещения т. Кореневскому[61] (кот. в то время, за отсутствием т. Игнатовского, исправлял должность Наркома). С т. Кореневским я имел совершенно определенную беседу. Т. Кореневский с удовольствием услышал о моем желании посвятить себя белорусской культ. работе и, ознакомившись с моим заявлением, жизнеописанием и дипломом, нашел мою кандидатуру весьма желательной. Тут же он набросал передо мной те *широкие* перспективы, кот. передо мною открываются на поприще белор. культ. работы: преподавательская работа, составление и печатание учебников по белор. языку и литературе, научная работа и т. д. Всякая работа, которую я надлежащим образом выполню, будет в высшей степени полезна и приемлема: работники
[л. 6] и работа нужны с самых широких размерах. Тут же т. ‖ *Кореневский*, как сейчас помню, просил т. Гутковского[62] познакомить меня с проф. М. Н. Пиотуховичем[63], чтобы последний, ознакомившись с моей подготовкой и моими научными интересами, мог бы мне посоветовать и посодействовать моим дальнейшим *интересам и направлению*[64] в белор. культурной и научной работе. Знакомство, как я уже упоминал, состоялось и направление было намечено: в университет. Ко всему этому нужно добавить, что и Н. М. Гутковский, и М. Н. Пиотухович, будучи преподавателями университета, были одновременно и членами Института Белор. Культуры[65], белорусами. Таким образом, движению моему в *белорусскую культ.* работу был дан толчок самим Наркомпросом. Кандидатура в университете была рекомендована надлежащим университетским ответственным **лицам**[66] (председателю предм. Комиссии и ректору) *белорусами*[67], связанными как с университетом, так и с ИБК. И являлось совершенно непонятным, почему два члена ИБК – Лесик и Некрашевич – имели больший авторитет в моем деле, нежели другие два члена ИБК – Пиотухович и Гутковский. Если допустить, что ИБК имел *моральное* право подвергнуть

[61]Кореневский Иосиф Петрович (1888–1937) – белорусский ученый-педагог. С 1920 по 1925 г. – заместитель наркома просвещения БССР, заведующий Белпедтехникумом, с 1925 г. – действительный член Инбелкульта. В 1927–1928 гг. – ректор Коммунистического университета имени В. И. Ленина в Минске, заместитель ректора (1928–1929), ректор БГУ (1929–1931).

[62]Гутковский Николай Макарович (1886–1938) – белорусский юрист. С 1921 г. работал управляющим делами, юрисконсультантом в Наркомате просвещения БССР. С 1922 г. – научный сотрудник Инбелкульта, преподаватель БГУ. В 1924–1925 гг. – сотрудник Постоянного представительства БССР при Правительстве СССР. Работал в аппарате ЦИК СССР, позже был консультантом Комиссии законодательных проектов при СНК БССР.

[63]Пиотухович Михаил Николаевич (1891–1937) – белорусский литературовед, педагог, критик. С 1921 г. – преподаватель и секретарь Белпедтехникума, с 1922 г. – преподаватель белорусской литературы в БГУ, действительный член Инбелкульта. С 1926 г. – профессор кафедры истории белорусской литературы БГУ и декан педагогического факультета БГУ. С 1929 г. – действительный член Белорусской академии наук.

[64]Вписано вместо слова «связям».

[65]Здесь и далее подчеркивание соответствует типу выделения в тексте оригинала.

[66]Здесь и далее полужирным выделены зачеркнутые в оригинале фрагменты.

[67]Вписано вместо слова «лицами».

мою кандидатуру общественной проверке со стороны приемлемости ее в отношении моей [л. 7] белорусской благонадежности, то он не имел ни малейшего ни мо||рального, ни физического права подвергать мою кандидатуру проверке со стороны моей квалификации научной, ибо в нем в то время не было ни одного не только ученого специалиста в области лингвистики, но даже просто хотя бы равного мне по квалификации лингвиста, т. е. с законченным университетским образованием: сам Некрашевич окончил всего лишь Учительский институт (в Вильне), а Лесик не окончил даже учительской семинарии. Итак оставалось только моральное право контроля, с которым я был бы готов считаться. Однако эти лица в моих глазах потеряли это право уже по тому одному, что, не имея на то никаких оснований, совершенно не зная меня лично, не могли знать обо мне даже понаслышке, *ибо никакими белорусскими вопросами со стороны политической я никогда не интересовался, а тем более публично не выступал, позволили* себе приписать мне несуществовавшие у меня тенденции, попросту распустив обо мне клеветнические измышления. Что Лесик называл меня «ворагам беларускага руху» – этого факта не отрицал и сам Некрашевич, когда я ему об этом сказал во время упомянутой беседы. А что сам Некрашевич распространял ту же небылицу про меня (будто я в Бобруйске выступал публично против белор. движения), об этом мне передавали лица, заслуживающие полного доверия.

[л. 8] То же обстоятельство, что Некрашевич отрицал свои слова, когда я потребовал от него объяснений, вполне понятно: ничего другого ему и не оставалось, ибо, признавшись в этом, он ничем бы не мог доказать своей правоты. Ведь во время этой беседы мы узнали и увидели друг друга впервые в жизни и до появления моего на белорусском горизонте в Минске как я, так и он, не знали даже о существовании друг друга на свете. Между тем этот человек повторил свою клевету, как *мне потом передавали (чему теперь охотно верю)*[68], и весною 1925 года, когда в «Навуковай Радзе» ИБК кем-то была выдвинута моя кандидатура в члены ИБК. По словам Лесика, кот. рассказывал об этом выдвижении моей кандидатуры проф. Пиотуховичу и возмущался этим фактом, мою кандидатуру «они» провалили. А мотивом этого провала, как мне передало другое лицо, была именно клевета Некрашевича, повторенная им на этом заседании. Подтверждением того, что эти два лица, т. е. Лесик и Некрашевич, все время упорно препятствовали моему выдвижению, явилась также беседа с Председателем ИБК, т. В. М. Игнатовским[69] весною 1926 г., а *также и позднейшие факты. Но об этом впереди*[70].

[л. 9] Хотя в октябре-ноябре 1923 года эти факты и не имели еще места, то и того, что имело место, было слишком достаточно, чтобы оценить положение должным образом. Ясно было, что я явился неожиданным, непрошенным и нежелательным конкурентом прежде всего для Лёсика и Некрашевича, которые сами собирались продвигаться на арене научной работы в обл. белор. языка, не имея в то время для этого никакой подготовки. Про Лесика, напр., рассказывали мне в то время такие факты *из его преподавательской практики*, кот. походили прямо на анекдоты, *вроде, напр., объяснения происхождения слова «беллетристика» от слова «балет»*[71]. При такой ситуации я считал, что и формально, и морально имею полное право не считаться с противодействием моей кандидатуре со стороны таких белорусов, как Лесик и Некрашевич и предоставить решение этого вопроса всецело Университету, поскольку заявление на имя ректора мною уже было подано и вопрос в предметной комиссии был решен для меня положительно. Вместе с тем я не оставил без внимания предложение Некрашевича посещать собрания ИБК, которые тогда происходили по вечерам.

[л. 10] Последнее обстоятельство, между прочим, мешало регулярному посещению этих собраний, т. к. по вечерам я имел лекции на вечернем Рабфаке Университета. Все же несколько раз я нашел возможность быть в ИБК – раза два на общих заседаниях и раза два на заседаниях терминологической комиссии. Помню, когда я явился впервые – как раз на общее собрание – то единственный человек, который обратился ко мне приветливо, был секретарь ИБК – А. П. Круталевич[72]. Правда, впоследствии, увидев, что

---

[68]Текст вписан вместо слов «я потом узнал».

[69]Игнатовский Всеволод Макарович (1881–1931) – белорусский общественный и политический деятель, ученый-историк. С декабря 1920 г. – народный комиссар просвещения БССР, в 1921–1930 гг. – профессор БГУ. В 1926–1928 гг. возглавлял Инбелкульт (председатель, с 1927 г. – президент Инбелкульта), с декабря 1928 по январь 1931 г. – президент Белорусской академии наук, директор Института истории. С 1928 г. – академик Белорусской академии наук.

[70]Текст вписан вместо вычеркнутых слов «когда я однажды – в мае или июне 1926 г. (точно не помню) – зашел в ИБК, чтобы просить т. Игна-». По всей видимости, правка внесена непосредственно в момент написания воспоминаний.

[71]Текст вписан вместо вычеркнутого: «Так, однажды студенты задали ему вопрос: "Что значит слово "беллетристика"?" И услышали такое глубокомысленное объяснение».

[72]Круталевич Александр Прохорович (1894–1937) – ученый-математик, спортсмен-шашист, педагог. С 1921 г. – член методической комиссии при Наркомате просвещения БССР и Научно-терминологической комиссии Инбелкульта, с 1922 г. – преподаватель математики в Белпедтехникуме, с 1923 г. – секретарь Инбелкульта, член редколлегии по физическим и математическим изданиям Белорусского государственного издательства, ассистент (1925), доцент (1927) кафедры математики БГУ.

предубеждение «шчырых» против меня очень трудно, даже невозможно поколебать, Круталевич отмежевался от меня. Так же поступил и еще один член ИБК – М. Громыко[73], – который вначале при знакомстве со мною отнесся сочувственно к моему положению и неодобрительно к начинавшейся травле. Когда я зашел в ИБК во второй раз, то происходило общее собрание. Я скромно поместился у двери. Помню, пришел тогда на собрание и т. Балицкий[74], кот. в то время был вторым заместителем Наркома просвещения Белоруссии. Не помню точно, какие вопросы тогда обсуждались; но только вскоре все присутствовавшие разделились на две группы для терминологической работы. Вторая группа пришла в соседнюю комнату (заседании ИБК происходили
[л. 11] тогда в помещении ‖ Наркомпроса на углу Советской ул. и б. Архиерейского пер.). В первой комнате осталась комиссия по терминологии языка и литературы (*тут были Я. Купала, Я. Колас, Чаржынский*[75]*, Байков*[76]*, Лесик и мн. др.*). Заседание долго не начиналось. Присутствовавшие толпились, разговаривали; но никто ни с одним словом не обратился ко мне. Между тем многие уже были со мною знакомы и все знали, кто я и видели, что вот я явился к ним, значит, хочу работать. Между тем я видел, *что меня избегают*, что мое присутствие только стесняет этих людей. Я ушел тогда в соседнюю комнату, где заседала комиссия «прыродазнаўчай» терминологии, в тот раз обсуждались и принимались голосованием разные медицинские термины. Помню, что несколько замечаний вставил и я. Помню также, что до конца 1923 года мои посещения ИБК этим и ограничились, повторяю потому, главн. образом, что работа ИБК протекала по вечерам, *когда у меня бывали занятия на вечернем рабфаке*; да еще и потому, что, не получая никакой определенной работы и видя к тому же по отношению к себе политику полного игнорирования со стороны «сяброў» ИБК, чувствовал себя довольно глупо. Помню также, что, когда вскоре снова открылся поход против меня, эти же самые господа выдвигали как главное обвинение против меня именно это по их мнению умышленное нежелание работать в ИБК, отсутствие у меня интереса к этой работе: ловко обделывали дела!..

Помню еще, что меня вызывал к себе тогдашний декан педагогического факультета,
[л. 12] проф. Н. М. Никольский[77].

Последний интересовался почему-то вопросом, когда я проявил интерес к белорусскому вопросу и что я делал во время польской оккупации Белоруссии. Я рассказал ему всю чистую правду, что заинтересовался я белорусскими историей и языком только со времени войны с поляками, когда стал вопрос перед каждым белорусом, очутившимся на оккупированной территории, именно вопрос о том, что лучше: ополячиться ли или же в противовес тенденции Польши инкорпорировать Белоруссию как политически так и культурно-национально, – развивать белорусскую культуру, как средство оставить *массу трудящихся* белорусов *хозяевами* в их земле. Интерес мой, однако, не мог определенно развиться вследствие того, что в том местечке, где я был преподавателем русского и латинского яз. в общественной русской гимназии (м. Клецк), никакой белорусской работы не велось никем. Теперь, однако, я совершенно искренно готов служить делу строительства культуры родного края. Затем я узнал, что на меня воздвигались *еще*
[л. 13] какие-то политические поклепы, как на бывшего офицера. В этом отношении я, однако, был спокоен, т. к. ни в каких авантюрах никогда ‖ не участвовал. Вероятно тут хотели воспользоваться тем обстоятельством, что я имею в Белоруссии много однофамильцев, из которых, вероятно, далеко не все были непричастны к разного рода антисоветской деятельности. Вспоминаю даже один такой случай. Летом 1921 года, будучи *командирован Нар. Ком. по военным делам БССР* в Бобруйск для инспектирования постановки подготовительных работ в Бобр. уездном военном комиссариате и по проведению военного учета лошадей, упряжи и повозок (в то время я был в рядах Кр. Армии в должности помощника нач-ка Моб. отд. Нарвоенкомата Бел.), я явился к Бобр. уездному военному

[73]Громыко Михаил Александрович (1885–1969) – белорусский писатель и ученый. С 1921 г. преподавал геологию и минералогию в Белпедтехникуме и БГУ, работал в Инбелкульте и Белорусской академии наук, принимал участие в поисках нефти на Полесье.

[74]Балицкий Антон Васильевич (1891–1937) – государственный деятель БССР. С 1921 г. – заместитель наркома, с 1926 г. – нарком просвещения БССР. Действительный член Инбелкульта. В 1929–1930 гг. – член ЦИК БССР.

[75]Чаржинский (псевдоним – Дзержинский) Владислав Викентьевич (1897–1974) – белорусский литературовед, педагог и критик. Учился на этнолого-лингвистическом отделении педагогического факультета БГУ и преподавал белорусский язык на рабочем факультете БГУ. Сотрудничал с Инбелкультом и Белорусской академией наук.

[76]Байков Николай Яковлевич (1889 – после 1945) – белорусский лингвист, литературовед и педагог. В 1920-х гг. преподавал в Институте народного просвещения, Белпедтехникуме. С 1921 г. – ученый секретарь Терминологической комиссии Наркомата просвещения БССР, Словарной комиссии при Инбелкульте (1922–1928), Института языка и литературы Белорусской академии наук.

[77]Никольский Николай Михайлович (1877–1959) – известный историк-востоковед, библеист. На то время – декан педагогического факультета БГУ, профессор. С 1931 г. – академик Белорусской академии наук.

комиссару, т. Левкову[78]. Последний, когда я ему сказал о цели своего посещения и показал ему свои документы, назвав фамилию, вдруг очень внимательно воззрился на меня: — А как ваше имя-отчество? — Иосиф Васильевич. — А откуда вы родом? — Из Бобруйского уезда. — А волости? — Свислочской. — А не Глусской? — Нет. — А родственников у Вас там нет? — Нет. — Так. Гм… — А почему Вас это интересует? — в свою очередь задал я вопрос. — Гм… Видите ли, дело в том, что у вас есть однофамилец, который теперь оперирует с бандами зеленых в Глусской волости против нас. Его отряды подчинены Балаховичу[79], и последний произвел его уже в полковники. Он бывший штабс-
[л. 14] капитан. Тут я сказал комиссару, что я быв. поручик кавалерии ‖ и штабс-капитаном потому никак и никогда не мог быть, а мог бы быть только штабс-ротмистром, если бы дослужился до этого чина. Тут мы с т. Левковым посмеялись над совпадением фамилий, которое вдруг вызвало у него мысль о возможности столь романтического визита к нему полковника «армии» Булак-Балаховича в моей особе (В это лето как раз происходили известные налеты отрядов Балаховича в районе Гродзянка-Лапичи[80] и в других районах Белоруссии)[81]. Тут же я вспомнил три года назад, во время *немецкой*[82] оккупации, когда я был преподавателем русского языка в Глусской частной гимназии Танкевича, я там на вечере, устраивавшемся гимназией, действительно познакомился во время танцев со своим однофамильцем пехотным штабс-капитаном, щеголявшим на вечере все еще в своих штабс-капитанских погонах. Этот штабс-капитан даже познакомил меня с своими *двумя* сестрами (а м. б. только с одной — теперь уже не помню) и последние меня приглашали к себе в фольварок, кот. находился по их словам верстах, *кажется*, в двадцати от Глуска. Приглашением этим я, однако, не воспользовался, да к тому же вскоре, когда
[л. 15] немцы стали очищать ‖ Белоруссию, я со своей молодой женой, учительницей той же гимназии, в коей преподавал, переехали в Бобруйск, откуда я мечтал двинуться в Москву, но так и застрял на зиму в Бобруйске, сначала преподавая в частной женской гимназии Годницкого-Цвирко[83], а затем в преобразованной уже советской трудовой школе до мая *1919 г.*, когда был призван в Кр. Армию.

Вспоминая все возможные источники злоупотреблений моей фамилией, не могу не упомянуть и еще об одном весьма существенном. Этим источником могли быть утраченные мною *мои* личные документы, находившиеся среди вещей, кои в конце июля 1919 г. я оставил в своей комнате в Ново-Борисове, отправляясь в *краткосрочный (10-дневный)* отпуск в м. Клецк, куда был вызван *телеграммой* к жене. Последняя находилась у своих родителей в Клецке по случаю беременности, и в то время *как раз родила сына*[84]. Уехал я, конечно, налегке, захватив с собой только одну или две смены белья да запасной чистый китель. Все же вещи, *среди* кот. было изрядное количество белья, две шинели, *сапоги, ботинки*, оружие, книги, постель и пр. — все это осталось. Вследствие
[л. 16] *неожиданного* наступления, которое начали поляки через три дня после ‖ моего приезда в Клецк, я оказался отрезанным и хотя и пытался уехать, но не смог уже, т. к. Клецк, находившийся весьма близко от фронта, был моментально отрезан от Слуцка, кот. был занят даже, *кажется*, раньше Клецка. Так. образом мне volens-nolens пришлось очутиться в оккупированной зоне и я, сбросив с себя красную звезду и все прочее, напоминавшее мою военную службу, благополучно сошел за обыкновенного учителя. К счастью, меня тут же педагогический совет местной общественной гимназии избрал преподавателем русского и *латинского* языков, на место умершего весною того года Мартышенко (или Мартыненко?), а вещи мои, а с ними и мои личные документы так и пропали. Среди документов между прочим были: 1) Метрическое свидетельство о рождении, 2) Свидетельство о приписке к призывному участку в г. Бобруйске 3) Аттестат зрелости, выданный мне по окончании Бобруйской гимназии (с серебряной медалью) как сейчас помню,
[л. 17] датированный 4 июня 1911 года. 4) Препроводительное ‖ отношение из *Петербургского*

---

[78]Левков Максим Архипович (1894–1937) – один из организаторов и руководителей партизанского движения в Беларуси в годы Гражданской войны. С начала 1918 г. – военный комиссар Рудобельской волости, руководитель партизанской борьбы против войск Довбор-Мусницкого и немецких оккупантов в Бобруйском уезде. С августа 1919 г. – в Красной армии. С конца 1920 г. – военный комиссар Бобруйского уезда, председатель Замошского волисполкома. С 1931 по октябрь 1932 г. – нарком юстиции и прокурор БССР, председатель Центральной комиссии по делам бывших красноармейцев и красных партизан.

[79]Булак-Балахович Станислав Никодимович (1883–1940) – белорусский и польский военный деятель. Офицер кавалерии Русской императорской армии, генерал-майор белой армии, генерал отдельного отряда БНР. В 1918 г. вступил в Красную армию, сформировал в районе г. Луги кавалерийский полк и перешел с ним в ноябре 1918 г. к белым. В 1919 г. в чине генерал-майора участвовал в наступлении армии Юденича на Петроград, действуя в районах Гдова и Пскова. Участник советско-польской войны 1920 г.

[80]Гродзянка – деревня, Лапичи – железнодорожная станция в Осиповичском районе Могилёвской области.

[81]Имеется в виду полесский поход С. Булак-Балаховича осенью1920 г.

[82]Вписано вместо слова «польской».

[83]Годыцкий-Цвирко Иван Ромуальдович (1856–1942) – педагог, директор Молодечненской учительской семинарии (1900–1907). В 1907 г. открыл в Бобруйске частную 8-классную мужскую гимназию.

[84]Вписано вместо «я был вызван телеграммой». Имеется в виду сын Борис, который умер в малолетнем возрасте.

университета в Николаевское кавалерийское училище, в котором было указано, когда я в Ун-т поступил и сколько времени там пробыл и некот. друг.

В чьи руки попали эти бумаги, кто мог прикрывать свои м. б. весьма рискованные и темные дела моим именем, «один господи ты веси»!.. А м. б. и теперь еще подвизается где-нибудь?

Разворачивая далее страницы своей эпопеи, вспоминаю, что **мой разговор** моя беседа с деканом педфака, проф. Никольским, последнего по-видимому удовлетворила. После того, приблизительно в конце января 1924 года я был вызван на заседание предметной комиссии литер.-лингвистического отделения Педфака, чтобы дать отчет о своих занятиях по подготовке к преподавательской работе в избранной мною области, т. е. истории белор. языка. Помню, что, придя в университет (Педфак тогда помещался в двух *даже трех* зданиях на Университетской улице), я встретил на площадке лестницы пожилого дядю, который отрекомендовался Цветковым[85]. Я тут же вспомнил слышанные о нем отзывы, как о чудаковатом, но в высшей степени приспособляющемся человеке. До революции — это преподаватель местных средних учебных заведений и, кажется,
[л. 18] *духовной* семинарии. В тоже время он ‖ был сотрудником и даже, кажется, редактором одной из местных газет с ярко-националистической российской окраской, а также сотрудничал в Петербургской националистической (которую называли и просто «черносотенной») газетке «Свет»[86]. Впоследствии, когда во время немецкой и польской оккупации стало оформляться белорусское сепаратистское движение, этот гражданин примкнул к белорусам. По-видимому всякий черносотенный, зоологический национализм *всегда был* одинаково мил сердцу этого мужа, как бы он не назывался, просто «русский» или с добавлением слова «бело». Любопытно, что, когда *говорили и* говорят о Цветкове, то непременно вспоминали и вспоминают еще и Байкова, называя их всегда рядом: «Цвяткоў і Байкоў». Последний точно так же, как и Цветков, стал ренегатом российского официального национализма с тех пор, как последний потерял свою казну и «смажаным запахла» со стороны всяких других националистов. Этот персонаж также решительно, как и Цветков, объявил себя стопроцентным белорусом и принялся *с великим рвением* за уничтожение всяких истинных и ложных «россиянизмов», руссицизмов, «руссизмов» из создававшегося белорусского литературного языка. Такого нужного человека сразу
[л. 19] же оценил и ‖ взял под свою высокую руку С. Некрашевич и оба они рьяно взялись за фабрикацию практического белор. словаря[87], что было весьма полезно для торжества белорусской идеи, но было полезно и для более реальной вещи — для карманов этих граждан, которые с каждым новым изданием «слоўніка» заметно наполнялись, придавая соавторам вместе с славой и столь приятное для мещанских душ ощущение материальной обеспеченности, устойчивости.

Так вот, один из этих двух близнецов — именно *Л. Н.* Цветков — встретил меня очень льстиво, причем тут же заявил, указывая на рукопись, которую держал прямо под мышкой, что хочет сегодня прочесть в комиссии доклад о белорусских элементах в польском языке. Я отозвался, что это очень интересно. Цветков тогда дополнил, что хочет зачитать доклад для получения звания преподавателя (тогда он был ассистентом) и вел все научные лингвистические курсы за неимением более квалифицированных преподавателей и профессоров по кафедре. Затем подошел еще один студент, который тоже вступил со мною в разговор. Оказалось, что это член предметной комиссии от студенчества (IV кур-
[л. 20] са), фамилия ‖ Апацёнак[88]. Собрались преподаватели и началось заседание. Председательствовал проф. Замотин[89]. Когда дошла очередь до моего отчета о занятиях, я заявил, что мною в результате изучения литературы предмета написана работа критико-библиографического, методологического характера под заглавием «Историческое изучение белорусского языка в славянской филологии». В результате обмена мнениями предметная комиссия постановила предложить мне зачитать работу в совете отделений Педфака

[85]Цветков Лев Николаевич (1881–1937) – белорусский лингвист, литературовед, педагог. С 1922 г. – преподаватель белорусского языка на педагогическом факультете БГУ, с 1927 г. – доцент. В 1927 г. вынужден был покинуть БГУ. Автор ряда работ по истории белорусского языка. Секретарь Института научной речи.

[86]«Свет» – политическая, экономическая и литературная газета, выходившая в Санкт-Петербурге (1882–1917). Основатель – В. В. Комаров, редактор – И. П. Азукюль.

[87]Речь идет об издании: *Байкоў М. Я.* Беларуска-расійскі слоўнік / М. Я. Байкоў, С. М. Некрашэвіч. Менск : Дзярж. выд-ва Беларусі, 1926.

[88]Апатенок Федор Андреевич (1902–1943) – педагог. Окончил белорусские учительские курсы, затем БГУ. Преподавал в школе, на высших курсах белорусоведения, в Минском политехническом техникуме, Белпедтехникуме.

[89]Замотин Иван Иванович (1873–1942) – советский и белорусский литературовед и педагог. С 1922 г. – профессор кафедры русской литературы и методики преподавания литературы БГУ, с 1925 г. работал в Инбелкульте, Белорусской академии наук. Академик Белорусской академии наук (1928), член-корреспондент Академии наук СССР (1929). С 1931 г. – профессор Минского высшего педагогического института. В 1931–1933 гг. – директор Института литературы Белорусской академии наук. Составитель и редактор изданий произведений М. Богдановича, А. Гаруна, П. Труса и др.

в виде лекции на право преподавания (*provenia legenda*) в Университете курса исторической грамматики белорусского языка. Днем чтения лекции назначено было 1 февраля 1924 г. В текущих делах слово взял Цветков, заявивший, что он хотел бы в нынешнем заседании комиссии зачитать и свой доклад (при этом он вытащил из кармана упомянутую рукопись). Заявление Цветкова было принято *большинством* комиссии с очевидным удивлением. Председатель комиссии, проф. Замотин разъяснил Цветкову, что *даже* при всех прочих благоприятных обстоятельствах, доклад его не может быть заслушан
[л. 21] сегодня, т. к. ассистентом ‖ Цветковым не было подано соответствующего заявления. Что же касается желания Цветкова, чтобы работа послужила основанием для перевода его в следующую ступень квалификации – преподавательской, – то комиссия не имеет возможности подойти к его работе с этой стороны, ибо в своем составе не имеет ни одного специалиста-лингвиста профессора или преподавателя, которые могли бы дать авторитетную оценку. Доводы И. И. Замотина были признаны большинством комиссии правильными и заявление Цветкова было отклонено. Последовавшие затем события пролили на этот инцидент определенный свет, как на желание Цветкова (по указке группы «шчырых» белорусов-активистов) перебить *мне* дорогу к чтению курса истории белор. языка.

Наступило 1 февраля. Заседание Совета отделений Педфака было назначено днем часов в 12 или 1 час, хорошо уже не помню. Когда я явился в Университет (тогда уг. Ленинской и Университетской, в третьем этаже), то встретивший меня там секретарь Педагогического факультета А. Н. Вознесенский[90] сообщил мне взволнованно, что «шчырые» готовятся устроить мне обструкцию. Вслед за тем подошел ко мне студент
[л. 22] Апаценок и заявил, что мне лучше бы не читать ‖ вступительной лекции, т. к. студенты белор. секции моих лекций слушать не будут. На мой удивленный вопрос «почему?» – он что-то стал путанно объяснять, чего я сейчас уже не помню. Все это меня взволновало и я, встретив проф. Никольского, поставил его в известность о сделанном мне Апаценком заявлении. Н. М. Никольский сказал на это, что это демагогия Лёсика и К и что я не должен уступать этому возмутительному насилию и бойкоту преподавателя, которого они даже никогда не видели и не слышали. Я признал аргументы проф. Никольского вполне основательными и справедливыми, ибо во мне *также* поднялось чувство возмущения и протеста против наглой интриганско-политиканской клики, которая желала цинично отшвырнуть меня от университета, не желая даже *предварительно* ознакомиться с моей подготовкой к той работе, за которую я хотел взяться.

Последовавшее затем *полностью* изложено в протоколе этого заседания, который здесь приводится.

[Отрывки из дневника И. В. Волк-Левановича]

[л. 23] Не привился взгляд на преподавателя не как на...[91] а как на всего только старшего, более опытного и знающего (а не все и всегда знающего) товарища, руководителя аудитории в ее поисках знания и метода работы.

Сегодня же М. Н. П-ч[92] кратко сообщил мне, что вчера, т. е. 27 марта он был у Ул. Голубка[93] на банкете, который был устроен по случаю юбилея Голубка (народного артиста БССР, директора странствующего народного белор. театра). Приглашение он получил от самого артиста. На банкете в числе прочих оказался и Ильюченок[94] (партийный; прежде служил в Белор. госуд. издательстве в *качестве зам. Жилуновича*[95], но недавно оттуда был уволен вслед за Жилуновичем). Этот Ильюченок после ужина подсел к П-чу и повел с ним такой разговор (по белоруски).

---

[90]Вознесенский Александр Николаевич (1888–1966) – белорусский литературный критик, писатель, педагог. Был доцентом (1921–1927), профессором (1927–1930) БГУ. Преподавал историю русской литературы, методологию литературоведения.

[91]Неразборчиво.

[92]Сверху другим почерком дописано: «Мих. Ник. Петухович».

[93]Голубок (Голуб) Владислав Иосифович (1882–1937) – белорусский писатель, режиссер, актер, театральный деятель, художник. Первый народный артист БССР (1928). В 1920–1922 гг. – руководитель художественного отдела Наркомата просвещения БССР. В 1920 г. создал труппу белорусских артистов («театр Голубка») и до 1931 г. был ее художественным руководителем.

[94]Ильюченок Петр Викентьевич (1891–1945) – государственный деятель БССР. В 1921–1922 гг. работал в наркоматах социального обеспечения (заместитель наркома) и просвещения (заведующий белорусским отделом) БССР. В 1924–1925 и 1926–1928 гг. – технический редактор, заместитель председателя Белорусского государственного издательства. В 1925–1926 гг. – сотрудник постпредства в Варшаве, в 1928–1929 гг. – заместитель председателя Белпайторга.

[95]Жилунович Дмитрий Федорович (1887–1937) – белорусский политический и общественный деятель, писатель. С января по 3 февраля 1919 г. – председатель Временного рабоче-крестьянского правительства ССРБ, потом – политработник 14-й армии и штаба Западного фронта. Возглавлял Государственное издательство БССР, работал в Наркомате просвещения БССР, Институте истории Белорусской академии наук.

– Вы свинья!
– Что за тон?
– Никаких дискуссий!.. Тут все ответственные работники... Вы белорус, но вы не наш; будьте с нами и мы вас поддержим, а если нет, то мы вас шибанём! Мы уже хотели вас шибануть, но еще подождем, посмотрим!
– За что же вы меня шибанете?
– Вы ректор... нет, извините, – декан, а не проводите нашей линии.
– Какой линии? Я точно исполняю директивы партии и сов. власти в отношении белорусизации; что же я еще должен делать?
– Э!.. вы это только формально, а в душе вы не наш. Вы вст[речае]тесь и имеете дело
[л. 26] с Волк-Левановичем, эти[м]... [контрреволюцио]нером. Вы его этой осенью встреч...[96] ‖ ...которая не хочет умирать. Что было бы, если бы выродились подобные идеалисты? Мне думается, что наступила бы bellum omnium contra omnes, а за нею... смерть.

Сколько пришлось мне видеть кадровых офицеров, которые на поле сражения трусили в самые решительные минуты, и сколько вижу я теперь «кадровых» ученых, которые в нынешнюю знаменательную эпоху истории человечества – только ремесленники, думающие *лишь* о том, изготовить свой товар так, чтобы мог быть дважды и трижды и многажды продан, содержа в себе разноценные качества, рассчитанные на разные вкусы и потребности.

Мы, *недоноски*, так не предусмотрительны и потому мы глупы, глупы в «житейском» понимании этого слова. Но жизненно мы мудры, мудры как сама жизнь, в которой смерть, неудача *или ошибка* одних служат залогом жизни, преуспевания *или научения* других.

Почему, по какому поводу мне захотелось записать эти мысли? Разве они не являлись в моем... – Конечно являлись. Но сегодня...[97] ‖ ...и вот по какому поводу.

[л. 27] Сегодня на лекции *студенты* меня уличили в ошибке. И ошибка, точно, вот какая. В этом году, как и в предыдущие годы, поручен семинарий по языкознанию. Это – единственный семинарий *по языку* на литерат.-лингвистическом отделении Педфака на протяжении всего четырехлетнего курса. До этого года я вел его применительно к истории белор. языка, в прошлом году только перестроив применительно к курсу старо-славянского языка, *элементов истории белор. языка и диалектологии* с предварительной проработкой *элементов*[98] общего языковедения. В этом же году пришлось применяться уже по другому, ибо читающий курс сравнительной грамматики славянских языков профессор Н. Н. Дурново[99] пожелал, чтобы семинар был подсобным и к его курсу. Так. обр. мы занимаемся в этом году: элементами общего языковедения и старослав. языком, а также болгарским, сербским, чешским и польским языками. На элементы общего языковедения и старо-слав. язык потрачено было учебное время первого семестра;
[л. 25] в...[100] ‖ ...ром же семестре, теперь, мы занимаемся славянскими языками. Сегодня я закончил схематический обзор грамматических норм сербского языка. До этого пройден был такой же обзор (с чтением, записыванием и разбором соответствующих текстов) – болгарского языка. Случилось же сегодня так, что, когда я, записав на доске образцы спряжения imperfect и аориста от «плести» по сербски, привел параллельно образец спряжения этого же глагола по болгарски, «камчатка», т. е. несколько студентов (три-четыре человека), сидящие на задней парте, со злорадными улыбками заявили мне (собственно, один – Иодо[101]), что в свое время я форму imperfect по болгарски сообщил им не так и они записали не так. Если бы это было сделано без злорадных улыбок, а спокойным деловым тоном, то я бы, вероятно, с честью вышел из этого обстоятельства, т. е. сразу бы мог сообразить, что тогда я, вероятно, положившись на свою п... теперь я читаю почти...[102]

[л. 24] ...Допустил ошибку, кот. бы выяснил и исправил бы. Но тут мне сразу ударило в голову: Снова травля!.. Снова создание инцидента... Начинается точь-в-точь как в прошлом

---

[96]Низ страницы оторван, окончание текста отсутствует.
[97]Угол листа оборван.
[98]Вписано вместо слова «вопросов».
[99]Дурново Николай Николаевич (1876–1937) – российский и советский лингвист, член-корреспондент Академии наук СССР (1924), в 1928–1929 гг. – сотрудник Инбелкульта, Белорусской академии наук, профессор педагогического факультета БГУ. В 1929 г. лишен звания академика Белорусской академии наук.
[100]Край листа оборван.
[101]Возможно, имеется в виду Еда (Ёда) Николай Васильевич (1907 – ?) – студент БГУ (НАРБ. Ф. 205. Оп. 3. Д. 2731), затем – преподаватель рабочего факультета при медицинском институте в Минске. В сентябре 1933 г. арестован, а 1 сентября 1934 г. осужден коллегией ОГПУ как член контрреволюционной организации «Белорусский националистический центр» на 10 лет в Воркутинский исправительно-трудовой лагерь.
[102]Край листа оборван.

году. А вот в прошлом году я даже не сделал фактически ни одной ошибки, тем не менее *организованная* банда их мне приписала: об этом говорили на студенческом собрании, это зафиксировали в резолюции по моему делу в НКПросе. Воображаю, как эта хеўра будет ликовать и звонить о моей действительной ошибке!.. Я уже даже не пытаюсь оправдаться. Уже какие там оправдания, когда теперь роль профессора, лектора сведена к роли актера, подвизающегося на *театральных*[103] подмостках; актера, которого может судить и освистывать не только знаток и истинный ценитель искусства, но и всякий невежда, просто зевака, зашедший в храм искусства от нечего делать. Как страшно, что в нашем пролетарском университете, университете трудящихся до сих...[104]

ПАСТАНОВА

Камісіі па ацэнцы навуковай і пэдагогічнай дзейнасці дацэнта Беларускага Дзяржаўнага Унівэрсытэту ВОУК-ЛЕВАНОВІЧА[105]

Камісія, азнаеміўшыся з навуковымі працамі дацэнта Беларускага Дзяржаўнага Унівэрсытэту ВОУК-ЛЕВАНОВІЧА на подставе водзыву прафэсара Бул. Дзярж. Унівэрсытэту П. А. БУЗУКА[106], Прав. члену Інстытуту Беларускае культуры С. М. НЕКРАШЭВІЧА, дацэнта Беларускай мовы і літаратуры Бел. Дзярж. Акадэміі Сельскай і Лясной гаспадаркі М. І. ГАРЭЦКАГА[107], а таксама водзываў акадэміка ЛЯПУНАВА[108], праф. ІЛЬЛІНСКАГА[109] і РАСТАРГУЕВА[110] канстатуе, што дацэнт ВОУК-ЛЕВАНОВІЧ уладае ў пэўнай меры, як юрыдыцыяй, гэтак і мэтадалёгіяй мовазнаўства. Навуковыя працы яго, ня гледзячы на некаторыя памылкі ў іх, маюць навуковую каштоўнасць. Разам з гэтым Камісія знаходзіць у далейшым дацэнту ВОУК-ЛЕВАНОВІЧУ патрэбна звярнуць увагу на больш глыбокае вывучэньне стара-славянскіх і інш. славянскіх моваў.

Адначасна Камісія адзначае, што у тэй беларускай мове і правапісу, якіх прытрымліваецца дацэнт ВОУК-ЛЕВАНОВІЧ, маюцца адхіленьні ад прынятых на Беларусі нормаў. Гэтыя адхіленьні, паколькі яны ня улічваюць здабыткаў сучасная беларускай літаратурнай мовы, у частковасьці мовы беларускіх пісьменнікаў і прынятага на Беларусі правапісу, а кіруюцца індывідуальнымі навукова-неабгрунтаванымі спробамі, зьяўляюцца неспрыяючымі ў працэсе утварэньня і далейшага разьвіцьця беларускай літаратурнай мовы.

Што датычыцца пэдагогічных навыкаў і пэдагогічнай здольнасці дацэнта ВОУК-ЛЕВАНОВІЧА, Камісія на падставе вывучэньня матэр'ялаў паданых у камісію студэнтамі і іншымі асобамі, а таксама на аснове і суадносін паміж студэнтамі і дацэнтам ВОУК-ЛЕВАНОВІЧЕМ, канстатуе, што дацэнт ВОУК-ЛЕВАНОВІЧ, як малады навуковы пэдагогічны працаўнік яшчэ не выпрацаваў у сябе належнага пэдагогічнага такту ў адносінах да студэнцтва; апрача гэтага, дацэнт ВОУК-ЛЕВАНОВІЧ ня досыць уважліва адносіўся да запытваньняў студэнтаў у некаторых выпадках застаўляючы іх зусім без адказу, што дало магчымасць студэнтам абвінавачваць яго ў памылках, альбо навуковай непадрыхтованасьці.

Старшыня камісіі /ЛЫСОУ/[111]
З арыгіналам згодна: [подпіс ст. дзелавода БДУ]

[103]Вписано вместо слова «балаганных».
[104]На этом текст дневника обрывается.
[105]НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 879. Л. 121 (машинопись, копия). На обороте документа – штамп: «Разгледжана на пасяджэньні Праўленьня БДУ ад 25.VIII.1928 г. № 38. ПАСТАНАВІЛІ: 5. Прыняць да ведама. Копію перадаць Дэканату Пэдфаку. Ст. дзелавод БДУ [аўтограф]».
[106]Бузук Петр Афанасьевич (1891–1938) – белорусский советский лингвист-славист, педагог. Доктор филологических наук (1924). С 1925 г. приглашен на работу в БГУ. В 1926 г. перешел в Инбелкульт, где с 1929 г. занимал должность ученого секретаря и являлся председателем диалектологической комиссии.
[107]Горецкий Максим Иванович (1893–1838) – белорусский писатель, литературовед, переводчик, деятель национально-культурного возрождения. С 1923 г. преподавал белорусский язык и литературу на рабочем факультете БГУ, с 1926 г. – в Горецкой сельскохозяйственной академии (заведующий кафедрой белорусского языка, литературы и истории), работал в Инбелкульте (секретарь литературной комиссии) и Белорусской академии наук.
[108]Ляпунов Борис Михайлович (1862–1943) – российский и советский филолог-славист, академик Академии наук СССР (1923), профессор Новороссийского университета (1901–1924) и Ленинградского государственного университета (1924–1929).
[109]Ильинский Григорий Андреевич (1876–1937) – советский филолог-славист, историк и этнограф. Член-корреспондент Российской академии наук (1921), профессор Саратовского государственного университета (1920–1928).
[110]Расторгуев Павел Андреевич (1881–1959) – белорусский и российский языковед и педагог, профессор (1923). В 1925–1927 гг. исследовал говоры Гомельской и Смоленской областей.
[111]Информацию о председателе комиссии авторам обнаружить не удалось.

Адкрыты ліст Народнаму Камісару Асьветы БССР, А. Баліцкаму[112]

[л. 1] У № 266 (2454) «Савецкай Беларусі» ад 20.XI.1928 г. надрукавана Ваша прамова на ўсебеларускім зьезьдзе працаўнікоў мастацтва пад загалоўкам «Аб шляхох разьвіцьця беларускага тэатру». У гэтай прамове паміж іншым Вамі сказаны такія словы: «...мы рашуча асудзілі як расейскі нацыяналістычны ўхіл, спробу доцэнта Беларускага Дзяржаўнага Унівэрсытэту Воўк-Левановіча, які пад сьцягам арыентацыі на ўсход хацеў фактычна даказаць, што беларуская мова нічым, апроч выгавару, не адрозьніваецца ад расійскай, ня ўлічваючы разьвіцьця гэтай мовы ў беларускай літаратуры, у творах беларускіх пісьменьнікаў і г. д.».

Кажучы «мы рашуча асудзілі», Вы, пэўна, маеце на ўвазе пастанову Камісіі «для ацэнкі навуковай і пэдагогічнай дзейнасьці» маёй, як доцэнта Б. Дз. У., аб прызначэньні якой Нар. Кам. Асьветы паведамлялася ў № 86 «Савецкай Беларусі» ад 11.IV.1928 г. [л. 2] Асьмельваюся аднак ‖ зьвярнуць Вашу ўвагу на той факт, што <u>ў пастанове гэтай камісіі</u>, надрукаванай у № 166 «Зьвязды» ад 20.VII.1928 г., <u>зусім няма тых абвінавачаньняў</u> супроць мяне, якія знаходзяцца ў працытованых тут <u>Вашых</u> словах. Між тым камісія працавала <u>больш трох месяцаў</u> і мела, значыць, даволі часу, каб знайсьці і адзначыць тое, што нібыта знайшлі Вы. З Вашай заявы я толькі бачу, што Вы абсолютна не знаёмы з зьместам маіх апублікаваных да гэтага часу прац. Бо калі б Вы захацелі падмацаваць сваё цудоўнае абвінавачаньне, кінутае мне, якімі-небудзь цытатамі з гэтых прац, то пэўна не знайшлі б у іх нічога адпаведнага для Вашай мэты.

З прычыны гэтага лічу сваім грамадзянскім абавязкам перад грамадзкай думкай нашай краіны заявіць свой <u>рашучы протэст супроць Вашай беспадстаўнай заявы</u>, **якая па сваёй неадпаведнасьці фактам ёсць проста зьдзек над маёй асобай, як грамадзяніна і навуковага працаўніка**. Сваім выступленнем Вы — сьвядом ці несьвядома — фактычна санкцыянуеце той паход, які абвешчан супроць мяне ‖ [л. 3] крайнімі нацыяналістычнымі элементамі нашай краіны, перад якімі мая віна заключаецца толькі ў тым, што я знаходжу магчымым працаваць на карысьць беларускай навукі, не адгараджваючыся кітайскаю сьцяной ад усяго расійскага. І пэўна гэтая абставіна расцэньваецца, як мой «расійскі нацыяналістычны ўхіл»! *Абвінавачваючы мяне ў расійскім нацыяналістычным ухіле, Вы, т. Баліцкі, пэўна, не ведаеце, што мяне абвінавачваюць, мусць усе гэтыя ж асобы, часам і ў польскім ухіле! Дзе ж праўда? Як відаць пэўныя асобы...*[113] Есьць і яшчэ адна віна за мною: гэта тое, што я ўзяўся за навуковую працу ў галіне гісторыі беларускае мовы <u>без блаславеньня</u> той групы нацыяналістаў, якая з беларускай культурнай справы зрабіла <u>манаполію для вузкага кола асоб</u>, зьвязаных паміж сабой адносінамі сваяцтва альбо прыяцельства. Я ж пасьмеў глядзець на справу беларускага культурна-нацыянальнага адраджэньня, як на справу сацыялістычнага <u>дзяржаўнага</u> будаўніцтва, і заўсёды шчыра думаў і думаю, што ў вачох <u>пралетарскай</u> дзяржавы, якая будуе беларускую культуру, — роўнапраўны і роўнакаштоўны як тыя яе элементы (будзь то людзі ці словы), якія паходзяць з Заходняй Беларусі, гэтак і тыя, якія паходзяць з цэн-[л. 4] тральнай ці ўсходняй Беларусі. Мне дзіўным ‖ і цудоўным здаецца, што Вы, т. Баліцкі, як Народны Камісар Асьветы, *да гэтага часу* не далі сабе клопату об'ектыўна разабрацца ў гісторыі нячуванага і нябывалага па сваёй аморальнасьці цкаваньня мяне (на працягу вось ужо пяці год!), як навуковага працаўніка і проста як грамадзяніна. Праўда, у свой час Вы даручылі гэтую справу памянёнай камісіі, але чамусьці не здавольваецеся тымі данымі, якія адзначаны у *яе* пастанове; пэўна Вы ўжываеце *ў даным разе* мэтад <u>адміністрацыйнага «разьясьненьня»</u>, тлумачэньня, *але* робіце гэта церазліш вольна і беспадстаўна.

З гэтай прычыны мне прыдзецца, пэўна, зьвярнуцца за маёй грамадзкай рэабілітацыяй у тыя ўстановы, якія пастаўлены Савецкай Дзяржавай на старожы законнасьці і справядлівасьці, з просьбай дакладна і об'ектыўна ўстанавіць яснасць у гэтым пытаньні і зрабіць належныя вывады; тым больш, што работа камісіі НКА ў гэтых адносінах зрабіла далёка ня ўсё, хоць бы ўжо таму, што *мне* не дана было магчымасьці выступіць перад пленумам яе з сваімі аб'ясьненьнямі.

Доцэнт Б.Дз.У. Воўк-Левановіч
23.XI.1928 г.

[112] Личный архив Б. Н. Левоновича (рукопись).
[113] Последние пять слов плохо читаются.

Библиографические ссылки

1. Германовіч ІК. І. В. Воўк-Левановіч. *Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта імя У. І. Леніна. Серыя 4. Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. Псіхалогія*. 1971;1:31–36.

2. Германовіч ІК. Воўк-Левановіч Іосіф Васільевіч. У: Германовіч ІК. *Беларускія мовазноўцы. Том 1*. Прыгодзіч МР, Роўда ІС, складальнікі. Мінск: БДУ; 2006. с. 120–130.

3. Булахов МГ. Волк-Леонович Иосиф Васильевич. В: Булахов МГ. *Восточнославянские языковеды. Биобиблиографический словарь. Том 2*. Минск: Издательство БГУ имени В. И. Ленина; 1977. с. 133–135.

4. Шчэрбін ВК. Пытанні моўнай палітыкі ў працах І. Воўк-Левановіча. *Беларуская лінгвістыка*. 1989;36:24–31.

5. Цыхун ГА. Язэп Воўк-Левановіч і яго ўспаміны (з гісторыі ўніверсітэцкай славістыкі). В: Руденко ЕН, редактор. *Славянские языки: аспекты исследования*. Минск: Издательский центр БГУ; 2009. с. 230–235.

6. Чарнякевіч Ц. Спрэчка дзвюх культур: абмеркаванне дакладу В. Воўк-Левановіча 1 лютага 1924 г. у кантэксце філалагічнай навукі Беларусі 1920-х гадоў. *Асоба і час*. 2011;4:346–365.

7. Запрудски С. Белорусская лингвистика 1920-х гг. в ее отношениях с властью. *Studia Białorutenistyczne*. 2014; 8:139–156.

8. Король АД, редактор. Интеллектуальная элита Беларуси. *Основоположники белорусской науки и высшего образования (1919–1961)*. Минск: БГУ; 2019. 335 с.

9. Рублевская Л, Скалабан В. Лингвистическая дискуссия с расстрелом [Интернет]. SB.by. Беларусь сегодня. 2009 [процитировано 10 января 2020 г.]. Доступно по: https://www.sb.by/articles/lingvisticheskaya-diskussiya-s-rasstrelom.html.

10. Жук Т, Ліс М. Рукапісы не гараць. Іосіф Воўк-Левановіч [Інтэрнэт]. Tut.by. 2011 [працытавана 10 студзеня 2020 г.]. Даступна па: https://news.tut.by/culture/257428.html.

11. Рублеўская Л. *Сутарэнні Ромула*. Мінск: Кнігазбор; 2012. 519 с.

12. Петров М. Расстрел как итог лингвистической дискуссии. *Деды: дайджест публикаций по белорусской истории*. 2011;8:32–44.

13. Робинсон МА. Заявление профессора Н. Н. Дурново. *Славяноведение*. 2011;2:86–100.

14. Карзенка ГУ, Шаўчук ІІ. Узаемаадносіны паміж вучонымі як праява культуры (паводле аднаго пратакола). В: Тугай ВВ, редактор. *Европа: актуальные проблемы этнокультуры. Материалы Международной научно-теоретической конференции; 28 апреля 2010 г.; Минск, Беларусь*. Минск: БГПУ; 2010. с. 314–317.

15. Карлюкевич АН, редактор. *Академик Е. Ф. Карский. Биография. Том 2*. Минск: Полиграфкомбинат имени Якуба Коласа; 2019. 734 с.

16. Міхнюк УМ. *Арыштаваць у высылцы*. Мінск: БелНДІДАС; 1996. 149 с.

17. Платонаў Р. Слова за кратамі. У: Каўка А, укладальнік. *Скарыніч. Выпуск 3*. Мінск: Тэхналогія; 1997. с. 100–106.

18. Лёсік Я. *Збор твораў. 1921–1930*. Мінск: Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь; 2003. 395 с. Сумесна з выдавецтвам «Логвінаў».

References

1. Germanovich IK. [J. V. Volk-Levanovich]. *Vesnik Belaruskaga dzjarzhawnaga wniversitjeta imja U. I. Lenina. Seryja 4. Filalogija. Zhurnalistyka. Pedagogika. Psihalogija*. 1971;1:31–36. Belarusian.

2. Germanovich IK. [Volk-Levanovich Josef V.]. In: Germanovich IK. *Belaruskija movaznawcy. Tom 1* [Belarusian linguists. Volume 1]. Pryhodzich MR, Rouda IS, compilers. Minsk: Belarusian State University; 2006. p. 120–130. Belarusian.

3. Bulahov MG. [Volk-Levanovich Josef V.]. In: Bulahov MG. *Vostochnoslavyanskie yazykovedy. Biobibliograficheskii slovar'. Tom 2* [East Slavic linguists. Bio-bibliographic dictionary. Volume 2]. Minsk: Publishing House of the V. I. Lenin Belarusian State University; 1977. p. 133–135. Russian.

4. Shchjerbin VK. [Issues of language policy in the works of I. Volk-Levanovich]. *Belaruskaja lingvistyka*. 1989;36:24–31. Belarusian.

5. Cyhun GA. [Joseph Volk-Levanovich and his memoirs (from the history of university Slavic studies)]. In: Rudenko EN, editor. *Slavyanskie yazyki: aspekty issledovaniya* [Slavic languages: aspects of research]. Minsk: Publishing Center of the Belarusian State University; 2009. p. 230–235. Belarusian.

6. Charnjakevich C. [The two cultures dispute: viscussion of V. Volk-Levanovich's report on February 1, 1924 in the context of the philological science of Belarus in the 1920s]. *Asoba i chas*. 2011;4:346–365. Belarusian.

7. Zaprudski S. [Belarusian linguistics of the 1920s in her relationship with the authorities]. *Studia Białorutenistyczne*. 2014;8:139–156. Russian.

8. Korol AD, editor. *Intellektual'naya elita Belarusi. Osnovopolozhniki belorusskoi nauki i vysshego obrazovaniya (1919–1961)* [The intellectual elite of Belarus. Founders of Belarusian science and higher education (1919–1961)]. Minsk: Belarusian State University; 2019. 335 p. Russian.

9. Rublevskaja L, Skalaban V. Linguistic discussion with execution [Internet]. SB.by. Belarus Today. 2009 [cited 2020 January 10]. Available from: https://www.sb.by/articles/lingvisticheskaya-diskussiya-s-rasstrelom.html. Russian.

10. Zhuk T, Lis M. Manuscripts do not burn. Joseph Volk-Levanovich [Internet]. Tut.by. 2011 [cited 2020 January 10]. Available from: https://news.tut.by/culture/257428.html. Belarusian.

11. Rubleyskaja L. *Sutarjenni Romula* [Basements of Romulus]. Minsk: Knigasbor; 2012. 519 p. Belarusian.

12. Petrov M. [The execution as a result of a linguistic discussion]. *Dedy: daidzhest publikatsii po belorusskoi istorii*. 2011;8:32–44. Russian.

13. Robinson MA. [Statement by professor N. N. Durnovo]. *Slavjanovedenie*. 2011;2:86–100. Russian.

14. Karzenka GU, Shaychuk II. [Relationships between scientists as a manifestation of culture (under one protocol)]. In: Tugaj VV, editor. *Evropa: aktual'nye problemy etnokul'tury. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii; 28 aprelya 2010 g.; Minsk, Belarus'* [Europe: actual problems of ethnoculture. Materials of the International scientific and theoretical conference; 2010 April 28; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State Pedagogical University; 2010. p. 314–317. Belarusian.

15. Karljukevich AN, editor. *Akademik E. F. Karsky. Biografija. Tom 2* [Academician E. F. Karsky. Biography. Volume 2]. Minsk: Poligrafkombinat imeni Jakuba Kolasa; 2019. 734 p. Russian.

16. Mihnjuk UM. *Aryshtavac' u vysylcy* [Arrest in exile]. Minsk: BelNDIDAS; 1996. 149 p. Belarusian.

17. Platonay R. [Words behind bars]. In: Kauka A, compiler. *Skarynich*. *Issue 3*. Minsk: Tjehnalogija; 1997. p. 100–106. Belarusian.

18. Ljosik Ja. *Zbor tvoraw. 1921–1930* [Collected works. 1921–1930]. Minsk: National Archive of the Republic of Belarus; 2003. 395 p. Co-published by the «Lohvinau». Belarusian.

Статья поступила в редколлегию 15.04.2020.
Received by editorial board 15.04.2020.

Журнал Белорусского государственного университета. История. 2020;2:80–90
Journal of the Belarusian State University. History. 2020;2:80–90

УДК 94(47).084

ПЕДАГОГ-УЧЕНЫЙ С. З. КАЦЕНБОГЕН И СВЕРДЛОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ В 1935–1946 гг.

М. В. ПОПОВ[1)]***, М. В. СУВОРОВ***[1)]

[1)]*Уральский государственный педагогический университет, пр. Космонавтов, 26, 620017, г. Екатеринбург, Россия*

История высшей школы в России и ближнем зарубежье неразрывно связана с деятельностью представителей вузовской администрации, их преподавательской и научной активностью. Именно они были проводниками государственной политики в сфере высшего образования. В 1920–40-х гг. в высших учебных заведениях СССР учебная и научная работа в большой степени зависела от изменения общественно-политической обстановки в стране. Это нашло свое отражение в судьбе тех, кто стоял во главе вузовского управления. Исследование политической и профессиональной активности руководящих кадров советских вузов позволит дать правильную оценку их деятельности как администраторов, педагогов и ученых. В этом смысле изучение судьбы Соломона Захаровича Каценбогена – социолога, философа, педагога и вузовского руководителя – приобретает особый интерес и актуальность. Поводами для публикации могут служить также 100-летний юбилей со дня открытия Белорусского государственного университета и 90-летие создания Свердловского государственного педагогического института (ныне – Уральский государственный педагогический университет). Статья посвящена деятельности С. З. Каценбогена в период изменений в общественно-политической жизни, происходивших в СССР во второй половине 1930-х – 1940-е гг. Впервые целенаправленно исследуется его профессиональная активность как преподавателя и администратора в уральских вузах, прежде всего в Свердловском пединституте. Делаются попытки анализа политических настроений и поведения Соломона Захаровича в условиях сталинского режима, явившихся следствием необоснованных обвинений в его адрес: мнительность и недоверие к коллегам, снижение научной активности из-за боязни критики по политическим мотивам. В то же время авторы приходят к выводу о положительном вкладе профессора в совершенствование вузовской работы на Урале (новаторство в организации планирования научной деятельности высших учебных заведений, создание системы контроля со стороны заведующих кафедрами и администрации за проводимыми преподавателями занятиями). В условиях массовых репрессий Соломон Захарович не стал клеветником и карьеристом, он искренне верил, что благодаря своему добросовестному труду и нравственному поведению в конечном итоге добьется снятия с него партийных взысканий. Именно так оценивали профессора его коллеги – работники уральских вузов, но реабилитации от партийных чиновников С. З. Каценбоген так и не дождался. Судьба профессора С. З. Каценбогена во многом типична и ярко характеризует историческую обстановку в стране в период сталинского правления. В связи с этим цель настоящей статьи – выявить последствия воздействия политических факторов и особенностей общественной жизни в 1935–1946 гг. на деятельность вузовского руководителя, ученого и педагога. С другой стороны, мы пытались вести исследование в рамках историко-антропологического подхода, где человек выступает как действующее лицо истории, социальный фактор, носитель определенной политической культуры, менталитета. Для достижения цели и решения поставленных задач важное значение имеет расширение источниковой базы исследования в результате открытия ряда архивных материалов, ранее недоступных для историков.

Ключевые слова: высшее образование; Урал; вторая половина 1930-х – первая половина 1940-х гг.; политические взгляды; научно-преподавательская деятельность; вузовский руководитель; ученый; педагог; идеологический контроль; партийно-советское руководство; сталинские репрессии.

Образец цитирования:
Попов МВ, Суворов МВ. Педагог-ученый С. З. Каценбоген и Свердловский государственный педагогический институт в 1935–1946 гг. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2020;2:80–90.
https://doi.org/10.33581/2520-6338-2020-2-80-90

For citation:
Popov MV, Suvorov MV. Pedagogue and scholar S. Z. Katsenbogen and Sverdlovsk State Pedagogical Institute in 1935–1946. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2020;2:80–90. Russian.
https://doi.org/10.33581/2520-6338-2020-2-80-90

Авторы:
Михаил Валерьевич Попов – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры истории России Института общественных наук.
Максим Викторович Суворов – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории России Института общественных наук.

Authors:
Mikhail V. Popov, doctor of science (history), full professor; professor at the department of Russian history, Institute of Social Sciences.
m-v-popov@yandex.ru
Maksim V. Suvorov, PhD (history), docent; associate professor at the department of Russian history, Institute of Social Sciences.
mvs-19771@ya.ru

ПЕДАГОГ-ВУЧОНЫ С. З. КАЦЭНБОГЕН І СВЯРДЛОЎСКІ ДЗЯРЖАЎНЫ ПЕДАГАГІЧНЫ ІНСТЫТУТ У 1935–1946 гг.

М. В. ПАПОЎ[1*], *М. В. СУВОРАЎ*[1*]

[1*]*Уральскі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт,*
пр. Касманаўтаў, 26, 620017, г. Екацярынбург, Расія

Гісторыя вышэйшай школы ў Расіі і блізкім замежжы непарыўна звязана з дзейнасцю прадстаўнікоў адміністрацыі ВНУ, іх выкладчыцкай і навуковай актыўнасцю. Менавіта яны былі праваднікамі дзяржаўнай палітыкі ў сферы вышэйшай адукацыі. У 1920–40-х гг. у ВНУ СССР навучальная і навуковая работа ў большай ступені залежала ад змянення грамадска-палітычнай сітуацыі ў краіне. Гэта знайшло сваё адлюстраванне ў лёсах тых, хто стаяў на чале ВНУ. Даследаванне палітычнай і прафесійнай актыўнасці кіруючых кадраў савецкіх ВНУ дазволіць даць правільную ацэнку іх дзейнасці як адміністратараў, педагогаў і вучоных. У гэтым сэнсе вывучэнне лёсу Саламона Захаравіча Кацэнбогена – сацыёлага, філосафа, педагога і кіраўніка ВНУ – набывае асаблівую цікавасць і актуальнасць. Нагодай для публікацыі могуць служыць таксама 100-гадовы юбілей з дня адкрыцця Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта і 90-годдзе стварэння Свярдлоўскага дзяржаўнага педагагічнага інстытута (цяпер – Уральскі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт). Артыкул прысвечаны дзейнасці С. З. Кацэнбогена ў перыяд змяненняў у грамадска-палітычным жыцці, якія адбываліся ў СССР у другой палове 1930-х – 1940-я гг. Упершыню мэтанакіравана даследуецца яго прафесійная актыўнасць як выкладчыка і адміністратара ва ўральскіх ВНУ, перш за ўсё ў Свярдлоўскім педінстытуце. Зроблены спробы аналізу палітычных настрояў і паводзін Саламона Захаравіча ва ўмовах сталінскага рэжыму, якія былі вынікам неабгрунтаваных абвінавачанняў у яго адрас: падазронасць і недавер да калег, зніжэнне навуковай актыўнасці праз боязь крытыкі па палітычных матывах. У той жа час аўтары прыходзяць да высновы пра станоўчы ўклад прафесара ва ўдасканаленне работы ВНУ на Урале: наватарства ў арганізацыі планавання навучальнай дзейнасці ВНУ, стварэнне сістэмы кантролю з боку загадчыкаў кафедраў і адміністрацыі за праведзенымі выкладчыкамі заняткамі. Ва ўмовах масавых рэпрэсій Саламон Захаравіч не стаў паклёпнікам і кар’ерыстам, ён шчыра верыў, што дзякуючы сваёй добрасумленнай працы і маральным паводзінам у канчатковым выніку ён даможацца зняцця з яго партыйных спагнанняў. Менавіта так ацэньвалі прафесара яго калегі – работнікі ўральскіх ВНУ, але рэабілітацыі ад партыйных чыноўнікаў С. З. Кацэнбоген так і не дачакаўся. Лёс прафесара С. З. Кацэнбогена шмат у чым тыповы і ярка характарызуе гістарычную сітуацыю ў краіне ў перыяд сталінскага праўлення. У сувязі з гэтым мэта артыкула – выявіць наступствы ўздзеяння палітычных фактараў і асаблівасцей грамадскага жыцця ў 1935–1946 гг. на дзейнасць кіраўніка ВНУ, вучонага і педагога. З іншага боку, мы намагаліся весці даследаванне ў рамках гісторыка-антрапалагічнага падыходу, дзе чалавек выступае як дзейная асоба гісторыі, сацыяльны фактар, носьбіт пэўнай палітычнай культуры, менталітэту. Для дасягнення мэты і вырашэння пастаўленых задач важнае значэнне мае пашырэнне крыніцавай базы даследавання ў выніку адкрыцця шэрагу архіўных матэрыялаў, раней недаступных для гісторыкаў.

Ключавыя словы: вышэйшая адукацыя; Урал; другая палова 1930-х – першая палова 1940-х гг.; палітычныя погляды; навукова-выкладчыцкая дзейнасць; кіраўнік ВНУ; вучоны; педагог; ідэалагічны кантроль; партыйна-савецкае кіраўніцтва; сталінскія рэпрэсіі.

PEDAGOGUE AND SCHOLAR S. Z. KATSENBOGEN AND SVERDLOVSK STATE PEDAGOGICAL INSTITUTE IN 1935–1946

M. V. POPOV[a], *M. V. SUVOROV*[a]

[a]*Ural State Pedagogical University, 26 Kosmonavtov Avenue, Ekaterinburg 620017, Russia*
Corresponding author: M. V. Suvorov (mvs-19771@ya.ru)

The history of higher education in Russia and the near abroad is inseparably connected with the activity of higher education institutions administrators and their teaching and scholarly activity. They were the people who implemented the government policy in the sphere of higher education. In the 1920–40s, the academic and scholarly activity in the Soviet higher education institutions depended, to a large extent, on the change of the socio-political situation in the country. This was reflected in the fates of those who headed higher school administrations. The authors’ study of political and professional activity of higher school administrators can provide an objective assessment of their activity as managers, pedagogues and scholars. In this regard, the study the life of Solomon Zakharovich Katsenbogen – a sociologist, philosopher, pedagogue and higher school administrator becomes especially interesting and urgent. The 100th anniversary of the foundation of the Belarusian State University and the 90th anniversary of the foundation of Sverdlovsk State Pedagogical Institute (now Ural State Pedagogical University) can also serve as very good reasons for the publication of this material. The article deals with

the work of S. Z. Katsenbogen under the conditions of the change in the socio-political life taking place in the USSR in the second half of the 1930s – 1940s. It is the first attempt to study his professional activity as a lecturer and administrator at the higher education institutions of the Urals, and first of all at Sverdlovsk State Pedagogical Institute. The article analyzes the political leanings and behavior of S. Z. Katsenbogen under the conditions of the Stalinist regime, which was responsible for false allegations against him: suspiciousness and distrust in relation to colleagues and slowdown in scholarly activity because of fear of criticism for political reasons. At the same time, the authors make a conclusion about a positive contribution of the professor to the improvement of the functioning of higher schools in the Urals: a new approach to the organization of planning of scientific activity of higher education institutions, the creation of the system of control of the conduct of lectures and tutorials by teachers on the part of the heads of departments and higher school administration. Under the conditions of mass repression, S. Z. Katsenbogen did not become a slanderer and careerist; he sincerely believed that due to his hard work and moral behavior, he would eventually have his party disciplinary penalties withdrawn. His colleagues – pedagogues of the higher education institutions of the Urals – also believed in this, but he never achieved rehabilitation from the party officials. The fate of professor Katsenbogen was to a great extent highly typical of the historical situation in the country during Joseph Stalin's rule. In this perspective, the aim of the article is to reveal the consequences of the impact of political factors and peculiarities of the social life of the period of 1935–1946 on the activity of the higher school administrator, scholar and pedagogue. On the other hand, the authors tried to carry out their investigation within the framework of the historical-anthropological approach, in which a person functions as an active historical subject, as a historical factor, and as a bearer of a political culture and mentality. To achieve the aim and the tasks of the study, it is important to expand the investigation source base now as a result of publicizing a number of archival materials previously inaccessible for historians.

Keywords: higher education; Ural; the second half of the 1930s – the first half of the 1940s; political views; scientific and teaching activities; university manager; scientist; teacher; ideological control; party-Soviet leadership; Stalinist repression.

Биография С. З. Каценбогена нашла отражение в трудах современных историков России и ближнего зарубежья. С 1921 по 1925 г. его судьба была тесно связана с Белорусским государственным университетом. Соломон Захарович стоял у истоков основания БГУ, являлся заместителем ректора и одним из первых профессоров университета. Поэтому историками БГУ довольно подробно изучена биография С. З. Каценбогена в данный период [1]. В статье А. Н. Максимчика детально освещены ранние этапы жизни будущего профессора – дореволюционный и годы революции и Гражданской войны, а также проанализирована его деятельность в это время. Работа С. З. Каценбогена в различных должностях в Саратовском государственном университете имени Н. Г. Чернышевского (СГУ) во второй половине 1920-х – начале 1930-х гг. рассмотрена в статьях Л. С. Аникина и Д. В. Покатова [2–4].

После переезда в 1932 г. из Саратова в Ленинград (ныне – Санкт-Петербург) вплоть до 1935 г. Соломон Захарович занимал пост директора Ленинградского государственного педагогического института имени А. И. Герцена (ЛГПИ). Ленинградский период его научной и административной деятельности довольно подробно изучен петербургским исследователем И. А. Лапиной [5]. В ее статье дана высокая оценка трудов профессора по вопросам философии, социологии, педагогики, истории культуры и сделан справедливый вывод о том, что в 1920-х гг. С. З. Каценбоген способствовал институализации социологии и педологии и развитию социологических и педологических исследований там, где работал. В составленном А. Н. Максимчиком хронологическом указателе трудов С. З. Каценбогена приводятся библиографические данные 66 публикаций ученого с 1911 по 1939 г. [1, с. 81–83]. В целом в вышеупомянутых статьях С. З. Каценбоген получил высокую оценку как профессионал в сфере вузовского управления, талантливый ученый и педагог.

Последние 10 лет жизни Соломона Захаровича связаны с Уралом и главным образом Свердловским государственным педагогическим институтом (СГПИ). Однако взгляды, политическая и профессиональная активность ученого в 1935–1946 гг. не нашли достаточного отражения в имеющихся трудах. Только его научная и преподавательская деятельность, но уже в Уральском государственном университете имени А. М. Горького (УрГУ) затрагивается в ряде публикаций [6; 7]. Что касается работы С. З. Каценбогена в СГПИ, то она лишь фрагментарно рассматривалась в статьях по истории педагогического образования в Свердловске (ныне – Екатеринбург) [8; 9]. Поэтому в качестве основных поставленных в настоящем исследовании задач можно выделить следующие: показать роль С. З. Каценбогена как администратора в совершенствовании учебного процесса и улучшении научной работы в СГПИ во второй половине 1930-х гг.; дать оценку политическим взглядам профессора и его поведению в условиях массовых репрессий при сталинском режиме; осветить профессиональную деятельность Соломона Захаровича в годы Великой Отечественной войны.

В личном деле, подготовленном культурно-пропагандистским отделом Свердловского обкома ВКП(б) в ноябре 1935 г., после того как С. З. Каценбоген был назначен на должность директора СГПИ, указано, что он родился в 1889 г. в Минске в семье мещанина-служащего и имеет высшее образование: «Окончил Киевский коммерческий институт экономических наук (1910–1914) со званием кандидата экономических наук и Петроградский психоневрологический

институт, юридический факультет»[1]. В автобиографии, написанной в 1940 г., С. З. Каценбоген сообщает о своей деятельности до начала работы в области народного просвещения: служил статистиком и страховым агентом в Баку, секретарем на заводе, заведующим городской биржей труда и заместителем заведующего городским отделом социального обеспечения в Бобруйске. Лишь летом 1919 г. начинается чиновничья карьера будущего профессора: он занимает посты сперва заместителя народного комиссара социального обеспечения Литовско-Белорусской ССР, а с июля 1921 г. – заместителя народного комиссара просвещения БССР. В декабре 1921 г. С. З. Каценбоген переходит на преподавательскую и административную работу в БГУ[2]. Поскольку деятельность Соломона Захаровича в БГУ, СГУ и ЛГПИ, как уже отмечалось, подробно рассмотрена в публикациях А. Н. Максимчика и И. А. Лапиной, мы не будем на ней останавливаться.

Что касается политических взглядов С. З. Каценбогена, то в своей автобиографии он утверждает, что уже в 1904 г. (в 15 лет) подвергался преследованиям со стороны царских властей за участие в оппозиционном движении. При этом будущий профессор примкнул к Всеобщему еврейскому рабочему союзу в Литве, Польше и России (Бунду)[3]. Бунд считался социал-демократической организацией, придерживающейся скорее меньшевистских позиций, а значит, декларировал преимущества реформистского пути по сравнению с революционным насилием. Лишь из-за последствий начавшейся Гражданской войны и наметившихся успехов в ней советской власти Соломон Захарович в 1919–1920 гг. становится активным сторонником большевиков: находясь в рядах Красной армии с августа 1919 по июль 1920 г. на должности заместителя председателя Особой продовольственной комиссии Западного фронта в Смоленске, он являлся проводником большевистской политики насилия в отношении крестьянства, связанной с введением продразверстки в деревне в условиях «военного коммунизма». В составленном в октябре 1938 г. листке по учету кадров С. З. Каценбоген отметил, что, занимаясь заготовкой продовольствия в этот период на Смоленщине, принимал участие в боях с «белобандитами»[4]. Именно в это время в Смоленске, как пишет сам Соломон Захарович в автобиографии, он стал «председателем “Коммунистического бунда” для осуществления фактического слияния с РКП(б)»[5].

Поэтому с 1920 г. начинается партийный стаж будущего профессора в рядах большевистской партии. Став большевиком, С. З. Каценбоген принял участие во внутрипартийных дискуссиях, имевших место в начале 1920-х гг. В 1923 г. в ходе развернувшейся полемики о внутрипартийной демократии С. З. Каценбоген, видимо, протестуя против диктата партийного аппарата, в одной из речей, произнесенных в Минске, поддержал оппозицию. В июле 1938 г., оценивая свое поведение в 1923 г., профессор говорил, что он «выступал с троцкистскими речами, но голосовал за ЦК»[6]. Хотелось бы отметить, что в начале 1920-х гг. такое выступление было вполне допустимо и не расценивалось как антипартийное. Во время партийной чистки 1924 г. С. З. Каценбоген, не скрывая факта своего выпада, признал его ошибочным, и, казалось бы, инцидент можно было считать исчерпанным[7]. Видимо, поэтому, принимая участие в партчистках 1929 и 1933 гг., Соломон Захарович не счел нужным упоминать о своем поведении в 1923 г., хотя, возможно, он просто не хотел вновь касаться этой проблемы.

Однако в середине 1930-х гг. ситуация круто изменилась. Отчасти это обусловлено началом гонений на историческую школу Покровского и педологическую науку. Кроме того, в 1934 г. у С. З. Каценбогена, видимо, были личные связи с теми, кто разделял антисталинские настроения, в определенной мере имевшие место во время XVII съезда ВКП(б). Это проявилось, как отмечали компетентные партийные органы, «в антипартийном реагировании (С. З. Каценбогена. – *М. П.*, *М. С.*) на доклад т. Сталина на XVII партсъезде»[8]. Данный факт стал основной причиной того, что 23 марта 1935 г. парторганизацией ЛГПИ Соломон Захарович был исключен из партии «за сокрытие на партчистках 1929 и 1933 гг. своей троцкистской деятельности»[9]. Впрочем, Смольнинский райком ВКП(б) в Ленинграде восстановил партийное членство С. З. Каценбогена, объявив строгий выговор с предупреждением, а в июле 1935 г. партколлегия Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) утвердила это решение, сменив «строгий выговор за сокрытие на партчистках троцкистской деятельности» на выговор за сокрытие информации «о бывших у него (С. З. Каценбогена. – *М. П.*, *М. С.*) в 1923 г. колебаниях по организационному вопросу»[10]. Тем не менее уже в марте 1935 г. С. З. Каценбогена освободили от должностей заведующего кафедрой философии

[1]Центр документации обществ. орг. Свердл. обл. (ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 22. Д. 1861. Л. 1.
[2]Там же. Оп. 25. Д. 1500. Л. 9.
[3]Там же.
[4]Там же. Оп. 42. Д. 945. Л. 4.
[5]Там же. Оп. 25. Д. 1500. Л. 9.
[6]Там же. Ф. 240. Оп. 1. Д. 6. Л. 74.
[7]Там же. Ф. 4. Оп. 25. Д. 1500. Л. 9.
[8]Там же. Л. 50.
[9]Там же.
[10]Там же.

и директора ЛГПИ и направили в резерв Народного комиссариата просвещения (Наркомпроса). Лишь в октябре 1935 г. Соломон Захарович переезжает на Урал, где назначается директором пединститута в Свердловске, оставаясь на этой должности до августа 1936 г.[11]

Данный уральский вуз, как следует из годового отчета его нового директора, в 1935/36 учебном году включал в себя три сектора: 1) дневной четырехгодичный институт (350 студентов); 2) учительский двухгодичный институт (282 учащихся); 3) вечерний институт (149 студентов), а также заочное отделение (304 заочника) и рабочий факультет – рабфак (305 обучающихся)[12]. Профессорско-преподавательский состав насчитывал 39 штатных работников и 27 совместителей. Однако в СГПИ преподавали лишь 2 утвержденных профессора – С. В. Юшков (историк) и С. З. Каценбоген[13]. Новый директор вуза главное внимание уделял учебно-воспитательной работе. Проблемам ее улучшения были посвящены организованные дирекцией в 1935/36 учебном году различного рода производственные совещания: всего проведено 5 общеинститутских собраний, на каждом курсе состоялось от 2 до 5 подобных заседаний, на которых обсуждались вопросы об ударничестве и соцсоревновании, ликвидации академической задолженности, «борьбе» за отличников, трудовой дисциплине, выполнении учебных планов[14]. В годовом отчете Соломон Захарович справедливо указывал на значительные недостатки в организации научной деятельности преподавателей, главным из которых являлось то, что «пединститут не наладил выпуск своих ученых записок или научных сборников»[15]. В статье, напечатанной в областной газете «Уральский рабочий» в начале июня 1936 г., деятельность СГПИ получила положительную оценку: «Свердловский педагогический и учительский институты в 1936 г. выпустили 252 учителя. Учительский институт выпустил 20 преподавателей истории, 46 преподавателей физики и математики и 35 преподавателей литературы»[16].

Административная работа в тот период относительно высоко оплачивалась: в 1935/36 учебном году директор института дополнительно к оплате за преподавание получал 675 руб., декан факультета – 200 руб., заведующий кафедрой – 100 руб. В то же время зарплата библиотекаря в учебном заведении составляла от 80 до 200 руб., а электромонтера – 159 руб.[17] Средний размер студенческой стипендии был от 98 до 180 руб.[18]

Первый выпуск исторического факультета учительского института СГПИ, 1936 г.
(Музей истории Уральского государственного педагогического университета.
Публикуется впервые)

The first graduation of the historical faculty of the teacher institute, Sverdlovsk State Pedagogical Institute, 1936
(Museum of History of the Ural State Pedagogical University.
Published for the first time)

[11]ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 25. Д. 1500. Л. 50.
[12]Гос. арх. Свердл. обл. (ГАСО). Ф. Р-2162. Оп. 1. Д. 14. Л. 1.
[13]Там же.
[14]Там же. Л. 9.
[15]Там же. Л. 12.
[16]Урал. рабочий. 1936. 1 июня.
[17]ГАСО. Ф. Р-2162. Оп. 1. Д. 15. Л. 2.
[18]Там же. Д. 14. Л. 1.

Наряду с выполнением обязанностей директора С. З. Каценбоген проводил большую преподавательскую работу, являясь заведующим кафедрой философии. С апреля 1936 г. он стал членом партийного комитета СГПИ[19]. Соломон Захарович активно участвовал в проведении в областном Доме учителя лектория для школьных работников Свердловска, где читал лекции вместе с профессорами Н. С. Дмитриевым, И. Б. Астаховым, Н. П. Руткевичем[20]. Строго следуя партийным установкам, после выхода постановления ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе Наркомпросов» от 4 июля 1936 г. директор СГПИ опубликовал в центральной областной газете статью «Антимарксистская сущность педологической лженауки»[21]. Однако особой активности «в борьбе с педологическими извращениями», в том числе в своем вузе, С. З. Каценбоген не проявлял. Характерно, что на собрании учителей в свердловском клубе «Профинтерн» 8 июля 1936 г., обсуждавшем вышеуказанное постановление ЦК партии, он, будучи общепризнанным специалистом, с докладом не выступал. С речью к учителям обратился заведующий отделом науки и учебных заведений Свердловского обкома ВКП(б) М. В. Кузнецов[22].

Летом 1936 г. партийные органы инициировали проведение аттестации учителей общеобразовательных школ. Так, 1 июня 1936 г. под руководством второго секретаря Свердловского обкома ВКП(б) К. Ф. Пшеницина в областном центре состоялось общее собрание учителей города, на котором был заслушан доклад С. З. Каценбогена, назначенного председателем областной аттестационной комиссии. В своей речи Соломон Захарович заявил о том, что аттестацию должны пройти 828 учителей[23]. Аттестационные комиссии присвоили звание учителей начальной школы 160 педагогам, а звание учителей средней школы – 110 школьным работникам. Остальные были лишь временно допущены к педагогической деятельности с обязательством к концу 1938/39 учебного года повысить свою квалификацию[24]. При этом требования, предъявляемые к учителям прежде всего со стороны входивших в аттестационные комиссии чиновников, были значительно завышены, а порой и надуманы, так как аттестуемые обвинялись «в недостаточной политической активности» и «слабой политической грамотности» [8].

К началу 1936/37 учебного года общеобразовательный и профессиональный уровень подготовки учительских кадров в Свердловской области оставался крайне низким: среди преподавателей средней школы лишь 18,5 % имели высшее и незаконченное высшее образование, 60,8 % учителей – среднее образование. О недостатках в подготовке учительских кадров с тревогой писал в газете «Уральский рабочий» заведующий Свердловским областным отделом народного образования И. А. Перель. Решать проблемы чиновник предлагал чрезвычайными методами – путем проведения педагогическими учебными заведениями краткосрочных курсов. В частности, СГПИ предлагалось организовать месячные курсы, где следовало обучить 1767 преподавателей неполных средних и средних школ[25].

В этот период предполагаемые серьезные недоработки в деятельности различных учреждений, в том числе педагогических учебных заведений, большевистское руководство пыталось преодолеть исходя из «классового подхода» к выявлению их причин, путем разоблачения тех, кто якобы противодействовал политике советской власти. В данной ситуации вновь был поднят вопрос о «троцкистском» прошлом директора СГПИ.

Вряд ли инициаторами этого выступили партийные чиновники, что показали и дальнейшие события. Скорее всего, вопрос о политическом доверии С. З. Каценбогену в партийной организации института был поднят студентами-партийцами, которые составляли здесь большинство. Так, в 1935/36 учебном году из 41 члена и кандидата в члены ВКП(б) в СГПИ 25 человек были студентами, 13 – преподавателями, 3 – работниками хозчасти[26]. По решению парторганизации СГПИ 26 августа 1936 г. директор института был исключен из ВКП(б) «за троцкистскую деятельность в 1923 г.»[27].

Впрочем, исключение С. З. Каценбогена не было утверждено партийными органами. Сам Соломон Захарович, выступая на партийном собрании вуза в июле 1938 г., вспоминал, что секретарь Свердловского горкома ВКП(б) М. В. Кузнецов отменил решение об исключении из партии, заменив его строгим выговором[28]. С августа 1936 г. С. З. Каценбоген был снят с поста директора СГПИ, но продолжал оставаться заведующим кафедрой философии, профессором вуза[29]. Решение о восстановлении в партии принято Свердловским горкомом ВКП(б)

[19]ЦДООСО. Ф. 240. Оп. 1. Д. 3. Л. 60.
[20]Урал. рабочий. 1936. 1 июня.
[21]Там же. 1936. 8 июля.
[22]Там же. 1936. 9 июля.
[23]Там же. 1936. 2 июня.
[24]Там же. 1936. 8 авг.
[25]Там же. 1936. 10 авг.
[26]ЦДООСО. Ф. 240. Оп. 1. Д. 3. Л. 60.
[27]Там же. Ф. 4. Оп. 25. Д. 1500. Л. 50.
[28]Там же. Ф. 240. Оп. 1. Д. 8. Л. 97.
[29]Там же. Ф. 4. Оп. 25. Д. 1500. Л. 9.

10 ноября 1936 г.[30] Однако еще в сентябре того же года СГПИ посетил инструктор горкома партии, который в беседе с секретарем парторганизации вуза А. Серковой выяснил, что С. З. Каценбоген имеет десятилетний стаж работы по руководству пединститутом, а главное, как это указано в объяснительной записке чиновнику, «ЦК партии, тов. Ежов и другие знают его как хорошего работника»[31]. Можно предположить, что наличие у Соломона Захаровича личных связей в высшем партийном руководстве явилось причиной смягчения наказания, а также того, что во время пика политических репрессий в 1937–1938 гг. С. З. Каценбоген, несмотря на серьезные партийные взыскания, не подвергался арестам и продолжал свою преподавательскую, научную и административную деятельность в вузе.

Толчком к ужесточению политических репрессий, как известно, стали решения февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП(б) 1937 г. В 20-х числах мая 1937 г. был снят со всех своих постов, а затем арестован и расстрелян первый секретарь Свердловского обкома ВКП(б) И. Д. Кабаков. Та же участь ожидала и его многочисленных выдвиженцев среди обкомовских и облисполкомовских руководителей, городских и районных партийных секретарей [10, с. 270–271]. Уже 24 мая органами НКВД был арестован по обвинению в контрреволюционной и вредительской деятельности заведующий Свердловским областным отделом народного образования И. А. Перель [11, с. 151]. В июне подверглись репрессиям многие руководящие работники в системе просвещения в Свердловской области. Газета «Уральский рабочий» сообщала, что «руководители девяти из 16 аттестационных (учительских. – *М. П.*, *М. С.*) комиссий разоблачены и многие из них исключены из партии как враги народа»[32]. Поскольку поиск «врагов народа» становится одной из главных задач партийных чиновников, пришедших на смену «команде Кабакова», не избежал обвинений и С. З. Каценбоген. В 1937 г. первичная партийная организация СГПИ дважды принимала решение об исключении его из ВКП(б).

В первый раз инициатором кампании, направленной против профессора, выступил новый заведующий отделом пропаганды и агитации Свердловского горкома ВКП(б) В. К. Ансвесул. В прошлом коллега Соломона Захаровича (до июня 1937 г. занимал должность декана исторического факультета СГПИ), В. К. Ансвесул, исходя из установок партийных органов о необходимости «разоблачения вражеских вылазок», в условиях всеобщей подозрительности был искренне уверен, что «троцкистские ошибки» С. З. Каценбогена не являлись случайностью. По инициативе В. К. Ансвесула в парторганизации СГПИ 25 июня 1937 г. Соломон Захарович подвергся критике за расцененное как антипартийное выступление на институтском профсоюзном собрании, где С. З. Каценбоген заявил: «Хлебушка мало, и дорог он, маслица нет, и дорого оно». Это якобы противоречило утверждению Сталина о том, что «жить стало лучше, жить стало веселее»[33]. Понимая, что нелепые обвинения были вызваны его прошлыми «провинностями», Соломон Захарович сделал заявление: «Быть настроенным ко мне из-за того, что у меня в прошлом были ошибки, нельзя. Зачем подчеркивать порочащие меня факты? Чем бы дело ни кончилось… жизнь моя принадлежит стране и ее социалистическому строительству»[34]. Тем не менее по настоянию В. К. Ансвесула партсобрание вуза приняло решение об исключении бывшего директора из партии[35]. Второе аналогичное решение в 1937 г. было принято по заявлению заведующего заочным отделением СГПИ Шабашовой, которое, как вскоре выяснилось, оказалось явно клеветническим[36]. Однако июньское решение первичной партийной организации было утверждено по настоянию первого секретаря Свердловского обкома ВКП(б) А. Я. Столяра (как это вспоминал сам С. З. Каценбоген) на бюро горкома партии[37] лишь в ноябре 1937 г. с формулировкой «за троцкистскую деятельность»[38].

Вызывает удивление, что после этого не последовало никаких репрессий в отношении того, кто лишился партбилета: Соломон Захарович не только не был арестован или хотя бы уволен с должности, как подавляющее большинство исключенных. Для С. З. Каценбогена в декабре 1937 г. Наркомпрос РСФСР выделил в СГПИ ставку заведующего сектором научно-исследовательской работы, также Соломон Захарович продолжил свою деятельность в качестве профессора[39]. Даже более того, когда в начале 1938 г. А. Я. Столяр и В. К. Ансвесул сами были репрессированы, 3 июля этого же года партколлегия Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б), хотя и подтвердила исключение С. З. Каценбогена, приняла решение «считать возможным рассмотреть вопрос о восстановлении Каценбогена через год по отзыву парторганизации», а в августе 1938 г. решением той же партколлегии в качестве

[30]ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 25. Д. 1500. Л. 9.
[31]Там же. Ф. 120. Оп. 1. Д. 3. Л. 5.
[32]Урал. рабочий. 1937. 4 июля.
[33]ЦДООСО. Ф. 240. Оп. 1. Д. 3. Л. 90.
[34]Там же. Л. 93.
[35]Там же.
[36]Там же. Д. 6. Л. 74.
[37]Там же.
[38]Там же. Ф. 4. Оп. 25. Д. 1500. Л. 50.
[39]Там же. Л. 9.

наказания Соломон Захарович был лишь переведен на 1 год из членов в кандидаты в члены ВКП(б)[40].

Сектор научно-исследовательской работы в СГПИ, которым руководил С. З. Каценбоген, составил институтский план научной работы, календарный план научных командировок и план повышения квалификации молодых научных работников путем прикрепления к соответствующим кафедрам столичных вузов. К концу лета 1938 г. был подготовлен к печати первый выпуск издания «Ученые записки Свердловского государственного педагогического университета»[41]. С сентября 1938 по январь 1940 г. С. З. Каценбоген являлся уже исполняющим обязанности заместителя директора по научно-учебной работе СГПИ и профессором кафедр философии и основ марксизма-ленинизма[42].

Хотелось бы остановиться на деятельности С. З. Каценбогена как администратора на этих должностях. Соломон Захарович приложил много усилий для совершенствования учебного процесса в вузе: под его руководством было организовано обсуждение новых учебных программ по различным предметам на кафедрах и в студенческих коллективах, а после этого предложения о внесении изменений были отправлены в Комитет по делам высшей школы при СНК СССР[43]; в начале 1938/39 учебного года произошло объединение лекционных курсов на межфакультетской основе по политэкономии, философии, психологии, педагогике, истории педагогики и марксизму-ленинизму[44]. В целях усиления контроля за качеством преподавания учебная часть предложила деканам факультетов и заведующим кафедрами завести особые тетради для фиксации посещенных занятий преподавателей, а также сделанных в ходе этих проверок выводов и предложений. Как дополнительную меру контроля учебная часть впервые ввела в практику СГПИ стенографирование лекций ряда преподавателей. Почти все стенограммы были проверены учебной частью и обсуждены на заседаниях кафедр[45].

Можно по-разному оценивать усиление контрольных функций вузовской администрации в конце 1930-х гг., однако, руководствуясь установками Наркомпроса, заместитель директора СГПИ активно участвовал в их реализации. В 1938/39 учебном году С. З. Каценбоген лично посетил 60 лекций и практических занятий разных преподавателей, преимущественно первый год работавших в институте. После проверок он давал указания об исправлении недостатков в преподавании[46]. Большая работа проделана дирекцией по улучшению профессорско-преподавательского состава СГПИ. В институт были приглашены кандидат физико-математических наук, доцент А. А. Соколов, кандидат географических наук, доцент А. А. Мошкин, кандидат педагогических наук, доцент А. С. Пинт, профессор географии А. Н. Григорьев и ряд других специалистов. В это время начинает свою деятельность в вузе получивший впоследствии большую известность историк-византиновед М. Я. Сюзюмов. В 1938/39 учебном году из числа преподавателей СГПИ докторскую диссертацию защитил К. Н. Шапошников (физика), кандидатские – В. С. Мерлин (педагогика), Я. С. Юферев (история), Д. И. Чесноков и В. В. Неболюбов (философия)[47].

Уже в марте 1939 г. партколлегия Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) отменила свое решение, принятое в августе 1938 г., о переводе С. З. Каценбогена на 1 год из членов в кандидаты в члены партии[48]. Поэтому 1 апреля 1939 г. общее собрание партийной организации СГПИ, отметив, что опальный профессор за последние 8 месяцев (пребывание в статусе кандидата в члены ВКП(б)) «показал себя с хорошей стороны в чтении курса марксизма-ленинизма, а также на посту заместителя директора Свердловского пединститута по научно-учебной части, сумел добиться улучшения всего учебного и научного дела в институте», ходатайствовало перед вышестоящими партийными органами о возобновлении членства С. З. Каценбогена в партии с «восстановлением партстажа с 1920 г.»[49]. Постановление партсобрания было поддержано региональным партийным руководством. Однако 25 марта 1940 г. партколлегия отказала в просьбе С. З. Каценбогена о восстановлении его партийного стажа с 1920 г.[50] Тем не менее в мае 1940 г. первичная парторганизация СГПИ[51] и бюро Ленинского райкома ВКП(б) г. Свердловска приняли С. З. Каценбогена в члены партии с сохранением партстажа с 1920 г.[52]

С начала 1940 г. Соломон Захарович оставляет свою административную деятельность, продолжая работать в СГПИ в должности профессора кафедры основ марксизма-ленинизма. В 1940/41 учебном году он читал лекции и проводил семинарские занятия

[40]ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 25. Д. 1500. Л. 50.
[41]ГАСО. Ф. Р-2162. Оп. 1. Д. 22. Л. 18.
[42]ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 25. Д. 1500. Л. 9.
[43]ГАСО. Ф. Р-2162. Оп. 1. Д. 25. Л. 4.
[44]Там же. Л. 5.
[45]Там же.
[46]Там же.
[47]Там же. Л. 2.
[48]ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 25. Д. 1500. Л. 50.
[49]Там же. Ф. 10. Оп. 4. Д. 2852. Л. 2.
[50]Там же. Ф. 4. Оп. 25. Д. 1500. Л. 50.
[51]Там же. Ф. 120. Оп. 1. Д. 9. Л. 30.
[52]Там же. Ф. 4. Оп. 25. Д. 1500. Л. 50.

по основам марксизма-ленинизма на литературном факультете и факультете иностранных языков[53]. Объем нагрузки в учебном поручении С. З. Каценбогена был самым значительным на кафедре – 928 ч[54]. В то же время и денежное вознаграждение являлось самым большим – 1500 руб., что в 1,5 раза выше, чем у заведующего кафедрой доцента Д. И. Чеснокова[55]. Однако по итогам соцсоревнования за первый семестр 1940/41 учебного года оба были утверждены в качестве ударников и отличников[56].

Во время Великой Отечественной войны вплоть до 1944 г. основным местом работы С. З. Каценбогена оставался СГПИ, где он трудился в должности профессора кафедры основ марксизма-ленинизма. Однако уже в данный период он совмещал эту деятельность с работой в УрГУ в качестве заведующего кафедрой философии и ее преподавателя. В ноябре 1943 г. в СГПИ впервые открывается аспирантура, в том числе при кафедре основ марксизма-ленинизма, по специальности «философия». В аспирантуру приказом Наркомпроса РСФСР зачислялись проявившие себя в науке преподаватели и сотрудники вуза. Каждый из аспирантов шел на обучение к известному преподавателю института. Аспиранткой Соломона Захаровича стала выпускница истфака СГПИ, старший преподаватель кафедры основ марксизма-ленинизма С. М. Венгер [9, с. 14]. Несмотря на то что с начала 1944 г. УрГУ становится основным местом работы С. З. Каценбогена, вплоть до 16 октября 1944 г. он продолжает преподавательскую деятельность в СГПИ[57]. Так, весной 1944 г. Соломону Захаровичу приказом директора СГПИ поручалось чтение обзорных лекций по основам марксизма-ленинизма на историческом и литературном факультетах вуза[58]. На этих же факультетах вместе с профессорами Н. П. Руткевичем и А. П. Георгиевским он входил в состав комиссии по приему государственных экзаменов[59].

В 1940-х гг. С. З. Каценбоген продолжал писать апелляции в партийные органы, пытаясь решить вопрос о снятии с него взысканий, полученных в предшествующий период. Однако, несмотря на поддержку коллег из первичной партийной организации СГПИ, 9 апреля 1941 г. бюро Свердловского обкома ВКП(б) вынесло решение «от снятия партвзыскания с Каценбогена воздержаться»[60]. Более того, в августе 1943 г. член партколлегии Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) Тукмачев обнаружил, что в мае 1940 г. профессор был принят в члены партии с восстановлением партийного стажа с 1920 г. Поскольку это нарушало решение партколлегии от 25 марта 1940 г. (см. выше) и старый партстаж Соломону Захаровичу был установлен местными парторганами самовольно, Тукмачев предложил: «Каценбогена за обман парторганизации и Ленинского РК ВКП(б) и скрытие от партийной организации постановления партколлегии, отменявшего его просьбу о восстановлении партстажа, из членов ВКП(б) исключить»[61].

И хотя партийные чиновники не дали ход предложению Тукмачева, в начале 1945 г. Соломон Захарович вновь был незаслуженно обвинен в «троцкизме». В марте 1945 г. в Свердловский обком ВКП(б) поступило заявление заведующего кафедрой марксизма-ленинизма УрГУ Ф. П. Быстрых о том, что 23 декабря 1944 г. С. З. Каценбоген, делая доклад на собрании студентов и научных сотрудников УрГУ на тему «Сила ленинско-сталинского предвидения», допустил грубую ошибку по вопросу о вооруженном восстании в октябре 1917 г.: произвольно приписал В. И. Ленину слова о том, что 24 октября выступать рано, 26-го поздно, надо выступать 25-го. Ф. П. Быстрых характеризовал это утверждение как «извращение фактов троцкистского характера»[62].

Конечно, обвинения в «троцкизме» были надуманными, сам Соломон Захарович позднее признавал свою ошибку и объяснял ее тем, что при подготовке выступления он «использовал материал не из первоисточников»[63]. Тем не менее бюро Октябрьского райкома ВКП(б) 27 июня 1945 г. приняло решение указать С. З. Каценбогену на ошибку в докладе и предупредить его о том, что, если и впредь «будут допущены неточности в работе, он будет отстранен от работы»[64]. Секретарь партбюро УрГУ В. В. Чукин 12 марта 1946 г., дав в целом положительную характеристику деятельности заведующего кафедрой философии в вузе, в то же время указал, что С. З. Каценбогену «необходимо более тщательно продумывать свои выступления, употребляя простые и ясные выражения, избегая излишних, ненужных слов»[65].

Постоянные обвинения и необходимость оправдываться не могли не сказаться на здоровье профессора. Однако весной 1946 г. он вновь подает апелляцию о снятии с него строгого выговора с пре-

[53]Арх. Урал. гос. пед. ун-та. Ф. 1л. Оп. 1. Д. 84. Л. 186.
[54]Там же. Л. 205.
[55]Там же.
[56]Там же. Л. 1.
[57]Там же. Д. 154. Л. 33.
[58]Там же. Л. 122.
[59]Там же. Л. 117.
[60]ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 36. Д. 46. Л. 10.
[61]Там же. Оп. 25. Д. 1500. Л. 50.
[62]Там же. Л. 24.
[63]Там же. Л. 4.
[64]Там же. Л. 37.
[65]Там же. Л. 44.

дупреждением, вынесенного в мае 1935 г. Заявление С. З. Каценбогена было рассмотрено на партсобрании УрГУ 2 июня 1946 г. Соломон Захарович боялся, что недавние надуманные обвинения в «троцкизме» повлияют на отношение к нему со стороны членов парторганизации УрГУ. Но опасения оказались напрасными: собрание приняло решение ходатайствовать перед партийными органами о реабилитации С. З. Каценбогена. Сам Соломон Захарович заявил: «Сегодня я радуюсь, что наконец-то заслужил того, чтобы это партвзыскание было с меня снято»[66]. Однако узнать, какое решение приняли партийные чиновники по поводу постановления первичной партийной организации, С. З. Каценбогену было не суждено: 1 сентября 1946 г. он скончался.

Таким образом, во второй половине 1930-х – начале 1940-х гг. необоснованные надуманные обвинения в антипартийной деятельности, сопровождавшиеся очередным исключением из партии, но не получавшие утверждения в партийных органах, заставляли С. З. Каценбогена постоянно оправдываться, часто порождая недоверие к окружавшим его людям. В 1937 г. он написал письмо в Свердловский обком ВКП(б), обвиняющее в антипартийном поведении ряд коммунистов, в том числе директора СГПИ А. В. Козырева[67]. Однако его письма вряд ли носили карьеристский или клеветнический характер.

После исключения из партии в ноябре 1937 г. Соломон Захарович не был уволен из института и не подвергся аресту, как это произошло в 1937–1938 гг. с теми, кто выступил инициатором его преследований (М. В. Кузнецов, В. К. Ансвесул). Поэтому С. З. Каценбоген считал обвинения в свой адрес происками «врагов народа». В действительности местные чиновники просто стремились выполнить требование высшего партийно-советского руководства выявлять «классовых врагов» и «троцкистов». Опальный профессор с его надуманным «троцкистским» прошлым был весьма удобной мишенью для критики, а с другой стороны, необходимость постоянно оправдываться породила у С. З. Каценбогена некоторые личные качества, мешавшие ему в работе в коллективе СГПИ. В своем выступлении на партийном собрании 16 мая 1940 г. заведующий кафедрой основ марксизма-ленинизма СГПИ Д. И. Чесноков[68], отметив добросовестный труд Соломона Захаровича и его общественную активность, указал, что профессору необходимо изжить свою чрезвычайную мнительность, так как это «может привести к отрыву от членов нашей партийной организации»[69].

Тем не менее заслуги С. З. Каценбогена как вузовского руководителя и педагога в 1935–1946 гг. не вызывают сомнения. Поэтому он и пользовался поддержкой коллективов СГПИ и УрГУ. Именно во многом благодаря усилиям С. З. Каценбогена в конце 1930-х гг. в СГПИ введено планирование научной деятельности преподавателей и сотрудников, создана система контроля со стороны заведующих кафедрами и администрации за проводимыми преподавателями занятиями. Этот опыт был использован в последующие годы. В период войны Соломон Захарович являлся первым заведующим созданной им в УрГУ кафедры философии, а в 1943 г. в СГПИ – одним из научных руководителей во впервые открывшейся в вузе аспирантуре.

В то же время в последнее десятилетие жизни значительно меньшей была научная активность С. З. Каценбогена. По сути, опальный профессор не мог заниматься, как в 1920-х гг., исследованиями в области социологии и педологии, объявленными «лженаукой», к тому же были сужены возможности публикаций, поскольку в них могли оказаться неточности, выходящие за рамки установок партийного руководства и формулировок учебника «Краткий курс истории ВКП(б)». В приведенном А. Н. Максимчиком списке научных работ С. З. Каценбогена лишь 2 статьи написаны после 1935 г., при этом обе они опубликованы в издании «Ученые записки Свердловского государственного педагогического института» в 1939 г. [1, с. 83]. Сам профессор в регистрационном бланке члена ВКП(б) 23 июля 1945 г. отмечает, что всего он имеет 62 научных труда[70].

С. З. Каценбоген умер, так и не дождавшись снятия партийными чиновниками взыскания, вынесенного ему в 1935 г. Однако коммунисты СГПИ и УрГУ, рассматривая апелляции Соломона Захаровича, неизменно оказывали поддержку профессору, отмечая его добросовестность, общественную активность, заслуги в административной, научной и преподавательской работе в высших учебных заведениях.

Библиографические ссылки

1. Максимчик АН. Малоизвестные страницы биографии и деятельности профессора С. З. Каценбогена (1889–1946). *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2017;2:65–86.

2. Покатов ДВ, Аникин ЛС. Память и слава: Соломон Захарович Каценбоген. К 130-летию со дня рождения. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2020;1:95–98.

[66]ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 25. Д. 1500. Л. 44.
[67]Там же. Ф. 120. Оп. 1. Д. 6. Л. 2.
[68]В начале 1950-х гг. – главный редактор журнала «Вопросы философии» и член Президиума (Политбюро) ЦК КПСС.
[69]ЦДООСО. Ф. 120. Оп. 1. Д. 9. Л. 30.
[70]Там же. Ф. 4. Оп. 25. Д. 1500. Л. 23.

3. Покатов ДВ, Аникин ЛС. Реплика. С. З. Каценбоген: «Жить вопреки обстоятельствам». В: *Материалы Международной научно-практической конференции «Социальный конфликт: социетальное, региональное и историческое измерение» в рамках Международного научного симпозиума «Столетие гуманитарного образования в Саратовском государственном университете: диалог времен – прошедшего, настоящего и будущего», посвященного 100-летию гуманитарного образования в СГУ; 25 октября 2017 г.; Саратов, Россия.* Саратов: Саратовский источник; 2017. с. 89–92.

4. Аникин ЛС. Возвращение забытых имен: С. З. Каценбоген. В: Шахматова НВ, редактор. *Социология жизни: преемственность и развитие исследовательских традиций.* Саратов: Издательство Саратовского университета; 2010. с. 5–12.

5. Лапина ИА. Соломон Захарович Каценбоген: в авангарде культурной революции. В: Мельцин МО, Парижский СГ, редакторы. *Материалы Международной научной конференции «Евреи Европы и Ближнего Востока: культура и история, языки и литература»; 22 апреля 2018 г.; Санкт-Петербург, Россия.* Санкт-Петербург: Петербургский институт иудаики; 2018. с. 160–176. (Труды по иудаике; серия «История и этнография»).

6. Набойченко СС. Каценбоген Соломон Захарович. В: Набойченко СС. *История высшей школы Свердловской области*. Екатеринбург: Издательство «АМБ»; 2013. с. 129.

7. Каценбоген Соломон Захарович. В: Мазур ВА, составитель. *Уральский государственный университет в биографиях.* Подчиненов АВ, редактор. 3-е издание. Екатеринбург: Издательство Уральского университета; 2010. с. 398.

8. Попов МВ, Суворов МВ. Подготовка учительских кадров в Свердловске в 1930-х – начале 1940-х гг. *Педагогическое образование в России.* 2014;7:155–161.

9. Игошев БМ, Булах ВН. *Страницы истории аспирантуры СГПИ – УрГПУ (1943–2013).* Екатеринбург: [б. и.]; 2013. 124 с.

10. Сушков АВ. «Кадры решают всё!»: кадровая политика И. В. Сталина и руководители Свердловской области во второй половине 1930-х гг. В: *Актуализация исторического знания и исторического образования в современном обществе. Ежегодник. XVII Всероссийские историко-педагогические чтения. Часть 2.* Екатеринбург: [б. и.]; 2013. с. 265–278.

11. Суворов МВ. Судьба Иделя Абрамовича Переля – заведующего Уральским (Свердловским) отделом народного образования в 1927–1937 гг. В: *Социальная сфера на Урале во второй половине XIX – первой половине XX вв. в лицах.* Екатеринбург: [б. и.]; 2019. с. 151–162.

References

1. Maksimchik AN. Little known pages of biography and activities of professor S. Z. Katsenbogen (1889–1946). *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2017;2:65–86. Russian.

2. Pokatov DV, Anikin LS. Memory and honor: Solomon Zakharovich Katsenbogen. To the 130th anniversary. *Journal of the Belarusian State University. History*. 2020;1:95–98. Russian.

3. Pokatov DV, Anikin LS. Replica. S. Z. Katsenbogen: «Living contrary to circumstances». In: *Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Sotsial'nyi konflikt: sotsietal'noe, regional'noe i istoricheskoe izmerenie» v ramkakh Mezhdunarodnogo nauchnogo simpoziuma «Stoletie gumanitarnogo obrazovaniya v Saratovskom gosudarstvennom universitete: dialog vremen – proshedshego, nastoyashchego i budushchego», posvyashchennogo 100-letiyu gumanitarnogo obrazovaniya v SGU; 25 oktyabrya 2017 g.; Saratov, Rossiya* [Proceedings of the International scientific and practical conference «Social conflict: societal, regional and historical dimension» at the International scientific symposium «A century of humanitarian education at Saratov State University: a dialogue of times – past, present and future» dedicated to the 100th anniversary of humanitarian education in SSU; 2017 October 25; Saratov, Russia]. Saratov: Saratovskii istochnik; 2017. p. 89–92. Russian.

4. Anikin LS. [The return of forgotten names: S. Z. Katsenbogen]. In: Shakhmatova NV, editor. *Sotsiologiya zhizni: preemstvennost' i razvitie issledovatel'skikh traditsii* [Sociology of life: continuity and development of research traditions]. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta; 2010. p. 5–12. Russian.

5. Lapina IA. Solomon Zaharovich Katzenbogen: at the forefront of cultural revolution. In: Mel'tsin MO, Parizhskii SG, editors. *Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Evrei Evropy i Blizhnego Vostoka: kul'tura i istoriya, yazyki i literatura»; 22 aprelya 2018 g.; Sankt-Peterburg, Rossiya* [Proceedings of the International scientific conference «Jews of Europe and the Middle East: culture and history, languages and literature»; 2018 April 22; Saint Petersburg, Russia]. Saint Petersburg: Petersburg Institute of Judaism; 2018. p. 160–176. (Works on Judaica; series «History and Ethnography»). Russian.

6. Naboichenko SS. [Katsenbogen Solomon Zakharovich]. In: Naboichenko SS. *Istoriya vysshei shkoly Sverdlovskoi oblasti* [History of the higher school of the Sverdlovsk region]. Ekaterinburg: Izdatel'stvo «AMB»; 2013. p. 129. Russian.

7. [Katsenbogen Solomon Zakharovich]. In: Mazur VA, compiler. *Ural'skii gosudarstvennyi universitet v biografiyakh* [Ural State University in biographies]. Podchinenov AV, editor. 3rd edition. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta; 2010. p. 398. Russian.

8. Popov MV, Suvorov MV. Training of teachers in Sverdlovsk in the late 1930s and early 1940s. *Pedagogical Education in Russia.* 2014;7:155–161. Russian.

9. Igoshev BM, Bulakh VN. *Stranitsy istorii aspirantury SGPI – UrGPU (1943–2013)* [Pages of the history of graduate school Saratov State Pedagogical Institute – Ural State Pedagogical University (1943–2013)]. Ekaterinburg: [s. n.]; 2013. 124 p. Russian.

10. Sushkov AV. «Manpower policy determines everything!»: I. V. Stalin's manpower policy and leaders of Sverdlovskaya region in the second half of 1930s. In: *Aktualizatsiya istoricheskogo znaniya i istoricheskogo obrazovaniya v sovremennom obshchestve. Ezhegodnik. XVII Vserossiiskie istoriko-pedagogicheskie chteniya. Chast' 2* [Actualization of historical knowledge and historical education in modern society. Yearbook. 17th All-Russian historical and pedagogical readings. Part 2]. Ekaterinburg: [s. n.]; 2013. p. 265–278. Russian.

11. Suvorov MV. [The fate of Idel Abramovich Perel – head of the Ural (Sverdlovsk) department of public education in 1927–1937]. In: *Sotsial'naya sfera na Urale vo vtoroi polovine XIX – pervoi polovine XX vv. v litsakh* [The social sphere in the Urals in the second half of the 19th – the first half of the 20th centuries in faces]. Ekaterinburg: [s. n.]; 2019. p. 151–162. Russian.

Статья поступила в редколлегию 30.03.2020.
Received by editorial board 30.03.2020.

Археология

Археалогія

Archaeology

УДК 902/904(476)

КУЛЬТУРА ШАРОВИДНЫХ АМФОР НА ТЕРРИТОРИИ ЗАПАДНОГО ПОЛЕСЬЯ: ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ

А. В. ВАЙТОВИЧ[1)]

[1)]*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь*

В истории изучения культуры шаровидных амфор на территории Западного Полесья выделяются два этапа. В 1960–90-х гг. методологической базой исследований являлась теория культурных кирпичей. Была поднята проблема присутствия культуры шаровидных амфор на юго-западе Беларуси (В. Ф. Исаенко), при этом сама культура не становилась объектом специального изучения. В конце 1990-х гг. исследователи стали рассматривать ее в рамках политетической теории археологической культуры (М. Шмыт). Началось целенаправленное изучение феномена культуры шаровидных амфор на территории Западного Полесья (М. М. Кривальцевич, А. В. Вайтович (Зуева)). В публикациях центральное место заняли проблемы систематизации и культурно-таксономической интерпретации черт культуры шаровидных амфор в инокультурных комплексах. В настоящее время к числу приоритетных исследовательских задач относятся увеличение источниковой базы, уточнение хронологии распространения культуры шаровидных амфор в регионе, установление ее роли в социально-экономических трансформациях сообществ 3-го – начала 2-го тыс. до н. э.

Ключевые слова: историография; культура шаровидных амфор; культурная идентификация; Западное Полесье; неолит; бронзовый век.

Благодарность. Автор высказывает искреннюю признательность Е. Г. Калечиц, М. М. Кривальцевичу, В. М. Сидоровичу, В. Г. Белявцу, А. Н. Вашанову за возможность использовать их материалы для проведения исследования.

Образец цитирования:
Вайтовіч АУ. Культура шарападобных амфар на тэрыторыі Заходняга Палесся: гісторыя вывучэння і сучасны стан даследаванняў. *Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Гісторыя.* 2020;2:91–102.
https://doi.org/10.33581/2520-6338-2020-2-91-102

For citation:
Vaitovich AU. The Globular Amphora Culture on the territory of Western Palessye: history if research and current state of studies. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2020;2:91–102. Belarusian.
https://doi.org/10.33581/2520-6338-2020-2-91-102

Автор:
Александра Владимировна Вайтович – кандидат исторических наук; доцент кафедры археологии и специальных исторических дисциплин исторического факультета.

Author:
Aliaksandra U. Vaitovich, PhD (archaeology); associate professor at the department of archaeology and special historical disciplines, faculty of history.
vaitovich.aliaksandra@gmail.com
http://orcid.org/0000-0002-8082-4215

CC BY NC

Журнал Белорусского государственного университета. История. 2020;2:91–102
Journal of the Belarusian State University. History. 2020;2:91–102

КУЛЬТУРА ШАРАПАДОБНЫХ АМФАР НА ТЭРЫТОРЫІ ЗАХОДНЯГА ПАЛЕССЯ: ГІСТОРЫЯ ВЫВУЧЭННЯ І СУЧАСНЫ СТАН ДАСЛЕДАВАННЯЎ

А. У. ВАЙТОВІЧ[1*]

[1*]*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь*

У гісторыі вывучэння культуры шарападобных амфар на тэрыторыі Заходняга Палесся вылучаюцца два этапы. У 1960–90-я гг. метадалагічнай базай даследаванняў з’яўлялася тэорыя культурных цаглін. Была ўзнята праблема прысутнасці культуры шарападобных амфар на паўднёвым захадзе Беларусі (У. Ф. Ісаенка), прычым сама культура не станавілася аб’ектам спецыяльнага вывучэння. У канцы 1990-х гг. даследчыкі пачалі яе разглядаць у межах політэтычнай тэорыі археалагічнай культуры (М. Шмыт), разгарнулася мэтанакіраванае вывучэнне феномена культуры шарападобных амфар на тэрыторыі Заходняга Палесся (М. М. Крывальцэвіч, А. У. Вайтовіч (Зуева)). У публікацыях цэнтральнае месца занялі праблемы сістэматызацыі і культурна-таксанамічнай інтэрпрэтацыі прыкмет культуры шарападобных амфар у іншакультурных комплексах. У цяперашні час да ліку прыярытэтных даследчых задач належаць павелічэнне крыніцазнаўчай базы, удакладненне храналогіі распаўсюджання культуры шарападобных амфар у рэгіёне, вызначэнне яе ролі ў сацыяльна-эканамічных трансфармацыях супольнасцей 3-га – пачатку 2-га тыс. да н. э.

Ключавыя словы: гістарыяграфія; культура шарападобных амфар; культурная ідэнтыфікацыя; Заходняе Палессе; неаліт; бронзавы век.

Падзяка. Аўтар выказвае шчырую падзяку А. Г. Калечыц, М. М. Крывальцэвічу, В. М. Сідаровічу, В. Г. Беляўцу, А. М. Вашанаву за магчымасць карыстацца іх матэрыяламі для правядзення даследавання.

THE GLOBULAR AMPHORA CULTURE ON THE TERRITORY OF WESTERN PALESSYE: HISTORY IF RESEARCH AND CURRENT STATE OF STUDIES

A. U. VAITOVICH[a]

[a]*Belarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

In the history of the archaeological research of the Globular Amphora Culture on the territory of Western Palessye, two periods are distinguished. U. F. Isayenka was the first who pointed out the presence of Globular Amphora Culture elements on the South-Western region of Belarus in the second half of the 1960s. In the 1960–90s the issue of the Globular Amphora Culture on the area of interest to us appeared on the margins of studies of other cultures. The works had been based on the cultural bricks theory. Since the end of the 1990s the polythetic notion of the Globular Amphora Culture had been suggested (M. Szmyt). The special study on the Globular Amphora Culture on the territory of Western Palessye had begun (M. M. Kryvaltsevich, A. U. Vaitovich (Zuyeva)). The publications consider mostly aspects of the systematization and identification of the traits genetically linked to the Globular Amphora Culture in the local cultural environment. On the current stage of research, the expansion of the source database is needed. The issue of the chronology of the spreading of the Globular Amphora Culture traditions in the area in question requires more detailed study. Top priority should also be given to a thorough investigation of the problem of the role of the Globular Amphora Culture in the socio-economic transformation of the Western Palessye population in the 3rd – the beginning 2nd millenium BC.

Keywords: historiography; Globular Amphora Culture; cultural identification; Western Palessye; Neolithic; Bronze Age.

Acknowledgements. The author expresses sincere gratitude to A. G. Kaletchyc, M. M. Kryvaltsevich, V. M. Sidarovich, V. G. Beliavets, A. M. Vashanau for the opportunity to use their materials for research.

Уводзіны

Адным з найбольш адметных культурных феноменаў эпохі позняга неаліту на тэрыторыі Цэнтральнай і Усходняй Еўропы з’яўлялася культура шарападобных амфар (КША). Гэта культура склалася ў канцы 4-га тыс. да н. э. на прасторах еўрапейскіх нізін ад басейна Эльбы да Віслы і на працягу 3-га – пачатку 2-га тыс. да н. э. распаўсюдзілася ад Балтыйскага мора на поўначы да міжрэчча Серата і Прута на поўдні, ад Одэра на захадзе да Падняпроўя на ўсходзе. Пачынаючы з другой чвэрці 3-га тыс. да н. э. носьбіты КША пранікалі і на тэрыторыю сучаснай Беларусі.

Першыя звесткі аб выяўленні матэрыялаў КША на Заходнім Палессі былі апублікаваны ў другой палове 1960-х гг. [1, с. 157]. Аднак даволі прадстаўнічая бібліяграфія, прысвечаная пытанням распаўсюджання КША на паўднёвым захадзе краіны, дагэтуль не атрымала дэталёвага асэнсавання. Папершае, асноўным прадметам гістарыяграфічных аглядаў станавіліся навуковыя дасягненні апошніх дзесяцігоддзяў. Высновы, зробленыя даследчыкамі ў 1960–70-я гг., не аналізаваліся. Па-другое, намаганні аўтараў скіроўваліся пераважна на разгляд крыніцазнаўчых аспектаў вывучэння КША. Практычна па-за ўвагай спецыялістаў заставаліся метадалагічныя складнікі даследчых канцэпцый [2; 3, s. 230, 232; 4, с. 430]. Разам з тым усебаковы аналіз гісторыі вывучэння КША на заходнепалескіх абшарах неабходны не толькі для ацэнкі сучаснага стану і перспектыў рэканструкцыі культурнага развіцця рэгіёна ў перыяд неаліту – бронзавага веку, але і для належнага разумення гісторыі айчыннай археалогіі. Згаданыя акалічнасці абумоўліваюць **актуальнасць** дадзенага артыкула.

Мэтай гэтай публікацыі з'яўляецца разгляд этапаў гісторыі вывучэння КША на тэрыторыі Заходняга Палесся, што дапаможа вызначыць ступень вырашанасці асноўных праблем і акрэсліць кірункі будучых даследаванняў.

Вывучэнне КША ў 1960–90-я гг.

На працягу значнага перыяду вывучэннем КША на тэрыторыі Заходняга Палесся займаўся амаль выключна У. Ф. Ісаенка. Даследчык не стварыў цэльную канцэпцыю развіцця культуры ў межах згаданага рэгіёна. Разам з тым аналіз урыўкавых звестак, прыведзеных у шэрагу публікацый У. Ф. Ісаенкі, дазваляе сістэматызаваць уяўленні навукоўца аб распаўсюджанні КША на паўднёвым захадзе Беларусі і прадставіць іх ва ўпарадкаваным выглядзе.

Калі змест асобных тэзісаў У. Ф. Ісаенкі неаднаразова карэкціраваўся, то тэарэтычны базіс, на які абапіраўся даследчык, на працягу дзесяцігоддзяў заставаўся нязменным. У 1969 г. У. Ф. Ісаенка сцвярджаў, што археалагічная культура – гэта «гістарычная агульнасць археалагічных помнікаў пэўнага перыяду, эпохі на акрэсленай тэрыторыі. Пры вылучэнні археалагічных культур… перавага аддаецца прыкметам, якія не залежаць ад аднолькавых умоў існавання або адной ступені грамадскаэканамічнага развіцця (форма і арнаментацыя посуду, тып жылля, упрыгожанні і інш.). Археалагічная культура ранніх эпох з'яўляецца паказчыкам адзінства этнасу, мовы і, магчыма, антрапалагічнага тыпу»[1]. Такіх поглядаў навуковец прытрымліваўся і ў 1990-я гг.[2] [5, с. 29].

Тэарэтычная мадэль, у межах якой працаваў У. Ф. Ісаенка, адпавядала так званай тэорыі культурных цаглін (*cultural brick theory*) (параўн. [6, p. 35, 37, 246–247]). Згодна з гэтым падыходам археалагічная культура ўспрымаецца як сукупнасць прыкмет з выразнымі межамі іх распаўсюджання, а вылучэнне таксанамічных адзінак і аднясенне да іх археалагічных матэрыялаў не выклікае вялікіх цяжкасцей [7, с. 56–59, 361]. Аналагічнае разуменне аднаго з фундаментальных паняццяў археалогіі адзначалася ў працах многіх археолагаў другой паловы XX ст. [7, с. 55–56; 8, с. 71]. Варта таксама ўлічваць, што агучанае У. Ф. Ісаенкам палажэнне аб поўным супадзенні археалагічнай культуры і этнасу характэрнае для так званай этнакомплекснай версіі вызначэння археалагічнай культуры [7, с. 149]. Менавіта такі падыход падтрымлівала пераважная большасць савецкіх даследчыкаў (параўн. [7, с. 149–152; 8, с. 71]).

Такім чынам, метадалагічныя асновы працы У. Ф. Ісаенкі цалкам знаходзіліся ў рэчышчы тых тэарэтычных мадэлей, што дамінавалі ва ўсходнееўрапейскай археалогіі ў пасляваенны час. Разам з тым канкрэтныя высновы навукоўца, якія датычыліся праблемы прысутнасці КША на тэрыторыі Заходняга Палесся, вылучаліся самастойнасцю і арыгінальнасцю.

У пачатку 1950-х гг. А. Я. Брусаў, разглядаючы неалітычныя культуры «еўрапейскай часткі СССР», услед за І. Ф. Лявіцкім вылучыў асобную валынскую мегалітычную культуру, якую супрацьпаставіў КША на тэрыторыі Цэнтральнай Еўропы. Даследчык абгрунтоўваў мясцовае паходжанне «культуры валынскіх мегалітаў», крытыкуючы «тэндэнцыйную» гіпотэзу «фашысцкіх археолагаў» аб прасоўванні носьбітаў КША з больш заходніх рэгіёнаў [9, с. 220–227].

Прыступіўшы да вывучэння археалагічных культур эпохі неаліту ва ўмовах новай ідэалагічнай кан'юнктуры, У. Ф. Ісаенка адмовіўся ад палітызаванага аўтахтоннага кірунку інтэрпрэтацыі. Ужо пачынаючы з другой паловы 1960-х гг., падзяляючы падыходы І. К. Свешнікава і Т. Вісляньскага [10, s. 86–90; 11, p. 9], навуковец разглядаў валынскую мегалітычную культуру ў якасці адной з груп КША [12, рыс. 3, *8*]. Мяркуючы па апублікаваных У. Ф. Ісаенкам і М. М. Чарняўскім картах рассялення першабытных плямён (1970), распаўсюджанне КША ў заходніх раёнах Беларусі звязвалася з уплывам не

[1] *Ісаенка У. Ф.* Археалагічная культура // Беларус. сав. энцыкл. Т. 1. А – Афіна. / гал. рэд. П. У. Броўка. Мінск : БелСЭ, 1969. С. 468.

[2] *Ісаенка У. Ф.* Археалагічная культура // Археалогія і нумізматыка Беларусі : энцыклапедыя / рэдкал.: В. В. Гетаў [і інш.]. Мінск : БелЭн, 1993. С. 47–48.

валынскіх, а польскіх «амфарных» супольнасцей [13, рис. 27, *3*, *4*, рис. 43, *1*, *2*]. Згаданая рэканструкцыя кірункаў міграцыі «шарападобнікаў» паўтаралася і ў пазнейшых публікацыях У. Ф. Ісаенкі [14, рис. 46, *11*].

Даследчык неаднаразова закранаў пытанне аб межах КША на тэрыторыі Беларусі. У канцы 1960-х гг. ён меркаваў, што КША была распаўсюджана на паўднёвым захадзе краіны [12, рис. 3]. Манаграфія 1976 г. утрымлівае супярэчлівыя даныя. Прыводзячы карту культур эпохі неаліту, У. Ф. Ісаенка ўключыў у арэал КША толькі Панямонне [14, рис. 46]. Пры гэтым у тэкставай частцы публікацыі навуковец адзначыў прысутнасць «помнікаў з шарападобнымі амфарамі» і на Заходнім Палессі [14, с. 115]. У пачатку 2000-х гг. навуковец згадваў помнікі КША ў ваколіцах г. Ваўкавыска і в. Моталь Іванаўскага раёна [15, с. 9].

Даволі супярэчлівымі выглядаюць і спробы У. Ф. Ісаенкі вызначыць храналагічныя межы існавання КША на тэрыторыі Заходняга Палесся. Варта ўлічваць, што навуковец распрацоўваў выключна адносную храналогію культуры, абапіраючыся на даныя, атрыманыя ў сумежных рэгіёнах. У другой палове 1960-х – пачатку 1970-х гг. даследчык адносіў распаўсюджанне КША да неалітычнага часу альбо да ранняга перыяду бронзавага веку. Гэтыя эпохі, паводле некаліброванай храналогіі, абмяжоўваліся 2700/2500–1700 гг. да н. э. і канцом 3-га або пачаткам 2-га тыс. да н. э. – 1600/1500 гг. да н. э. адпаведна [12, рис. 3, рис. 9, *1*, *2*; 13, с. 109, 117, рис. 43, *1*, *2*]. У манаграфіі, у якой падводзіліся вынікі даследавання каменнага і бронзавага вякоў Прыпяцкага Палесся, У. Ф. Ісаенка датаваў помнікі КША на паўднёвым захадзе краіны канцом сярэдняга неаліту – познім неалітам (каля 2500–1800/1700 гг. да н. э.) [14, с. 110, 115, рис. 45]. У працы даследчыка, якая выйшла ў тым жа годзе, адзначалася, што КША існавала ў энеаліце – бронзавым веку (сярэдзіне 3-га – пачатку 2-га тыс. да н. э.) [16, с. 19, рис. 1, 13]. У першай палове 1980-х гг. навуковец зноў аднёс КША на захадзе Палесся да неалітычнай эпохі [17, с. 16–17].

Закранаў У. Ф. Ісаенка і праблемы ўзаемадзеяння прышлай КША і мясцовых культур неаліту – бронзавага веку. На думку даследчыка, прысутнасць на тэрыторыі паўднёвага захаду Беларусі КША, а таксама некаторых іншых сінхронных культур садзейнічала ўскладненню форм і арнаментацыі «грабеньчатай керамікі плямён Палесся»[3] [14, с. 115]. Акрамя таго, навуковец меркаваў, што КША і валынская мегалітычная культура ўздзейнічалі на палескую групу (культуру) шнуравой керамікі [13, с. 124]. Абгрунтаванні згаданых сцверджанняў не прапаноўваліся.

Звяртаючыся да праблем гаспадарчых заняткаў носьбітаў КША, У. Ф. Ісаенка адзначаў, што «шарападобнікі» займаліся земляробствам і жывёлагадоўляй [16, с. 19]. Разам з тым станаўленне вытворчай гаспадаркі на тэрыторыі Заходняга Палесся ён звязваў з уздзеяннем іншых цэнтральнаеўрапейскіх культур – культуры лейкападобных кубкаў і культуры шнуравой керамікі [18, с. 5–15].

Не абмінаў У. Ф. Ісаенка і пытанні этнічных інтэрпрэтацый. Пачатковым пунктам у дыскусіі беларускіх даследчыкаў аб этнічнай прыналежнасці насельніцтва КША варта лічыць публікацыю Э. М. Загарульскага [19]. Навуковец зыходзіў з таго меркавання, што тэрыторыя, месца і час распаўсюджання КША, а таксама даныя аб этнічных працэсах, якія адбываліся ў арэале культуры ў 3-м тыс. да н. э., адпавядалі ўмовам складвання новай этнічнай агульнасці – славян. У сувязі з гэтым ён атаясамліваў КША з першай славянскай археалагічнай культурай. Улічваючы факт выяўлення помнікаў КША на Беларускім Панямонні, Э. М. Загарульскі ўключаў у арэал прарадзімы славян заходнія і паўднёва-заходнія раёны Беларусі [19, с. 51–53]. Гіпотэза Э. М. Загарульскага не знайшла падтрымкі сярод спецыялістаў і неаднаразова крытыкавалася У. Ф. Ісаенкам [20, с. 24–25; 5, с. 27]. На яго думку, носьбіты КША з'яўляліся паўночнымі еўрапеоідамі, «якія маглі размаўляць на даіндаеўрапейскай мове альбо засвойваць індаеўрапейскую мову пад моцным уплывам плямён старажытнаямнай культуры» [5, с. 27].

Вывучэнне культуры шарападобных амфар на сучасным этапе

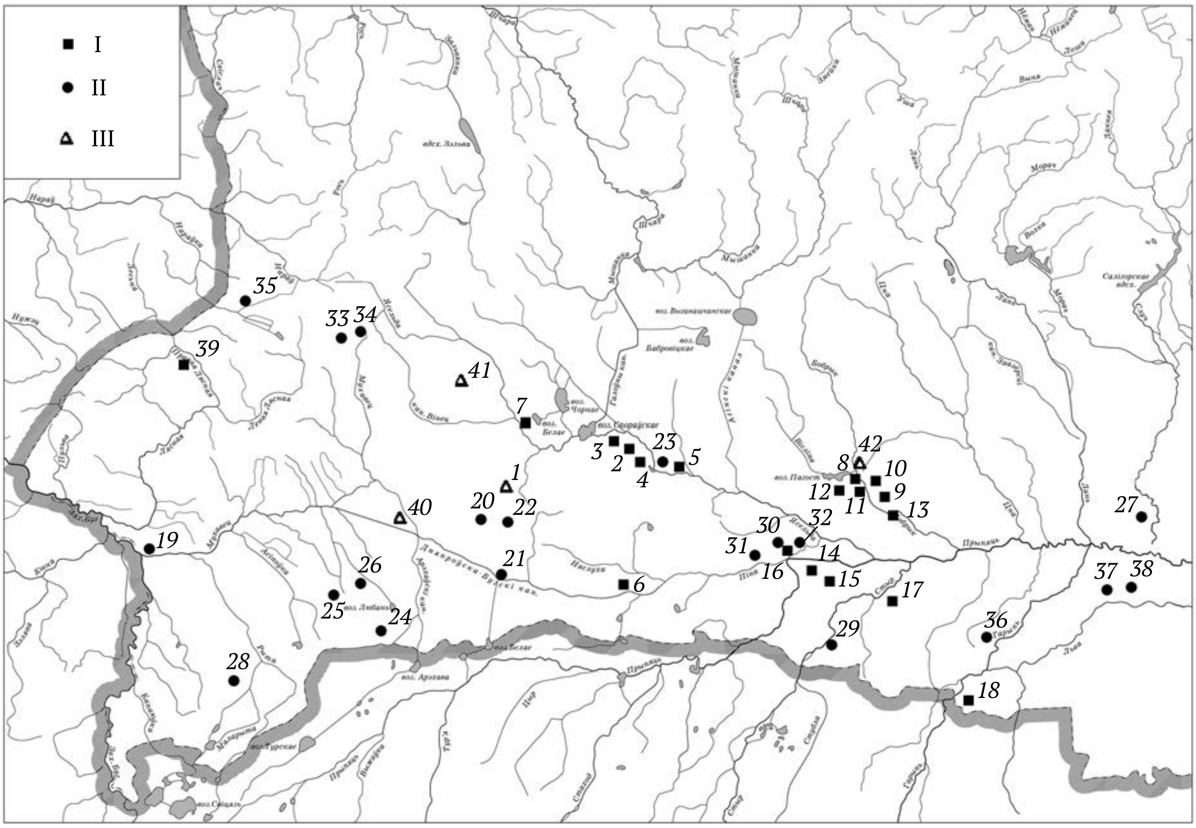
Пачатак новага этапу ў вывучэнні КША на тэрыторыі Заходняга Палесся, як і ўсёй Усходняй Еўропы ў цэлым, звязаны са змяненнем метадалогіі даследаванняў. Па-першае, адбыўся пераход ад манатэтычнай да політэтычнай тэорыі археалагічнай культуры [11, p. 7]. У адпаведнасці з політэтычным падыходам археалагічная культура разглядаецца як комплекс прыкмет, якія распаўсюджваюцца незалежна адна ад адной у розных накірунках і на розныя тэрыторыі. Частка гэтых адзнак прысутнічае таксама ў іншых культурах. Трансфармацыя культуры заключаецца толькі ў частковых зменах асобных рыс ці іх груп, а не ўсяго комплексу прыкмет адначасова [6, p. 37–38, 247–249, fig. 3, 53; 7, с. 362]. Згодна з вызначэннем М. Шмыт, КША – гэта «надрэгіянальная структура пэўных узаемазвязаных элементаў матэрыяльнай культуры і сацыяльных паводзін (перш за ўсё ў сферы рытуаль-

[3]Тут і далей пераклад наш. – *А. В.*

ных практык і эканомікі)» [21, p. 232]. Па-другое, навукоўцы адмовіліся ад ідэі абавязковага атаясамлення археалагічнай культуры і этнасу (параўн. [22, s. 111; 8, с. 71]). Спецыялісты падкрэсліваюць неабходнасць правядзення палеагенетычных даследаванняў для вызначэння ролі носьбітаў КША ў этнакультурных і палеадэмаграфічных працэсах эпохі неаліту [21, p. 251; 23].

У адпаведнасці з політэтычным падыходам М. Шмыт прапанавала падзяляць усе ўсходнееўрапейскія комплексы з рысамі КША на «чыстыя» (непасрэдна звязаныя з КША, часам, аднак, толькі гіпатэтычна) і «сінкрэтычныя» (іншакультурныя комплексы, у якіх прысутнічаюць асобныя рысы КША). У лік «чыстых» комплексаў даследчыца ўключыла пахаванні, паселішчы і майстэрні. Да прыкмет, генетычна звязаных з КША, былі аднесены адметнасці марфалогіі і арнаментацыі керамікі, крамянёвага і касцянога інвентару, бурштынавых упрыгожанняў і пахавальнага абраду [11, p. 11–13, 120–128; 24, s. 167]. Напрацоўкі М. Шмыт, як найбольш прыдатныя для асэнсавання феномена КША на тэрыторыі Заходняга Палесся, знайшлі падтрымку і развіццё ў публікацыях М. М. Крывальцэвіча [25; 26] і аўтара дадзенага артыкула[4].

Разглядаючы КША на тэрыторыі Усходняй Еўропы, М. Шмыт адзначыла прысутнасць на паўднёвым захадзе Беларусі некалькіх пунктаў з «чыстымі»



Мал. 1. КША на тэрыторыі Заходняга Палесся: I – кераміка з прыкметамі КША (*1* – Камянюкі-2; *2* – Моталь-1; *3* – Моталь-11; *4* – Моталь-13; *5* – Моталь-20; *6* – Гнеўчыцы; *7* – Перасудавічы; *8* – Камень-2; *9* – Камень-6; *10* – Камень-8; *11* – Дубы-1, -2; *12* – Вяз-2; *13* – Бакінічы-1; *14* – Царабень; *15* – Лемяшэвічы; *16* – Сушыцк; *17* – Грыўковічы-2; *18* – Бухліцкі Хутар); II – сякеры з прыкметамі КША (*19* – Падлессе Радваніцкае; *20* – Дуброва; *21* – Оўзічы; *22* – Стараселле; *23* – Тышкавічы; *24* – Дзівін; *25* – Навасёлкі; *26* – Хабовічы; *27* – Мікашэвічы; *28* – Збураж; *29* – Ласіцк; *30* – Пасянічы; *31* – Садовы; *32* – Парахонск; *33* – Засімавічы; *34* – Бузуны; *35* – Хвойнікі; *36* – Дубай; *37* – Велямічы; *38* – Альгомель); III – долаты з прыкметамі КША (*39* – Аляксеевічы; *40* – Мяфёдавічы; *41* – Сігневічы; *42* – Камень-2).
Крыніца: [25], з дапаўненнямі аўтара

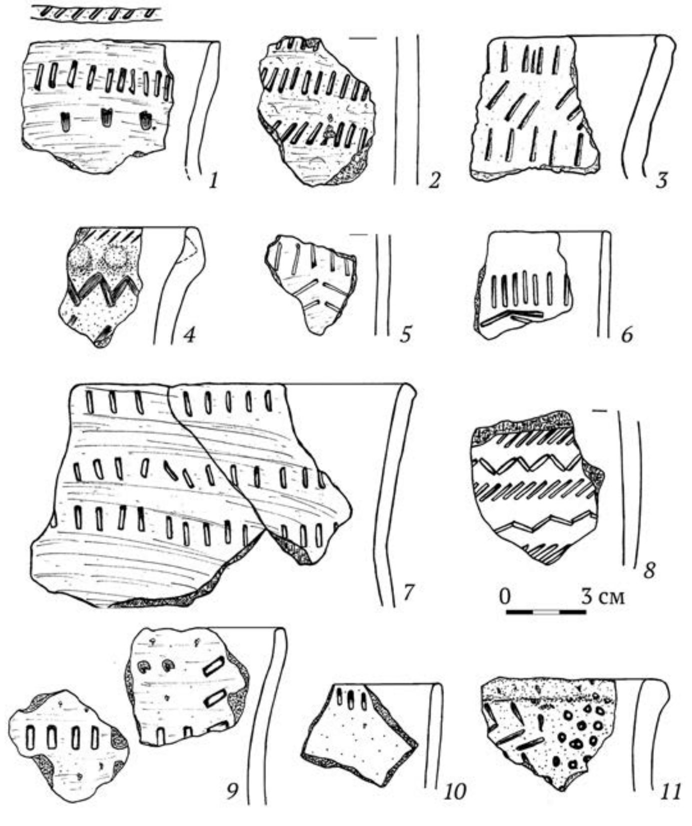
Fig. 1. The Globular Amphora Culture (GAC) in the Western Palessye: I – pottery with GAC traits (*1* – Kamianiuki-2; *2* – Motaĺ-1; *3* – Motaĺ-11; *4* – Motaĺ-13; *5* – Motaĺ-20; *6* – Hnieučycy; *7* – Pierasudavičy; *8* – Kamień-2; *9* – Kamień-6; *10* – Kamień-8; *11* – Duby-1, -2; *12* – Viaz-2; *13* – Bakiničy-1; *14* – Cierabień; *15* – Liemiaševičy; *16* – Sušyck; *17* – Hryŭkovičy-2; *18* – Buchlicki Chutar); II – axes with GAC traits (*19* – Padlessie Radvanickaje; *20* – Dubrova; *21* – Oŭzičy; *22* – Starasiellie; *23* – Tyškavičy; *24* – Dzivin; *25* – Navasiolki; *26* – Chabovičy; *27* – Mikashevičy; *28* – Zburaž; *29* – Lasick; *30* – Pasianičy; *31* – Sadovy; *32* – Parachonsk; *33* – Zasimavičy; *34* – Buzuny; *35* – Chvojniki; *36* – Dubaj; *37* – Vieliamičy; *38* – Aĺhomieĺ); III – chisels with GAC traits (*39* – Aliaksiejevičy; *40* – Miafiodavičy; *41* – Sihnievičy; *42* – Kamień-2).
Source: [25], with author's additions

[4] *Зуева А. У.* Культура шарападобных амфар на тэрыторыі Беларусі і яе роля ў развіцці супольнасцей III – пачатку II тыс. да н. э. : аўтарэф. дыс. … канд. гіст. навук : 07.00.06. Мінск, 2011. С. 9–12.

амфарнымі матэрыяламі [11, p. 256, 258]. Аднак, на думку беларускіх навукоўцаў, у рэгіёне сустракаюцца выключна кераміка «сінкрэтычнага» тыпу і асобныя крамянёвыя вырабы, характэрныя для «шарападобнікаў» (мал. 1) [27, с. 77; 28, s. 269; 25, s. 143–147; 26, s. 210; 3, s. 230, 232; 4, с. 427, 430, мал. 245]. На сучасным этапе даследаванняў прыкметы, якія адпавядаюць традыцыі КША, зарэгістраваны ў матэрыялах нёманскай культуры і групы шнуравой керамікі палескага тыпу.

Кераміка нёманскай культуры з элементамі КША параўнальна малалікая (мал. 2, *1*, *2*, *4*). «Амфарныя» рысы прасочваюцца выключна ў арнаментацыі посуду. Заходнепалескія супольнасці «ляснога» неаліту зрэдку выкарыстоўвалі аздабленне ў выглядзе вертыкальных адбіткаў лінейнага штампа, зігзага, выкананага штампам. У параўнанні з КША арнамент наносіўся ў мадыфікаванай манеры: як правіла, штампаваныя адбіткі мелі нерэгулярныя абрысы, «амфарныя» матывы часта спалучаліся з тыповым «нёманскім» дэкорам (наколамі, уцісканнямі і інш.) ці размяшчаліся ў адпаведнасці з «лясной» неалітычнай традыцыяй на зрэзе венца.

Значна больш выразны кампанент КША вылучаецца ў матэрыялах групы шнуравой керамікі палескага тыпу (мал. 2, *3*, *5–10*). Асобныя аспекты праблемы прысутнасці «амфарнага» кампанента ў лакальных «шнуравых» комплексах неаднаразова закраналіся ў літаратуры [28, s. 269; 27, с. 77; 25, s. 143–147; 26, s. 210]. З улікам апублікаваных даных, а таксама на падставе вынікаў уласнага вывучэння заходнепалескіх калекцый варта адзначыць наступнае. Прыкметы, якія маюць генетычныя вытокі ў КША, ідэнтыфікаваны ў арнаментацыі і мікрамарфалогіі посуду. Даволі шматлікія фрагменты заходнепалескай шнуравой керамікі ўпрыгожаны гарызантальнымі пасамі вертыкальных адбіткаў лінейнага штампа, штампаванымі зігзагамі. У адзінкавых выпадках сустракаецца аздабленне ў выглядзе фестонаў, а таксама трубчасты арнамент (так званыя адбіткі птушынага пяра). Даследчыкі звяртаюць увагу на пэўную трансфармацыю амфарных рыс у мясцовым культурным асяроддзі. Напрыклад, штамп, якім наносіўся арнамент, часта прыціскаўся да паверхні пасудзіны пад вуглом, у выніку чаго адбіткі набывалі падтрохвугольную



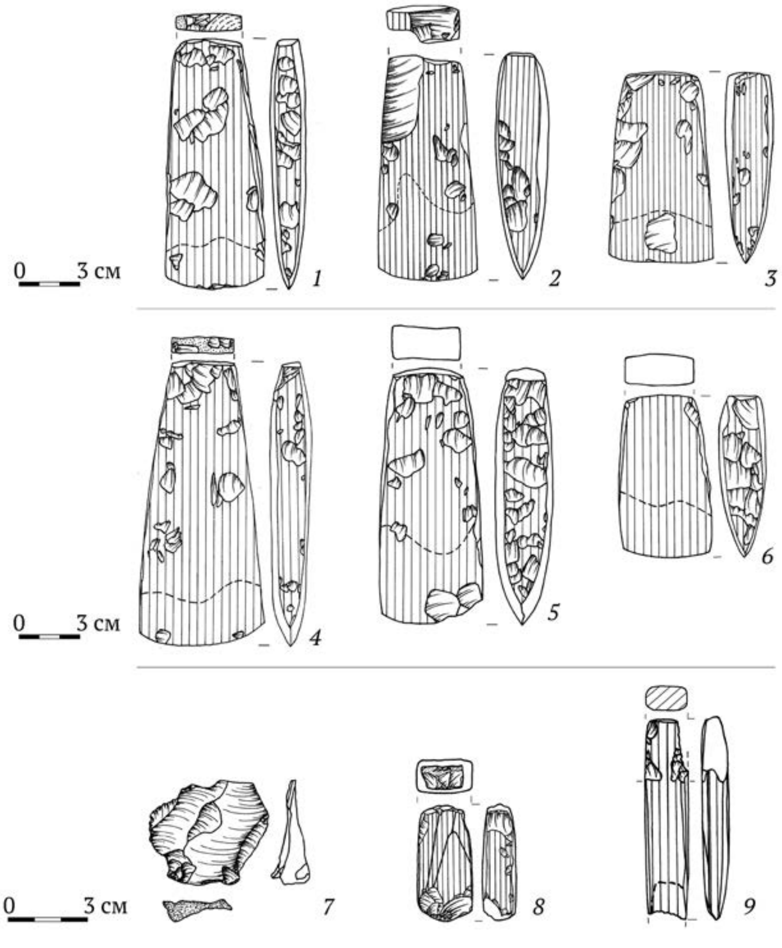
Мал. 2. Кераміка з прыкметамі культуры шарападобных амфар, выяўленая на тэрыторыі Заходняга Палесся. Нёманская культура: *1*, *2* (Камень-6), *4* (Камень-2); група шнуравой керамікі палескага тыпу: *3* (Грыўковічы-2), *5* (Бакінічы-1), *6*, *8* (Камень-8), *7* (Камень-2), *9* (Моталь-1), *10* (Сушыцк); тшцінецкае культурнае кола: *11* (Камень-6) (малюнкі А. У. Вайтовіч (*1–2*, *4–11*), В. М. Сідаровіча (*3*))

Fig. 2. Pottery with GAC traitsfrom the territory of Western Palessye. Neman Culture: *1*, *2* (Kamień-6), *4* (Kamień-2); Palessye group of the Corded Ware Culture Circle: *3* (Hryŭkovičy-2), *5* (Bakiničy-1), *6*, *8* (Kamień-8), *7* (Kamień-2), *9* (Motaĺ-1), *10* (Sušyck); Trcziniec Culture Circle: *11* (Kamień-6) (drawing by A. U. Vaitovich (*1–2*, *4–11*), V. M. Sidarovich (*3*))

форму. Матывы, характэрныя для КША, не толькі выкарыстоўваліся самастойна, але і ўключаліся ў складаныя кампазіцыі, у якія ўваходзіла таксама «шнуравое» аздабленне (напрыклад, «елачка»). Акрамя таго, не выключаецца, што распаўсюджанне ў заходнепалескім рэгіёне тыповых для КША матываў, утвораных, аднак, вусеневымі адбіткамі, таксама варта звязваць з далейшым развіццём традыцый «шарападобнікаў» [26, s. 210].

Спецыялістамі неаднаразова рабіліся захады па ідэнтыфікацыі ў калекцыях, атрыманых на тэрыторыі паўднёва-заходняй Беларусі, крамянёвых вырабаў КША (мал. 3). Найбольшую ўвагу даследчыкаў прыцягваюць рубячыя прылады, тэхніка-стылістычныя характарыстыкі якіх адпавядаюць «амфарным» стандартам. У лік такіх артэфактаў уключаны трапецападобныя сякеры з чатырохбаковым папярочным сячэннем, зашліфаваныя па ўсёй паверхні і часта запаліраваныя ў прылёзавай частцы (гл. мал. 3, *1–6*), а таксама прамавугольныя ці трапецападобныя ў плане шліфаваныя долаты (гл. мал. 3, *8*, *9*). Адзначаючы пэўную культурную ўніверсальнасць і немагчымасць адназначнай таксанамічнай ідэнтыфікацыі гэтых знаходак, М. Шмыт прапанавала разглядаць іх у якасці вырабаў, гіпатэтычна звязаных з КША [11, p. 11–12, 34–35, 123–124]. На сёння сякеры і долаты, аналагічныя «амфарным» прыладам, вядомыя ў шматлікіх пунктах у межах Заходняга Палесся [11, p. 261–266; 29, s. 12–13; 25, s. 146; 30, s. 17, 19–20]. Такія артэфакты зрэдку сустракаюцца ў матэрыялах шматкультурных паселішчаў (напрыклад, Камень-2 Пінскага раёна[5]), аднак пераважная большасць сякер і долатаў адносяцца да катэгорыі выпадковых знаходак, пазбаўленых кантэкставай інфармацыі.

Акрамя таго, у літаратуры закраналася і праблема вылучэння немакралітычных артэфактаў КША. Так, у 2003 г. В. С. Абухоўскі аднёс да гэтай культуры



Мал. 3. Крамянёвыя вырабы, знойдзеныя на тэрыторыі Заходняга Палесся. Сякеры і долаты з прыкметамі культуры шарападобных амфар: *1* (Хвойнікі), *2* (Мікашэвічы), *3* (Парахонск), *4* (Засімавічы), *5* (Хабовічы), *6* (Падлессе Радваніцкае), *8* (Камень-2), *9* (Сігневічы); адшчэп з «паласатага» крэменю: *7* (Моталь-1) (малюнкі А. У. Вайтовіч (*1–6*, *8*, *9*), А. М. Вашанава (*7*))

Fig. 3. Lithic artefacts from the territory of Western Palessye. Axes and chisels with GAC traits: *1* (Chvojniki), *2* (Mikaševičy), *3* (Parachonsk), *4* (Zasimavičy), *5* (Chabovičy), *6* (Padlessie Radvanickaje), *8* (Kamień-2), *9* (Sihnievičy); flake made of banded flint: *7* (Motaĺ-1) (drawing by A. U. Vaitovich (*1–6*, *8*, *9*), A. M. Vashanau (*7*))

[5]Фонды Інстытута гісторыі НАН Беларусі.

серыю шырокіх пласцін з ваколіц в. Дружба (Скорбічы) Брэсцкага раёна [29, s. 51, rус. 89, *6–8*]. Цікавасць выклікае адшчэп з «паласатага» крэменю, нядаўна выяўлены ў крамянёвым інвентары паселішча Моталь-1 (мал. 3, *7*)[6]. Агульнапрызнанае сцверджанне аб тым, што «паласатаму» крэменю з Кшамёнак Апатоўскіх належала значная роля ў жыцці «амфарных» супольнасцей, дазваляе разглядаць знаходку менавіта ў кантэксце КША.

Такім чынам, згодна з актуальнымі ўяўленнямі, КША была адным з актыўных удзельнікаў культурнага развіцця Заходняга Палесся ў эпоху першабытнасці. Разам з тым пытанні аб шляхах, механізмах і часе распаўсюджання культуры ў рэгіёне застаюцца далёкімі ад канчатковага вырашэння.

Сучасны стан вывучанасці праблемы дазваляе меркаваць, што з'яўленне «амфарных» прыкмет на паўднёвым захадзе Беларусі – вынік разнастайных культурных сітуацый. На думку М. Шмыт, носьбіты КША маглі перамяшчацца ўздоўж Прыпяці і яе прытокаў да Бярэзіны [11, p. 194; 24, s. 181]. Разам з тым адсутнасць на тэрыторыі Заходняга Палесся «чыстых» комплексаў культуры прымушае разглядаць гіпотэзу аб інфільтрацыі асобных невялікіх груп мігрантаў толькі ў якасці папярэдняй.

Пэўныя цяжкасці выклікаюць пошукі крыніц прытоку арнаменту, утворанага адбіткамі лінейнага штампа, у нёманскую культуру. Варта ўлічваць, што на Заходнім Палессі кераміка з такім тыпам аздаблення з'явілася ўжо ў сярэднім неаліце [31, с. 239], што, згодна з агульнапрызнаным меркаваннем, было выклікана ўздзеяннем традыцый культуры лейкападобных кубкаў [11, p. 120–121; 32, с. 135–136]. У сувязі з гэтым нельга выключаць магчымасці таго, што аздабленне позненеалітычнага посуду нёманскай культуры вертыкальнымі адбіткамі лінейнага штампа і зігзагамі, выкананымі штампам, было абумоўлена далейшым развіццём традыцый «лейкападобнікаў», успрынятых на папярэднім этапе. Аднак цалкам верагоднай з'яўляецца і альтэрнатыўная інтэрпрэтацыя, згодна з якой згаданыя тыпы арнаменту маглі трапляць да позніх груп насельніцтва «ляснога» неаліту праз пасрэдніцтва мясцовых «шнуравых» супольнасцей менавіта ў якасці «амфарнай» культурнай спадчыны.

Праблема прысутнасці «амфарнага» кампанента ў заходнепалескіх «шнуравых» комплексах распрацавана больш дэталёва. Верагодна, прыкметы КША распаўсюджваліся ў «шнуравым» асяроддзі праз пасрэдніцтва тых культур, якія ўжо ўспрынялі пэўныя «амфарныя» традыцыі і ідэі. У ролі пасрэднікаў маглі выступаць найперш сярэднедняпроўская культура і жуцаўская (прыморская) культура, якія адчувалі ўплыў КША (гл., напрыклад, [11, p. 175–178; 24, s. 178–181; 8, с. 76–79; 33]) і элементы якіх зарэгістраваны ў матэрыялах групы шнуравой керамікі палескага тыпу [27; 25, s. 147–153; 26].

Згаданыя рэканструкцыі культурных працэсаў на тэрыторыі Заходняга Палесся ў познім неаліце – пачатковым перыядзе бронзавага веку адпавядаюць мадэлям распаўсюджання «амфарных» прыкмет у іншых рэгіёнах Беларусі [33, S. 240, 242; 34, с. 111; 35, p. 617–618].

Культурна-таксанамічная інтэрпрэтацыя «сінкрэтычных» матэрыялаў КША ўскладняецца недастатковай ступенню распрацаванасці храналогіі і перыядызацыі лакальных культур. Акрамя таго, на сучасным узроўні развіцця навукі існуе магчымасць акрэсліць толькі прыблізны час распаўсюджання «амфарных» прыкмет на паўднёвым захадзе краіны. Прымаючы пад увагу вынікі параўнальна-тыпалагічнага аналізу «лясной» неалітычнай і шнуравой керамікі [31; 25–27], а таксама даныя, якія датычаць храналогіі КША ў сумежных рэгіёнах [11, p. 66–71], можна меркаваць, што прыток «амфарных» традыцый на Заходняе Палессе, паводле калібраванай храналогіі, меў месца ў другой чвэрці 3-га – першай чвэрці 2-га тыс. да н. э. (параўн. [36, с. 21]).

Маладаследаванай з'яўляецца і праблема ўдзелу КША ў культурных трансфармацыях, што адбываліся на поўдні краіны ў перыяд пераходу ад неаліту да эпохі бронзы, у першую чаргу ў працэсах фарміравання комплексаў тшцінецкага культурнага кола. Згодна з высновамі М. М. Крывальцэвіча, які займаўся вывучэннем тшцінецкіх помнікаў у Прыпяцкім басейне, фарміраванне новых структур стала вынікам складаных узаемаадносін трох культурных плыней – традыцый кола культуры шнуравой керамікі, КША і нёманскай культуры [37]. З гэтым меркаваннем пагаджалася М. Шмыт, дапускаючы, што лакальныя тшцінецкія групы маглі ўспрымаць асобныя прыкметы КША праз пасрэдніцтва сярэднедняпроўскай культуры [11, p. 199; 24, s. 181]. Разам з тым дэталёвы таксанамічны аналіз, накіраваны на вылучэнне прыкмет КША ў тшцінецкіх комплексах на заходніх абшарах Прыпяцкага Палесся, застаецца справай будучыні.

Пытанне аб «амфарным» чынніку культурных змен у межах Брэсцкага Палесся і Загароддзя таксама распрацавана недастаткова. У літаратуры звярталася ўвага на прысутнасць у мясцовых тшцінецкіх матэрыялах прыкмет генетычнага амфарнага паходжання. Да іх ліку неабходна аднесці арнамент у выглядзе адбіткаў птушынага пяра (мал. 2, *11*). Не выключаецца, што менавіта ў кантэксце развіцця «амфарных» традыцый варта разглядаць і тэхналагічныя адметнасці тшцінецкай керамікі (дамешкі буйна- і сярэднезярністай жарствы) [38, s. 271].

[6]Фонды філіяла Мотальскага музея народнай творчасці «Нашы карані».

Такім чынам, можна меркаваць, што на тэрыторыі Заходняга Палесся асобныя элементы КША выкарыстоўваліся і ў раннім бронзавым веку (які, паводле перыядызацыйнай схемы, распрацаванай М. М. Крывальцэвічам для поўдня Беларусі, датуецца перыядам каля 1700/1600–1200/1000 гг. да н. э. (калібраваная храналогія) [39]). Такое трывалае і працяглае захоўванне «амфарных» прыкмет характэрнае не толькі для мясцовых тшцінецкіх комплексаў. Наяўнасць перажытачных рыс КША адзначалася даследчыкамі і ў матэрыялах «заходняга тшцінцу» [22, s. 116–122; 40, s. 115]. Значная ўвага навукоўцаў скіроўваецца і на разгляд праблем гаспадарчых заняткаў старажытнага насельніцтва Заходняга Палесся. Згодна з сучаснымі ўяўленнямі знаёмства мясцовых супольнасцей «ляснога» неаліту з земляробствам адбывалася ўжо ў раннім і сярэднім неаліце. Відавочнае ўзрастанне ролі земляробства і ўкараненне жывёлагадоўлі мела месца ў 3-м – пачатку 2-га тыс. да н. э. – у перыяд распаўсюджання «шнуравых» і «амфарных» традыцый [25, с. 138–139; 38, s. 268–271; 4, с. 471–476]. Аднак пытанне аб канкрэтнай ролі КША ў станаўленні вытвараючых форм гаспадаркі на паўднёвым захадзе Беларусі пакуль што застаецца адкрытым.

Высновы

У гісторыі вывучэння КША на тэрыторыі Заходняга Палесся вылучаюцца два этапы: 1960–90-я гг. і перыяд з канца 1990-х гг. да цяперашняга часу.

На першым этапе метадалагічнай асновай даследаванняў з'яўлялася так званая тэорыя культурных цаглін. Галоўнае дасягненне этапу заключалася ў пастаноўцы праблемы прысутнасці КША на паўднёвым захадзе Беларусі (У. Ф. Ісаенка), пры гэтым заходнепалескія «амфарныя» супольнасці самастойным прадметам вывучэння не станавіліся. У найбольшай ступені распрацоўваліся пытанні меж распаўсюджання культуры ў рэгіёне. Крыніцазнаўчыя аспекты вывучэння амфарных матэрыялаў амаль не знайшлі адлюстравання ў гістарыяграфіі.

На рубяжы XX–XXI стст. даследчыкі пачалі разглядаць КША ў межах політэтычнай тэорыі археалагічнай культуры (М. Шмыт). Феномен КША на тэрыторыі Заходняга Палесся стаў прадметам мэтанакіраваных даследаванняў (М. М. Крывальцэвіч, А. У. Вайтовіч (Зуева)).

На сучасным этапе найбольш шматлікія помнікі з «сінкрэтычнымі» матэрыяламі КША зарэгістраваны ў мікрарэгіёнах Камень – Пагост-Загароддзе і Моталь – Тышкавічы (гл. мал. 1). Згаданая сітуацыя, верагодна, адлюстроўвае не столькі асаблівасці культурнай сітуацыі ў мінулым, колькі стан археалагічнай вывучанасці Заходняга Палесся. У сувязі з гэтым актуальнай задачай з'яўляецца пашырэнне геаграфіі палявых прац. З іншага боку, не губляе сваёй значнасці і задача паўторнай апрацоўкі ўжо існуючых калекцый, прычым увага спецыялістаў павінна скіроўвацца на аналіз крамянёвых інвентароў заходнепалескіх паселішчаў. Па-ранейшаму застаецца надзённай і праблема публікацыі вынікаў палявых і камеральных даследаванняў.

Ва ўмовах пэўнай абмежаванасці крыніц асобныя аспекты распаўсюджання КША на паўднёвым захадзе Беларусі вывучаны нераўнамерна. У літаратуры цэнтральнае месца занялі праблемы сістэматызацыі і культурна-таксанамічнай інтэрпрэтацыі прыкмет КША ў іншакультурным асяроддзі (гл. мал. 2 і 3). Зроблены толькі першыя крокі па рэканструкцыі шляхоў і кірункаў прытоку «амфарных» культурных традыцый. Далейшай распрацоўкі патрабуюць пытанні храналогіі пашырэння і трансфармацыі «амфарных» рыс у рэгіёне. Нарэшце, найбольш істотнай даследчай задачай з'яўляецца вызначэнне ролі КША ў сацыяльна-эканамічным развіцці заходнепалескіх супольнасцей у 3-м – пачатку 2-га тыс. да н. э.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Исаенко ВФ, Чернявский ММ. Новые данные по спорным вопросам бронзового века Белоруссии. В: Будько ВД, редактор. *Белорусские древности. Доклады к конференции по археологии Белоруссии; январь – февраль 1966 г.; Минск, БССР*. Минск: АН БССР; 1967. с. 155–187.
2. Зуева АУ. Вывучэнне культуры шарападобных амфар на тэрыторыі Беларусі ў канцы XX – пачатку XXI ст. *Веснік БДУ. Серыя 3. Гісторыя. Эканоміка. Права*. 2009;2:3–7.
3. Ткачоў А. Папярэднія вынікі археалагічных даследаванняў помнікаў каменнага і бронзавага вякоў на тэрыторыі Белавежскай пушчы. W: Stankiewicz U, Wawrusiewicz A, redaktorzy. *Na rubieży kultur. Badania nad okresem neolitu i wczesną epoką brązu*. Białystok: Instytucja kultury woj. Podlaskiego; 2011. s. 229–236.
4. Калечыц АГ. *Чалавек і асяроддзе: каменны век, Заходняе Палессе*. Мінск: Беларуская навука; 2018. 584 с.
5. Ісаенка УФ. Каменны век. Пераход ад праабшчыны да роду. У: Касцюк МП, рэдактар. *Нарысы гісторыі Беларусі. Частка 1*. Мінск: Беларусь; 1994. с. 9–29.
6. Clarke DL. *Analytical archaeology*. 2nd edition. London: Methuen & Co. Ltd; 1971. 684 p.
7. Клейн ЛС. *Археологическая типология*. Ленинград: АН СССР; 1991. 448 с.
8. Крывальцэвіч ММ. *Могільнік сярэдзіны III–II тыс. да н. э. на Верхнім Дняпры – Прорва-1*. Мінск: Інстытут гісторыі НАН Беларусі; 2006. 202 с.
9. Брюсов АЯ. *Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху*. Москва: АН СССР; 1952. 360 с.

10. Wiślański T. *Kultura amfor kulistych w Polsce północno-zachodniej*. Wrocław: Zakład Narodowy imienia Ossolińskich; 1966. 286 s.

11. Szmyt M. *Between West and East. People of the Globular Amphora Culture in Eastern Europe: 2960–2350 BC*. Poznan: Adam Mickiewicz University; 1999. 350 p. (Baltic-Pontic Studies; volume 8).

12. Исаенко ВФ. *Археологическая карта Белоруссии. Выпуск 1. Памятники каменного века.* Минск: Полымя; 1968. 125 с.

13. Исаенко ВФ, Митрофанов АГ, Штыхов ГВ, редакторы. *Очерки по археологии Белоруссии. Часть 1. Каменный и бронзовый века*. Минск: Наука и техника; 1970. 271 с.

14. Исаенко ВФ. *Неолит Припятского Полесья*. Минск: Наука и техника; 1976. 128 с.

15. Ісаенка УФ. Этнакультурнае асяроддзе ў старажытным Палессі. У: Клімчук ФД, рэдактар. *Загароддзе-2. Матэрыялы навукова-краязнаўчай канферэнцыі; верасень 1999 г.; Пінск, Беларусь.* Мінск: Тэхналогія; 2000. с. 7–14.

16. Исаенко ВФ. *Археологическая карта Белоруссии. Выпуск 3. Памятники бронзового века.* Минск: Полымя; 1976. 150 с.

17. Исаенко ВФ. Полесье в первобытную эпоху. В: Толстой НИ, редактор. *Полесье и этногенез славян. Предварительные материалы и тезисы конференции*. Москва: Наука; 1983. с. 16–17.

18. Исаенко ВФ. Первые земледельцы и скотоводы Белоруссии. В: Шабуня КИ, редактор. *Из истории крестьянства Белоруссии. Сборник статей по материалам первой сессии республиканского симпозиума по истории сельского хозяйства и крестьянства Белоруссии; декабрь 1975 г.; Минск, БССР.* Минск: Наука и техника; 1978. с. 5–15.

19. Загорульский ЭМ. *Древняя история Белоруссии: очерки этнической истории и материальной культуры (до IX в.).* Минск: БГУ; 1977. 134 с.

20. Исаенко ВФ. Первобытные культуры Полесья. В: Штыхов ГВ, редактор. *Белорусская археология: достижения археологов за годы советской власти*. Минск: Наука и техника; 1987. с. 15–26.

21. Szmyt M. Eastern European Destinations of Central European cultural patterns. The case of the Globular Amphora Culture: end of the 4th – middle of the 3rd millennium BC. *Baltic-Pontic Studies.* 2009;14:232–251.

22. Makarowicz P. *Rola społeczności kultury iwieńskiej w genezie trzcinieckiego kręgu kulturowego (2000–1600 BC).* Poznań: Universytet imienia A. Mickiewicza; 1998. 454 s.

23. Tassi F, Vai S, Shirotto S, Lari M. Genome diversity in the Neolithic Globular Amphorae culture and the spread of Indo-European languages. *Proceedings of the Royal Society B*. 2017;284:20171540. DOI: 10.1098/rspb.2017.1540.

24. Szmyt M. Społeczności kultury amfor kulistych w Europie Wschodniej. W: Czebreszuk J, Kryvaltsevič M, Makarowicz P, redaktorzy. *Od neolityzacji do początków epoki brązu. Przemiany kulturowe w międzyrzeczu Odry i Dniepru między VI i II tys. przed Chr*. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie; 2001. s. 167–193.

25. Крывальцэвіч ММ. Беларускае Палессе ў перыяд пераходу ад неаліту да эпохі бронзы: праблемы і перспектывы археалагічнага вывучэння. W: Kośko A, Kalečус A, redaktorzy. *Wspólnota dziedzictwa kulturowegoziem Białorusii Polski*. Warszawa: Krajowy ośrodek badań i dokumentacji zabytków; 2004. s. 137–162.

26. Крывальцэвіч М. Новыя вынікі даследавання позняга неаліту – пачатку эпохі бронзы ў Заходнім Палессі. W: Stankiewicz U, Wawrusiewicz A, redaktorzy. *Na rubieży kultur. Badania nad okresem neolitu i wczesną epoką brązu.* Białystok: Instytucja kultury wojwodstwa Podlaskiego; 2011. s. 207–217.

27. Крывальцэвіч М, Ісаенка У, Майсеня С. Кераміка «шнуравога» і «тшцінецкага» гарызонтаў паселішча Камень-2 (Заходняе Палессе). *Гістарычна-археалагічны зборнік*. 2003;18:69–91.

28. Крывальцэвіч ММ. «Шнуравы гарызонт» на Беларусі: праблемы ідэнтыфікацыі і генезіса. W: Czebreszuk J, Kryvaltsevič M, Makarowicz P, redaktorzy. *Od neolityzacji do początków epoki brązy. Przemiany kulturowe w międzyrzeczu Odry i Dniepru między VI i II tys. przed Chr*. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie; 2001. s. 259–275.

29. Obuchowski W. *Zabytki krzemienne i kamienne od paleolitu do wczesnej epoki żelaza z terenów Białorusi w zbiorach Państwowego Museum Archeologicznego w Warszawie.* Warszawa: Wydawnictwo PMA; 2003. 208 s.

30. Абухоўскі ВС, Зуева АУ, Сідаровіч ВМ. Чатырохбаковыя крамянёвыя шліфаваныя сякеры ў зборы Нацыянальнага музея гісторыі і культуры Беларусі. *Acta Achaeologica Albaruthenica*. 2008;3:17–41.

31. Чарняўскі ММ. Неаліт з грабеньчата-накольчатай і накольчатай керамікай Заходняй Беларусі: асаблівасці эвалюцыі. W: Czebreszuk J, Kryvaltsevič M, Makarowicz P, redaktorzy. *Od neolityzacji do początków epoki brązy. Przemiany kulturowe w międzyrzeczu Odry i Dniepru między VI i II tys. przed Chr*. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie; 2001. s. 231–240.

32. Wawrusewicz A. Taksonomiczne podstawy identyfikacji tradycji kultury pucharów lejkowatych w środowisku strefy leśnej Europy Wschodniej. Perspectywa subneolitu kontynentalnego. *Матэрыялы па археалогіі Беларусі*. 2010;18:131–146.

33. Kryvaltsevich M. Die Rolle der Kugelamphorenkultur bei der Entwicklung der Gesellschaften des oberen Dnjeprgebietes. In: Beran J, Einecke R, Schimpff V, Wagner K, Weber Th, editors. *Lehren – Sammeln – Publizieren.* Leipzig: Leipziger Universitetsverlag; 2016. S. 231–244.

34. Вайтович АВ. Роль культуры шаровидных амфор в развитии сообществ Верхнего Понеманья. *Самарский научный вестник*. 2019;8(2):106–114.

35. Чарняўскі М, Вайтовіч А. Культура шарападобных амфар і яе ўплывы на Беларускім Паазер'і (паводле матэрыялаў Крывінскага тарфяніка). W: Szmyt M, editor. *Vir Bimaris. From Kujawy Cradle to Black Sea Steppes. Studies on the Prehistory of the Baltic-Pontic Between-the-Seas. In Recognition of Professor Aleksander Kośko.* Poznań: Adam Mickiewicz University; 2019. p. 609–620.

36. Крывальцэвіч ММ. Першыя людзі на тэрыторыі Прыпяцкага Палесся: каменны і бронзавы вякі. У: Каваленя АА, рэдактар. *Беларусь праз прызму рэгіянальнай гісторыі: Прыпяцкае Палессе*. Мінск: Беларуская навука; 2016. с. 8–37.

37. Крывальцэвіч ММ. Да праблемы ўзнікнення «Тшцінца» на поўдні Беларусі. In: Kośko A, Czebreszuk J, redaktorzy. *«Trzciniec» – system kulturowy czy interkulturowy process?* Poznań: Wydawnictwo Poznańskie; 1998. s. 345–353.

38. Kaleczyc A, Michalczuk W. Mikroregion Motolski (Polesie Zachodnie) w perspektywie procesów interstadium epok neolitu i brązu. Ujęcie genezy horyzontu trzcinieckiego. W: Stankiewicz U, Wawrusiewicz A, redaktorzy. *Na rubieży kultur. Badania nad okresem neolitu i wczesną epoką brązu*. Białystok: Instytucja kultury wojwodstwa Podlaskiego; 2011. s. 267–278.

39. Крывальцэвіч ММ. Праблемы перыядызацыі і храналогіі эпохі бронзы на тэрыторыі Паўднёвай Беларусі. *Гістарычна-археалагічны зборнік*. 2006;22:39–52.

40. Białowarczuk M, Gawrońska J. Kultura amfor kulistych w przemianach późnego neolitu i wczesnej epoki brązu w północno-wschodniej Polsce. W: Stankiewicz U, Wawrusiewicz A, redaktorzy. *Na rubieży kultur. Badania nad okresem neolitu i wczesną epoką brązu*. Białystok: Instytucja kultury wojwodstwa Podlaskiego; 2011. s. 109–120.

References

1. Isayenko VF, Cherniavsky MM. [New data on the controversial issues of the Bronze Age of Belarus]. In: Buďko VD, editor. *Belorusskie drevnosti. Doklady k konferentsii po arkheologii Belorussii; yanvar' – fevral' 1966 g.; Minsk, BSSR* [Belarusian antiquities. Materials of the conference on the archaeology of Belarus; 1966 January – February; Minsk, BSSR]. Minsk: Academy of Science of BSSR; 1967. p. 155–187. Russian.

2. Zuyeva AU. The history of the investigation of the Globular Amphora Culture on the territory of Belarus at the end of 20th – the beginning of 21st century.*Vesnik BDU. Seryja 3. Gistoryja. Jekanomika. Prava*. 2009;2:3–7. Belarusian.

3. Tkachov O. [Preliminary results of archaeological research of the Stone Age and Bronze Age sites within the area of Białoweża Forest]. In: Stankiewicz U, Wawrusiewicz A, redaktorzy. *Na rubieży kultur. Badania nad okresem neolitu i wczesną epoką brązu*. Białystok: Instytucja kultury woj. Podlaskiego; 2011. s. 229–236. Belarusian.

4. Kaletchyc AG. *Chalavek i asjaroddze: kamenny vek, Zahodnjae Palesse* [The man and the environment: the Stone Age, the West Palessye]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2018. 584 p. Belarusian.

5. Isayenka UF. [The Stone Age. The transition from the pre-society to the kinship relations]. In: Kastsiuk MP, editor. *Narysy gistoryi Belarusi. Chastka 1* [Essays on the history of Belarus. Part 1]. Minsk: Belarus; 1994. p. 9–29. Russian.

6. Clarke DL. *Analytical archaeology.* 2nd edition. London: Methuen & Co. Ltd; 1971. 684 p.

7. Klein LS. *Arkheologicheskaya tipologiya* [Archaeological typology]. Leningrad: Academy of Science of USSR; 1991. 448 p. Russian.

8. Kryvaltsevich MM. *Mogil'nik sjarjedziny III–II tys. da n. je. na Verhnim Dnjapry – Prorva-1* [Prorva-1 – a cemetery of the middle 3rd – early 2nd millennium BC on the Upper Dnieper]. Minsk: Institute of the History, National Academy of Science of Belarus; 2006. 202 p. Belarusian.

9. Brusov AJa. *Ocherki po istorii plemen evropeiskoi chasti SSSR v neoliticheskuyu epokhu* [Essays on the history of the tribes of the European part of the USSR in the Neolithic]. Moscow: Academy of the Science of USSR; 1952. 360 p. Russian.

10. Wiślański T. *Kultura amfor kulistych w Polsce północno-zachodniej*. Wrocław: Zakład Narodowy imienia Ossolińskich; 1966. 286 s.

11. Szmyt M. *Between West and East. People of the Globular Amphora Culture in Eastern Europe: 2960–2350 BC*. Poznan: Adam Mickiewicz University; 1999. 350 p. (Baltic-Pontic Studies; volume 8).

12. Isayenko VF. *Arkheologicheskaya karta Belorussii. Vypusk 1. Pamyatniki kamennogo veka* [Archaeological map of Belarus. Issue 1. The Stone Age sites]. Minsk: Polymja; 1968. 125 p. Russian.

13. Isayenko VF, Mitrofanov AG, Shtychov GV, editors. *Ocherki po arkheologii Belorussii. Chast' 1. Kamennyi i bronzovyi veka* [Essays on the archaeology of Belarus. Part 1. Stone Age and Bronze Age]. Minsk: Nauka i tekhnika; 1970. 271 p. Russian.

14. Isayenko VF. *Neolit Pripyatskogo Poles'ya* [The Neolithic on the Pripyat Polesye]. Minsk: Nauka i tekhnika; 1976. 128 p. Russian.

15. Isaenka UF. [Ethnocultural environment on the territory of the prehistoric Palessye]. In: Klimchuk FD, editor. *Zagaroddze-2. Matjeryjaly navukova-krajaznawchaj kanferjencyi; verasen' 1999 g.; Pinsk, Belarus* [Zagaroddze-2. Materials of the conference on the local history; 1999 September; Pinsk, Belarus]. Minsk: Tjehnalogija; 2000. p. 7–14. Belarusian.

16. Isayenko VF. *Arkheologicheskaya karta Belorussii. Vypusk 3. Pamyatniki bronzovogo veka* [Archaeological map of Belarus. Issue 3. The Bronze Age sites]. Minsk: Polymia; 1976. 150 p. Russian.

17. Isayenko VF. [Polesie in the prehistoric epoch]. In: Tolstoy NI, editor. *Poles'e i etnogenez slavyan. Predvaritel'nye materialy i tezisy konferentsii* [Polesie and the ethnogenesis of the Slavs. Preliminary materials and abstracts of the conference]. Moscow: Nauka; 1983. p. 16–17. Russian.

18. Isayenko VF. [The first Belarus farmers and pastoralists]. In: Shabunia KI, editor. *Iz istorii krest'yanstva Belorussii. Sbornik statei po materialam pervoi sessii respublikanskogo simpoziuma po istorii sel'skogo khozyaistva i krest'yanstva Belorussii; dekabr' 1975 g.; Minsk, BSSR* [From the history of the peasantry of Belarus. The collection of the papers of the first session of the republican symposium on the history of agriculture and the peasantry of Belarus; 1975 December; Minsk, BSSR]. Minsk: Nauka i tekhnika; 1978. p. 5–15. Russian.

19. Zagorulskij EM. *Drevnyaya istoriya Belorussii: ocherki etnicheskoi istorii i material'noi kul'tury (do IX v.)* [Ancient history of Belarus: essays on the ethnic history and material culture (before 9th century)]. Minsk: Belarusian State University; 1977. 134 p. Russian.

20. Isayenko VF. [The primitive cultures of Polesie]. In: Shtychov GV, editor. *Belorusskaya arkheologiya: dostizheniya arkheologov za gody sovetskoi vlasti* [Belarusian archaeology: the archievements of the archaeologists during the Soviet period]. Minsk: Nauka i tekhnika; 1987. p. 15–26. Russian.

21. Szmyt M. Eastern European Destinations of Central European cultural patterns. The case of the Globular Amphora Culture: end of the 4th – middle of the 3rd millennium BC. *Baltic-Pontic Studies.* 2009;14:232–251.

22. Makarowicz P. *Rola społeczności kultury iwieńskiej w genezie trzcinieckiego kręgu kulturowego (2000–1600 BC).* Poznań: Universytet imienia A. Mickiewicza; 1998. 454 s.

23. Tassi F, Vai S, Shirotto S, Lari M. Genome diversity in the Neolithic Globular Amphorae culture and the spread of Indo-European languages. *Proceedings of the Royal Society B*. 2017;284:20171540. DOI: 10.1098/rspb.2017.1540.

24. Szmyt M. Społeczności kultury amfor kulistych w Europie Wschodniej. W: Czebreszuk J, Kryvaltsevič M, Makarowicz P, redaktorzy. *Od neolityzacji do początków epoki brązu. Przemiany kulturowe w międzyrzeczu Odry i Dniepru między VI i II tys. przed Chr*. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie; 2001. s. 167–193.

25. Kryvaltsevich MM. [Belarusian Palessye on the turn of Neolithic and Bronze Age: issues and prospects of archaeological research]. In: Kośko A, Kalečyc A, redaktorzy. *Wspólnota dziedzictwa kulturowegoziem Białorusii Polski*. Warszawa: Krajowy ośrodek badań i dokumentacji zabytków; 2004. s. 137–162. Belarusian.

26. Kryvaltsevich M. [New research results of the Late Neolithic – Early Bronze Age in West Palessye]. In: Stankiewicz U, Wawrusiewicz A, redaktorzy. *Na rubieży kultur. Badania nad okresem neolitu i wczesną epoką brązu*. Białystok: Instytucja kultury wojwodstwa Podlaskiego; 2011. s. 207–217. Belarusian.

27. Kryvaltsevich M, Isayenka U, Majsenia S. [The pottery of the «Corded» and «Trzciniec» horizons of the site Kamien-2 (Western Palessye)]. *Gistarychna-arhealagichny zbornik*. 2003;18:69–91. Belarusian.

28. Kryvaltsevich MM. [The «Corded Horizon» in Belarus: questions of identification and origins]. In: Czebreszuk J, Kryvaltsevič M, Makarowicz P, redaktorzy. *Od neolityzacji do początków epoki brązy. Przemiany kulturowe w międzyrzeczu Odry i Dniepru między VI i II tys. przed Chr*. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie; 2001. s. 259–275. Belarusian.

29. Obuchowski W. *Zabytki krzemienne i kamienne od paleolitu do wczesnej epoki żelaza z terenów Białorusi w zbiorach Państwowego Museum Archeologicznego w Warszawie.* Warszawa: Wydawnictwo PMA; 2003. 208 s.

30. Abukhouski VS, Zuyeva AU, Sidarovich VM. [Quadrangular flint banded articles in the collection of the National Museum of History and Culture of Belarus]. *Acta Achaeologica Albaruthenica*. 2008;3:17–41. Belarusian.

31. Charniauski MM. [The Neolithic with Prick-Comband Prick Potteryin Western Belarus. Evolution characteristics]. W: Czebreszuk J, Kryvaltsevič M, Makarowicz P, redaktorzy. *Od neolityzacji do początków epoki brązy. Przemiany kulturowe w międzyrzeczu Odry i Dniepru między VI i II tys. przed Chr*. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie; 2001. s. 231–240. Belarusian.

32. Wawrusewicz A. Taksonomiczne podstawy identyfikacji tradycji kultury pucharów lejkowatych w środowisku strefy leśnej Europy Wschodniej. Perspectywa subneolitu kontynentalnego. *Matjeryjaly pa arhealogii Belarusi*. 2010;18:131–146.

33. Kryvaltsevich M. Die Rolle der Kugelamphorenkultur bei der Entwicklung der Gesellschaften des oberen Dnjeprgebietes. In: Beran J, Einecke R, Schimpff V, Wagner K, Weber Th, editors. *Lehren – Sammeln – Publizieren*. Leipzig: Leipziger Universitetsverlag; 2016. S. 231–244.

34. Vaitovich AV. The role of the Globular Amphora Culture in the development of the Upper Neman communities. *Samarskii nauchnyi vestnik*. 2019;8(2):106–114. Russian.

35. Charniauski M, Vaitovich A. The Globular Amphora culture and its influences on the Belarusian Lakeland (according to the materials of the Kryvina peat bog). In: Szmyt M, editor. *Vir Bimaris. From Kujawy Cradle to Black Sea Steppes. Studies on the Prehistory of the Baltic-Pontic Between-the-Seas. In Recognition of Professor Aleksander Kośko*. Poznań: Adam Mickiewicz University; 2019. p. 609–620. Belarusian.

36. Kryvaltsevich MM. [The first people on the territory of Belarusian Palessye: Stone Age and Bronze Age]. In: Kavalienia AA, editor. *Belarus' praz pryzmu rjegijanal'naj gistoryi: Prypjackae Palesse* [Belarus through the prism of the regional history]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2016. p. 8–37. Belarusian.

37. Kryvaltsevich MM. [From the investigation of the Late Bronze Age in the South of Belarus]. In: Kośko A, Czebreszuk J, redaktorzy. *«Trzciniec» – system kulturowy czy interkulturowy process?* Poznań: Wydawnictwo Poznańskie; 1998. s. 345–353. Belarusian.

38. Kaleczyc A, Michalczuk W. Mikroregion Motolski (Polesie Zachodnie) w perspektywie procesów interstadium epok neolitu i brązu. Ujęcie genezy horyzontu trzcinieckiego. W: Stankiewicz U, Wawrusiewicz A, redaktorzy. *Na rubieży kultur. Badania nad okresem neolitu i wczesną epoką brązu*. Białystok: Instytucja kultury wojwodstwa Podlaskiego; 2011. s. 267–278.

39. Kryvaltsevich MM. [The issues of periodization and chronology of Bronze Age on the territory of Southern Belarus]. *Gistarychna-arhealagichny zbornik*. 2006;22:39–52. Belarusian.

40. Białowarczuk M, Gawrońska J. Kultura amfor kulistych w przemianach późnego neolitu i wczesnej epoki brązu w północno-wschodniej Polsce. W: Stankiewicz U, Wawrusiewicz A, redaktorzy. *Na rubieży kultur. Badania nad okresem neolitu i wczesną epoką brązu*. Białystok: Instytucja kultury wojwodstwa Podlaskiego; 2011. s. 109–120.

Артыкул паступіў у рэдкалегію 06.12.2019.
Received by editorial board 06.12.2019.

Юбилеи

Юбілеі

Jubilees

Анатолий Петрович САЛЬКОВ

Анатоль Пятровіч САЛЬКОЎ

Anatol Piatrovich SALKOU

Анатолий Петрович Сальков родился 3 апреля 1950 г. в п. г. т. Тикси Якутской АССР в семье военнослужащего. В скором времени семейство Сальковых переехало в Минск. В 1967 г. Анатолий Петрович поступил на исторический факультет Белорусского государственного университета, с которым и связал свой дальнейший творческий путь. После окончания с отличием в 1972 г. отделения истории по специализации «история нового и новейшего времени» А. П. Сальков начал научно-преподавательскую работу в БГУ в должности преподавателя кафедры истории СССР советского периода. В 1979 г. он защитил кандидатскую диссертацию на тему «Изменения в численности и составе рабочих машиностроительной и металлообрабатывающей промышленности Белорусской ССР (1959–1970 гг.)» (научный руководитель – И. Е. Марченко). В 1982 г. получил звание доцента. На протяжении 7 лет (1981–1988) Анатолий Петрович являлся заместителем декана по учебной работе исторического факультета БГУ. В 1988 г. он стал заведующим кафедрой истории СССР советского периода, а после ее трансформации в 1992 г. возглавил кафедру новейшей истории славянских стран. После очередного реформирования структурных подразделений факультета в 1998 г. под руководством А. П. Салькова начала работу кафедра истории южных и западных славян, ставшая единственной в Республике Беларусь университетской кафедрой классической исторической славистики.

Благодаря энтузиазму А. П. Салькова вновь созданная кафедра вскоре зарекомендовала себя как один из учебно-методических и научных центров исторического факультета. В 2005 г. Анатолий Петрович выступил инициатором систематического изложения и преподавания истории всех зарубежных славянских стран и народов на уровне общих курсов и курсов специализации. Это позволило на протяжении 2007–2014 гг. реализовывать на кафедре две специализации: «история южных славян» и «история западных славян», объединенные в дальнейшем в единую специализацию.

CC BY NC

А. П. Сальков является соавтором ряда учебно-методических пособий[1]. Продолжительное время Анатолий Петрович работал в секции истории и обществоведения Научно-методического совета при Министерстве образования Республики Беларусь.

Под руководством А. П. Салькова было защищено более 10 диссертаций на соискание степени кандидата исторических наук по истории Чехословакии, Польши, Югославии, Македонии, Хорватии, Румынии, Венгрии. Это позволило сформировать кафедральную школу историков-славистов и балканистов, трое представителей которой в данный момент работают на кафедре. В 2010 г. А. П. Сальков занял второе место в конкурсе на лучшего руководителя и организатора научно-исследовательской работы студентов и аспирантов БГУ (номинация «Подготовка кадров высшей квалификации»). На протяжении последних 25 лет он являлся руководителем пяти научных заданий в рамках государственной программы научных исследований Национальной академии наук Беларуси.

Следует отметить, что под руководством Анатолия Петровича студенты неоднократно становились стипендиатами специального фонда Президента Республики Беларусь по социальной поддержке одаренных учащихся и студентов, были участниками и победителями республиканского конкурса научных работ.

Стараниями А. П. Салькова кафедра истории южных и западных славян активно развивает международное сотрудничество с учебными и научными центрами различных государств. Среди них – кафедра истории южных и западных славян Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, возглавляемая профессором Г. Ф. Матвеевым, Институт славяноведения Российской академии наук, Варшавский университет, Институт истории Польской академии наук, Карлов университет, Западночешский университет в Пльзене, Университет имени Я. А. Коменского в Братиславе, Северо-Кавказский федеральный университет и многие другие.

Важную роль в расширении международного сотрудничества кафедры сыграл выпуск единственного в Беларуси ежегодника по славянской истории «Российские и славянские исследования», ответственным редактором которого (наряду с О. А. Яновским) являлся А. П. Сальков, придумавший оригинальную концепцию издания, сделавшую его узнаваемым среди отечественных и зарубежных специалистов. За период 2004–2016 гг. при непосредственном участии А. П. Салькова было выпущено 11 сборников.

По инициативе Анатолия Петровича кафедра выступила организатором более 40 республиканских и международных научных конференций и круглых столов, среди которых особенно стоит отметить международные конференции «Национально-территориальный фактор в истории Центральной и Юго-Восточной Европы в XX веке и Россия (СССР)» (2003), «Кирилло-Мефодиевская традиция в истории славянских стран» (2013), славянские и балканские чтения кафедры (с 2018 г.).

Научные интересы А. П. Салькова связаны с историей национально-территориальных конфликтов в Центрально-Восточной Европе в 1930–40-х гг. и роли в них СССР. Анатолий Петрович оказался одним из первых белорусских историков, которые на волне архивной революции 1990-х гг. приняли участие в поиске и введении в научный оборот обширного пласта дипломатических источников из фондов центральных российских архивов. В ходе масштабной исследовательской работы им были подготовлены циклы статей и сообщений (в общей сложности более 150 материалов), освещающие исторические корни, развитие и урегулирование национально-территориальных конфликтов на фоне двух мировых войн в широком географическом диапазоне – от Восточной Пруссии на севере до Западной Фракии на юге. Обобщающим результатом научных исследований А. П. Салькова стала монография «Национально-территориальные конфликты в Центрально-Восточной Европе во внешней политике СССР (1938–1949 гг.)» (Минск, 2019). В ней на основе широкого спектра фондов российских архивов и опубликованных документов рассмотрена политико-дипломатическая борьба вокруг урегулирования восьми крупнейших национально-территориальных конфликтов: чехословацко-венгерского в Южной Словакии (Верхней Венгрии), венгерско-румынского в Трансильвании, югославско-австрийского в Южной Каринтии (Словенской Корошке) и словенских пограничных районах Южной Штирии, югославско-итальянского в Юлийской Крайне (Венеции-Джулии) и вокруг Триеста, албано-греческого в Южной Албании (Северном Эпире) и Чамерии, болгарско-румынского в Южной Добрудже, греко-болгарского в Западной Фракии, югославско-болгарского на Западных покраинах и в Восточной (Пиринской) Македонии. Есть основания считать, что к данному масштабному труду как к своеобразному энциклопедическому справочнику по дипломатической истории Централь-

[1]История южных славян с древнейших времен до 1914 г. / О. А. Симакова [и др.]. Минск : БГУ, 2005. 203 с. ; История культуры южных и западных славян : в 3 ч. Ч. 1. С древнейших времен до начала XVII в. / А. П. Сальков [и др.] ; под общ. ред. А. П. Салькова. Минск : БГУ, 2008. 295 с. ; Методика преподавания истории : учеб.-метод. пособие для студентов-заочников V–VI курсов ист. фак. БГУ : в 2 ч. / М. С. Довгялло [и др.]. Минск : БГУ, 2010 ; История южных и западных славян : электрон. учеб.-метод. комплекс для студентов ист. фак. спец. 1-21 03 01 «История (по направлениям)» : в 4 ч. Ч. 4. Новейшая история южных славян с 1914 г. по н. в. / В. Н. Кухаренко, А. П. Сальков. Минск : БГУ, 2018. 111 с.

ной и Балканской Европы первой половины XX в. будут обращаться многие поколения отечественных и зарубежных славистов.

Учебно-методическая и научно-исследовательская работа А. П. Салькова неоднократно отмечалась руководством Белорусского государственного университета и исторического факультета, а также Национальной академией наук Беларуси и Советом Министров Республики Беларусь. В 1982 г. Анатолий Петрович стал лауреатом премии ЛКСМБ в области науки и техники. Он награжден Почетной грамотой (1984) и грамотой Министерства высшего и среднего специального образования БССР (1987), Почетной грамотой Министерства образования Республики Беларусь (2010). А. П. Сальков является обладателем грамоты (1986) и Почетной грамоты Белорусского государственного университета (1982, 1994, 2001, 2005, 2020). В 2009 г. ему была объявлена благодарность ректора БГУ, а в 2015 г. – вручен ценный подарок. Анатолию Петровичу присуждены звания «Отличник образования Республики Беларусь» (2000) и «Заслуженный работник Белорусского государственного университета» (2013). В 2016 г. он награжден Почетной грамотой Совета Министров Республики Беларусь и грамотой Отделения гуманитарных наук и искусств Национальной академии наук Беларуси. В 2019 г. А. П. Сальков занесен на Доску почета БГУ.

Коллеги и ученики Анатолия Петровича отмечают его высокий профессионализм как ученого и руководителя кафедры истории южных и западных славян, отзывчивость, стремление прийти на помощь и поделиться советом. Будучи человеком, открытым к вызовам современного общества, А. П. Сальков неоднократно выступал примером в организации учебно-методической и научной работы, вдохновляя сотрудников кафедры и учеников на новые свершения.

Желаем Анатолию Петровичу Салькову здоровья и творческих успехов на благо белорусской славистики. А для всех нас, его коллег, учеников и друзей, счастьем и большим везением является сама встреча и близкое сотрудничество с таким интересным, талантливым и неординарным человеком.

***Л. А. Козик*[2], *В. В. Репин*[3]**

[2]*Любовь Антоновна Козик* – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории южных и западных славян исторического факультета Белорусского государственного университета.

Любоў Антонаўна Козік – кандыдат гістарычных навук, дацэнт; дацэнт кафедры гісторыі паўднёвых і заходніх славян гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Lioubov A. Kozik, PhD (history), docent; associate professor at the department of Southern and Western Slav's history, faculty of history, Belarusian State University.

Email: *lubov.kozik@gmail.com*

[3]*Виталий Валерьевич Репин* – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории южных и западных славян исторического факультета Белорусского государственного университета.

Віталь Валер'евіч Рэпін – кандыдат гістарычных навук, дацэнт; дацэнт кафедры гісторыі паўднёвых і заходніх славян гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Vitali V. Repin, PhD (history), docent; associate professor at the department of Southern and Western Slav's history, faculty of history, Belarusian State University.

E-mail: *repinv@bsu.by*

Критика и библиография

Крытыка і бібліяграфія

Review and bibliography

Гужаловский А. А. **Красный карандаш: очерки по истории цензуры в БССР** : в 2 кн. Минск, 2012–2018. Кн. 1 : 1919–1941 гг. Минск : Ред. газ. «Звязда», 2012. 304 с. ; Кн. 2 : 1943–1991 гг. Минск : А. М. Янушкевіч, 2018. 320 с. (на белорус.).

Гужалоўскі А. А. **Чырвоны аловак: нарысы па гісторыі цэнзуры ў БССР** : у 2 кн. Мінск, 2012–2018. Кн. 1 : 1919–1941 гг. Мінск : Рэд. газ. «Звязда», 2012. 304 с. ; Кн. 2 : 1943–1991 гг. Мінск : А. М. Янушкевіч, 2018. 320 с.

Huzhalouski A. A. **Red pencil: essays on the history of censorship in the BSSR** : in 2 books. Minsk, 2012–2018. Book 1 : 1919–1941. Minsk : Rjedakcyja gazety «Zvjazda», 2012. 304 p. ; Book 2: 1943–1991. Minsk : A. M. Janushkevich, 2018. 320 p. (in Belarus.).

Исследование А. А. Гужаловского посвящено истории цензуры в БССР. Монография состоит из двух книг. Первая, опубликованная в 2012 г., охватывает период 1919–1941 гг., вторая, вышедшая в 2018 г., раскрывает работу цензурных органов в БССР с освобождения белорусских земель от немецко-фашистских захватчиков в 1943 г. и до распада Советского Союза в 1991 г.

Монография написана на основе широкого круга источников. Однако ссылки на архивные материалы ограничиваются только указанием названия архива, номера фонда, описи и соответствующего листа. Отсутствие названия используемого документа и времени его создания не позволяет читателю провести первичную верификацию информации, привлекаемой автором из источника для доказательства своих суждений. Например, данные годового отчета или докладной записки все же вызывают большее доверие, чем высказывания сотрудников цензурных органов на партийных или производственных совещаниях, зафиксированные в протоколах.

Источниковедческая база включает в себя не только архивные материалы, но и сборники документов, периодическую печать 1920–30-х гг. и последующих лет. Используемые опубликованные источники относятся как к цензурным органам, так и к учреждениям культуры, печати и т. д. Привлечение такого широкого круга материалов позволяет автору выйти за институциональные оценки, которые объективно проникали в отчеты, записки и иные документы, и нивелировать влияние источника на выработку собственной позиции.

Первая часть монографии А. А. Гужаловского посвящена истории цензуры 1919–1941 гг. и преследует цель проанализировать не только организацию цензурных органов и их работу, но и деятельность учреждений, которые цензурировались. Структурно книга состоит из пяти глав: «Главлит БССР в системе информационного контроля общества»; «Парнас под цензурным контролем»; «Метаморфозы четвертой власти: от мозаики к монолиту»; «Под зорким оком Главреперткома»; «Исчезновение культурного наследия».

Содержание второй части монографии стилистически аналогично первой книге и включает следующие главы: «Главлит БССР в системе информационного контроля общества»; «Парнас под цензурным контролем»; «Метаморфозы четвертой власти: от монолита к мозаике»; «Под зорким оком Главреперткома и его преемников»; «Ограничение доступа к культурному наследию».

Структура обеих книг не вызывает сомнения и вполне логична. Она демонстрирует желание А. А. Гужаловского изучить цензуру не только с точки зрения деятельности соответствующего ведомства, но и как явление культуры, важный фактор информационного пространства БССР. Это, безусловно, придает монографии серьезное историографическое значение, поскольку подобного рода исследования практически не проводились.

Наряду с этим следует отметить определенную однотипность в названии глав первой и второй

CC BY NC

книг. Можно было, сохранив смысл, дать им отличные друг от друга заголовки, избежав тем самым зеркального эффекта.

Необходимо добавить, что, в отличие от первой книги, во второй А. А. Гужаловский делит главы на параграфы, благодаря чему вторая часть исследования имеет более систематизированный вид. Возможно, это объясняется тем, что она вышла спустя 6 лет, и это позволило автору, посмотрев первую часть монографии в напечатанном виде, внести определенные коррективы в комплектование материала и сделать его изложение более структурированным, что и нашло отражение в появлении соответствующих параграфов.

Несомненным плюсом исследования А. А. Гужаловского является наличие значительного количества таблиц, фотографий, исторических документов, поскольку все это позволяет читателю лучше понять развитие цензуры в БССР и придает мыслям автора определенную наглядность.

Обращаясь к содержанию монографии, следует отметить, что основные идеи и суждения доказаны автором, но рецензенту хотелось бы высказать свое мнение по некоторым частным сюжетам.

В первой главе первой книги анализируется положение Главлита в системе информации БССР. При изложении этой сюжетной линии А. А. Гужаловский рассматривает, как был организован Главлит БССР, кому он подчинялся и в какие структуры входил (кн. 1, с. 13). Описание этих аспектов сделано на высоком уровне с привлечением широкого круга источников, но есть ряд утверждений, с которыми трудно согласиться. В частности, утверждение автора, что в период «большого скачка» И. В. Сталин боролся с проявлениями либерализма в СМИ с помощью репрессий и установления тотального партийного контроля над всеми формами информации (кн. 1, с. 23). Эта идея верна только отчасти и характерна прежде всего для центральных СМИ, с региональными же дело обстояло намного сложнее, о чем свидетельствуют материалы Республики Карелии, Ленинградской и Мурманской областей, где партийные структуры сами относились к цензурным органам как к лишнему элементу и не стремились помогать им, а представители периодической печати и радио подчас игнорировали мнения цензоров, и это оставалось безнаказанным.

Более того, в Карелии в начале 1930-х гг. вообще возникла ситуация, когда органы цензуры фактически перестали существовать (из всего штатного расписания управления был только один начальник), а представители райлитов Ленинградской области на протяжении 1930-х гг. постоянно жаловались в Ленинград, что про них забыли все от Леноблгорлита до районных партийных организаций.

Вместе с тем следует отметить, что А. А. Гужаловский не только обозначил, но и изучил в данной главе повседневную работу Истпарта, его влияние на цензурирование и т. д. (кн. 1, с. 83). Этот аспект важен, поскольку в современной историографии ему уделяется незначительное внимание.

В первой книге отдельная глава посвящена истории Главреперткома. В ней автор описывает, как в БССР развивалась цензура в области театра, эстрады и кино (кн. 1, с. 188), рассматривает механизм цензурирования (кн. 1, с. 190) и многие другие вопросы. История Главреперткома в БССР 1920–30-х гг. представляет большой интерес. Примечательно, что в определенной степени она оказалась схожей с историей аналогичного органа в Ленинграде, но отличалась от развития театральной цензуры в Ленинградской и Мурманской областях, а также Республике Карелии с точки зрения структуры и кадрового состава.

Переходя к анализу второй книги А. А. Гужаловского, следует отметить, что с его утверждением о цензуре 1943–1991 гг. как тотальной (кн. 2, с. 6) можно согласиться только частично. Представляется, что размещение этого тезиса в самом начале книги несколько схематизирует историю цензуры на таком значительном временном отрезке.

К примеру, материалы Ленинграда и Ленинградской области, Петрозаводска, Республики Карелии, а также Мурманска и Мурманской области демонстрируют, что в 1944–1945 гг. и в первые годы послевоенного периода цензурные органы испытывали финансовые, материально-технические и кадровые проблемы, которые не позволяли им выполнять свои обязанности должным образом.

В целом представляется, что термин «тотальная цензура» в отношении цензурных практик СССР можно отнести к историографической традиции 1990-х гг., на современном уровне знания эмпирического материала это понятие утрачивает эвристичность. По всей вероятности, для более адекватного отражения и научного изучения существовавших цензурных реалий необходим иной термин.

Наверное, стоит задуматься о правомерности и возможности сравнения (как это сделано в монографии А. А. Гужаловского) развития цензуры в период нэпа и ее состояния после XX съезда КПСС (кн. 2, с. 17).

Подобных сюжетных линий, которые можно охарактеризовать как интересные, новые для историографии, но требующие привлечения эмпирического материала других регионов СССР и осмысления, в рецензируемой монографии очень много. Все это необходимо для понимания феномена советской цензуры, которая в зависимости от региона страны обладала своими уникальными особенностями.

В подтверждение вышесказанного можно привести один из указанных в работе А. А. Гужаловского фактов. Так, если на территории БССР в 1970 г. западные радиостанции глушили (кн. 2, с. 258), то

в Ленинграде во второй половине 1960-х гг. их сигнал не глушился, и жители города могли слушать зарубежное радио. Этот вывод рецензент делает на основании содержания протокола партийного собрания работников учреждений культуры, но подобное утверждение требует перепроверки по другим источникам.

Монографическое исследование А. А. Гужаловского интересно и значимо не только с точки зрения введения в научный оборот большого числа архивных источников, выдвижения подчас спорных, но нужных для развития исторического знания гипотез и суждений. Данная работа важна еще и с позиции разрушения устоявшихся среди широкого круга читателей стереотипов о советской действительности. В частности, в массовой литературе существует два «мифологических» суждения. Первое – постановление ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 г. «О журналах “Звезда” и “Ленинград”», после которого власть стала закручивать гайки, было единственным. Однако это не совсем так, и в своей работе автор показывает, что подобных постановлений по стране было несколько (кн. 2, с. 201).

Второй миф – джазовая музыка в СССР находилась под запретом и являлась гонимой, но А. А. Гужаловский вполне убедительно оспаривает этот тезис и на наглядном примере демонстрирует всю сложность и противоречивость отношения советской власти к джазу (кн. 2, с. 311).

Таким образом, рецензируемая монография, несмотря на определенные технические недоработки и некоторые спорные суждения, представляет интерес для исторической науки и массового читателя.

Ф. К. Ярмолич[1]

---

[1]*Федор Кузьмич Ярмолич* – кандидат исторических наук, доцент; научный сотрудник отдела современной истории России Санкт-Петербургского института истории (дом Н. П. Лихачева) Российской академии наук, доцент кафедры истории Отечества Первого Санкт-Петербургского государственного медицинского университета имени академика И. П. Павлова.

Фёдар Кузьміч Ярмоліч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт; навуковы супрацоўнік аддзела сучаснай гісторыі Расіі Санкт-Пецярбургскага інстытута гісторыі (дом М. П. Ліхачова) Расійскай акадэміі навук, дацэнт кафедры гісторыі Айчыны Першага Санкт-Пецярбургскага дзяржаўнага медыцынскага ўніверсітэта імя акадэміка І. П. Паўлава.

Fyodor K. Yarmolich, PhD (history), docent; researcher at the department of contemporary history of Russia, Saint Petersburg Institute of History (N. P. Lihachov mansion) of Russian Academy of Sciences, and associate professor at the department of history of Fatherland, Pavlov First Saint Petersburg State Medical University.

E-mail: *f.k.1985@mail.ru*

Памяти ученого

Памяці вучонага

To the memory of scientist

Анатолий Михайлович
ЛЮТЫЙ

Анатоль Міхайлавіч
ЛЮТЫ

Anatol Mihajlavich
LIUTY

12 сакавіка 2020 г. пайшоў з жыцця прафесар Анатоль Міхайлавіч Люты – вядомы беларускі гісторык, доктар гістарычных навук, прафесар кафедры гісторыі Беларусі і славянскіх народаў гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя Максіма Танка, прызнаны спецыяліст у галінах гісторыі Беларусі перыяду позняга феадалізму, гістарыяграфіі і крыніцазнаўства.

Нарадзіўся А. М. Люты 2 студзеня 1951 г. у мястэчку Смілавічы Чэрвеньскага раёна Мінскай вобласці ў сям'і служачых. Яшчэ ў школе Анатоль Міхайлавіч зацікавіўся гісторыяй і літаратурай Беларусі. Магчыма, на выбар жыццёвага шляху будучага доктара гістарычных навук паўплывала знаёмства з класікам беларускай літаратуры Уладзімірам Караткевічам, які неаднаразова наведваўся ў мястэчка. Пасля службы ў Чырвонай арміі Анатоль Міхайлавіч паступіў на гістарычны факультэт Мінскага дзяржаўнага педагагічнага інстытута імя А. М. Горкага. Менавіта тут сярод вядомых выкладчыкаў – члена-карэспандэнта Акадэміі навук БССР прафесара Н. В. Каменскай, акадэміка Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі М. П. Касцюка, прафесара В. М. Фаміна, прафесара М. Д. Каўшарава і многіх іншых гісторыкаў – раскрыўся прафесійны талент Анатоля Міхайлавіча. Яшчэ будучы студэнтам, ён стаў лаўрэатам першай ступені на Усесаюзным студэнцкім конкурсе навуковых работ, падрыхтаваў некалькі артыкулаў, прыняў удзел у напісанні краязнаўчай работы па гісторыі г. Чэрвеня.

У 1976 г., пасля заканчэння вучобы, працаваў настаўнікам гісторыі і нямецкай мовы, намеснікам

CC BY NC

дырэктара па выхаваўчай рабоце ў Смілавіцкай сярэдняй школе, дырэктарам Старынскай васьмігадовай школы Чэрвеньскага раёна Мінскай вобласці (1976–1979), лектарам Чэрвеньскага раённага камітэта КПБ (1979–1982). Але навуковую работу, да якой ляжала душа, Анатоль Міхайлавіч не закідваў і плённа працаваў над кандыдацкай дысертацыяй. Настойлівасць і разважлівасць маладога навукоўца прынесла свой плён: у 1981 г. А. М. Люты з поспехам абараніў кандыдацкую дысертацыю на тэму «Сацыяльна-эканамічнае развіццё гарадоў Беларусі ў канцы XVIII – першай трэці XIX ст.» (навуковы кіраўнік – прафесар В. У. Чапко). Гэта стала чарговай прыступкай у прафесійным развіцці Анатоля Міхайлавіча, скіравала яго на новае асэнсаванне гісторыі Беларусі перыяду позняга феадалізму.

У 1990 г. А. М. Люты выдае адну з самых фундаментальных работ у айчыннай гістарыяграфіі па сацыяльна-эканамічнай гісторыі Беларусі і абараняе доктарскую дысертацыю на тэму «Сацыяльна-эканамічнае развіццё Беларусі ў другой палове XVIII – першай палове XIX ст.: да праблемы генезісу капіталізму».

За гэты перыяд Анатоль Міхайлавіч прайшоў шлях ад выкладчыка (1977–1979) да загадчыка кафедры гісторыі Беларусі гістарычнага факультэта сваёй alma mater (1985–2015), непрацяглы час быў рэктарам Мінскага інстытута кіравання (1993–1994).

Але гістарычная навука і выкладчыцкая дзейнасць заўсёды займалі першынство ў жыцці А. М. Лютага. Навуковец падрыхтаваў шэраг манаграфій і навучальных дапаможнікаў для студэнтаў: «Сацыяльна-эканамічнае развіццё Беларусі ў другой палове XVIII – першай палове XIX ст.» (2004), «Роля і месца купецтва Беларусі ў працэсе генезісу капіталізму ў другой палове XVIII – першай палове XIX ст.» (2008) і інш. У сваіх працах Анатоль Міхайлавіч сфармуляваў новыя падыходы да вывучэння гістарыяграфіі генезісу капіталізму на беларускіх землях, абгрунтаваў канцэпцыю гістарычнай адукацыі ў Рэспубліцы Беларусь, апрабіраваў выкарыстанне матэматычных метадаў у гістарычных даследаваннях.

Акрамя таго, А. М. Люты праводзіў плённую навукова-даследчую працу, з'яўляўся кіраўніком і распрацоўшчыкам кафедральнай тэмы «Сацыяльна-эканамічнае развіццё, грамадска-палітычнае і культурнае жыццё ў Беларусі ў другой палове XIX – пачатку XX ст.».

Сапраўдным прызнаннем навуковых дасягненняў Анатоля Міхайлавіча стала афармленне пад яго кіраўніцтвам у 1991 г. навуковай школы па даследаванні праблем генезісу капіталізму ў Беларусі і ўрбанізацыі, фарміравання беларускай нацыі. Анатоль Міхайлавіч стварыў даследчую школу па шматлікіх і складаных пытаннях гісторыі Беларусі XVIII–XIX стст.

Пад кіраўніцтвам А. М. Лютага паспяхова абаранілі кандыдацкія дысертацыі 23 аспіранты, ён выступаў навуковым кансультантам для 4 саіскальнікаў доктарскай ступені. Навуковая школа ў галіне сацыяльна-эканамічнай гісторыі Беларусі другой паловы XVIII – першай паловы XIX ст., створаная прафесарам А. М. Лютым, застанецца яго спадчынай.

На працягу 12 гадоў Анатоль Міхайлавіч з'яўляўся старшынёй савета па абароне доктарскіх дысертацый па спецыяльнасцях «айчынная гісторыя» і «методыка выкладання гісторыі» пры Беларускім дзяржаўным педагагічным універсітэце імя Максіма Танка. Каля 10 гадоў быў членам савета Фонда фундаментальных даследаванняў Рэспублікі Беларусь, кіраўніком шматлікіх навуковых праектаў.

Нягледзячы на занятасць вучэбнай, навукова-даследчай, метадычнай работай, Анатоль Міхайлавіч знаходзіў час і для ўдзелу ў грамадскім жыцці факультэта і ўніверсітэта: удзельнічаў у пасяджэннях вучонага савета ўніверсітэта, савета гістарычнага факультэта і каардынацыйнага савета пры Інстытуце гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі.

За актыўны ўдзел у забеспячэнні навучальна-выхаваўчага працэсу па падрыхтоўцы педагагічных кадраў А. М. Люты быў узнагароджаны ганаровымі граматамі Міністэрства адукацыі БССР, Міністэрства адукацыі СССР, Савета Міністраў Рэспублікі Беларусь, знакам «Выдатнік адукацыі БССР», медалём Францыска Скарыны.

Анатоль Міхайлавіч ва ўсіх адносінах з'яўляўся шматгранная асобай. Ён быў не толькі выдатным навукоўцам, а і добрасардэчным, шчырым чалавекам: для сваёй сям'і – любячым бацькам і мужам, надзейным сябрам; для калег і падначаленых – сапраўдным вучоным і даследчыкам, спагадлівым кіраўніком, чулым да чужога гора; для студэнтаў, аспірантаў і дактарантаў – адным з самых любімых і паважаных выкладчыкаў, энцыклапедычная памяць і эрудыцыя якога дазваляла кожную лекцыю зрабіць асаблівай, зацікавіць слухачоў да вывучэння гісторыі роднага краю. Анатоль Міхайлавіч вылучаўся мэтанакіраванасцю, патрабавальнасцю ў дачыненні да аспірантаў і дактарантаў, адказнасцю, дысцыплінаванасцю, добразычлівасцю, настойлівасцю ў дасягненні пастаўленых задач. У А. М. Лютага не было «чужых» аспірантаў: кожнаму, хто звяртаўся па дапамогу ці параду, ён ніколі не адказваў, многіх вёў па жыцці, бескарысліва дзяліўся сваімі навуковымі напрацоўкамі, ідэямі. Хацеў як мага больш зрабіць для блізкіх, калег і краіны.

Анатоль Міхайлавіч застанецца ўзорам працавітасці, сумленнасці і сціпласці, клапатлівасці і любові да сваёй сям'і, дзяцей, унукаў, самаадданага служэння навуцы і людзям. Усе, хто ведаў Анатоля Міхайлавіча, любілі і паважалі яго. Светлая памяць аб ім назаўсёды застанецца ў нашых сэрцах.

Са смерцю Анатоля Міхайлавіча Лютага беларуская гістарычная навука панесла вялікую страту. Рэдакцыйная калегія выдання «Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Гісторыя», прафесарска-выкладчыцкі склад і студэнцтва гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя Максіма Танка заўсёды будуць памятаць Анатоля Міхайлавіча, яго прафесійныя дасягненні і чалавечыя якасці.

В. П. Скок[1]**, *В. Н. Кадира***[2]**, *А. В. Конойко***[3]

[1]*Вероника Петровна Скок* – кандидат исторических наук, доцент; декан исторического факультета Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка.

Вераніка Пятроўна Скок – кандыдат гістарычных навук, дацэнт; дэкан гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя Максіма Танка.

Veranika P. Skok, PhD (history), docent; dean of the faculty of history, Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank.

E-mail: *history@bspu.by*

[2]*Владислав Николаевич Кадира* – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории Беларуси и славянских народов исторического факультета Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка.

Уладзіслаў Мікалаевіч Кадзіра – кандыдат гістарычных навук, дацэнт; дацэнт кафедры гісторыі Беларусі і славянскіх народаў гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя Максіма Танка.

Uladzislau M. Kadzira, PhD (history), docent; associate professor at the department of history of Belarus and Slavic peoples, faculty of history, Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank.

E-mail: *vlad3008.79@mail.ru*

[3]*Александр Владимирович Конойко* – главный советник управления по идеологии и информационной политике Главного идеологического управления Администрации Президента Республики Беларусь.

Аляксандр Уладзіміравіч Канойка – галоўны саветнік упраўлення па ідэалогіі і інфармацыйнай палітыцы Галоўнага ідэалагічнага ўпраўлення Адміністрацыі Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь.

Alexander U. Kanojka, chief advisor at the department for ideology and information policy, Main Ideological Department, Administration of the President of the Republic of Belarus.

E-mail: *konoyko@president.gov.by*

АННОТАЦИИ ДЕПОНИРОВАННЫХ В БГУ РАБОТ

АНАТАЦЫІ ДЭПАНІРАВАНЫХ У БДУ ПРАЦ

INDICATIVE ABSTRACTS OF THE PAPERS DEPOSITED IN BSU

УДК 39(476)+338.48-6:39(476)+338.48-6:7/8(476)

Этнокультурное наследие Беларуси и его использование в туризме [Электронный ресурс] : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 17 окт. 2019 г.) / редкол.: Т. А. Новогродский, И. В. Олюнина (отв. ред.) ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2020. 65 с. : ил. Библиогр. в конце отд. ст. Режим доступа: http://elib.bsu.by/handle/123456789/240316. Загл. с экрана. Деп. 18.02.2020, № 001218022020.

В сборник вошли доклады, представленные на Международной научно-практической конференции «Этнокультурное наследие Беларуси и его использование в туризме», которая проходила 17 октября 2019 г. в Белорусском государственном университете (Минск, Беларусь). Адресуется ученым, преподавателям, аспирантам, магистрантам, студентам, а также всем, кто интересуется вопросами развития современной туристической индустрии. Все материалы представлены в авторской редакции.

УДК 94(470)«18/19»(076.6)+94(477)«18/19»(076.6)

Жарко С. Б. **Хрестоматия по истории России и Украины. С начала XIX в. до начала XX в.** [Электронный ресурс] : для студентов 1–2-х курсов ист. фак. днев. и заоч. форм получения образования по спец.: 1-21 03 01 «История (по направлениям)»; 1-23 01 12 «Музейное дело и охрана историко-культурного наследия (по направлениям)» / С. Б. Жарко, А. А. Кондратенко ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2020. 206 с. Библиогр. в тексте. Режим доступа: http://elib.bsu.by/handle/123456789/241494. Загл. с экрана. Деп. 24.03.2020, № 002924032020.

Издание содержит примерную тематику семинарских занятий, примерные темы контролируемых самостоятельных работ, вопросы к ним, методические рекомендации по подготовке к семинарам (для студентов) и их проведению (для преподавателей). Для проведения семинарских занятий в издание включена значительная подборка источников (их текстов), непосредственно относящихся к темам семинарских занятий, а также списки литературы для углубленной подготовки. Данное пособие предназначено для студентов и преподавателей исторического факультета БГУ, а также исторических факультетов других университетов Республики Беларусь.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ БЕЛАРУСИ

Нагирный В. Н. К вопросу о личности Жирослава Нажировича, возглавлявшего поход киевских войск на Менск в 1159 г. 5

Антонович З. В. Массовые источники по личному составу православного и римско-католического духовенства конца XVIII – начала XX в. 11

Гущинский И. Г. Судебная система на территории Беларуси в 1797–1840 гг. 19

Лавринович Д. С. Депутаты III и IV Государственной думы от Могилёвской губернии: социальные и политические характеристики 31

Слесарев А. В. Административно-канонический статус Белорусской митрополии в периоды немецкой оккупации и послевоенной эмиграции (1941–1956) 40

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

Худайбердиева Н. Х. Влияние Турции на политику нейтралитета и внешнюю политику Туркменистана (1995–2016) 51

К СТОЛЕТИЮ СОЗДАНИЯ БГУ

Малюгин О. И., Максимчик А. Н. И. В. Волк-Леванович и его воспоминания: штрихи к портрету лингвиста 59

Попов М. В., Суворов М. В. Педагог-ученый С. З. Каценбоген и Свердловский государственный педагогический институт в 1935–1946 гг. 80

АРХЕОЛОГИЯ

Вайтович А. В. Культура шаровидных амфор на территории Западного Полесья: история изучения и современное состояние исследований 91

ЮБИЛЕИ

Анатолий Петрович Сальков 103

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Ярмолич Ф. К. Гужаловский А. А. Красный карандаш: очерки по истории цензуры в БССР 106

ПАМЯТИ УЧЕНОГО

Анатолий Михайлович Лютый 109

Аннотации депонированных в БГУ работ 112

ЗМЕСТ

ГІСТОРЫЯ БЕЛАРУСІ

Нагірны В. М. Да пытання аб асобе Жыраслава Нажыравіча, які ўзначальваў паход кіеўскіх войскаў на Менск у 1159 г. 5

Антановіч З. В. Масавыя крыніцы па асабовым складзе праваслаўнага і рымска-каталіцкага духавенства канца XVIII – пачатку XX ст. 11

Гушчынскі І. Г. Судовая сістэма на тэрыторыі Беларусі ў 1797–1840 гг. 19

Лаўрыновіч Д. С. Дэпутаты III і IV Дзяржаўнай думы ад Магілёўскай губерні: сацыяльныя і палітычныя характарыстыкі 31

Слесараў А. В. Адміністрацыйна-кананічны статус Беларускай мітраполіі ў перыяды нямецкай акупацыі і пасляваеннай эміграцыі (1941–1956) 40

УСЕАГУЛЬНАЯ ГІСТОРЫЯ

Худайбердыева Н. Х. Уплыў Турцыі на палітыку нейтралітэту і знешнюю палітыку Туркменістана (1995–2016) 51

ДА СТАГОДДЗЯ СТВАРЭННЯ БДУ

Малюгін А. І., Максімчык А. М. І. В. Воўк-Левановіч і яго ўспаміны: штрыхі да партрэта лінгвіста 59

Папоў М. В., Сувораў М. В. Педагог-вучоны С. З. Кацэнбоген і Свярдлоўскі дзяржаўны педагагічны інстытут у 1935–1946 гг. 80

АРХЕАЛОГІЯ

Вайтовіч А. У. Культура шарападобных амфар на тэрыторыі Заходняга Палесся: гісторыя вывучэння і сучасны стан даследаванняў 91

ЮБІЛЕІ

Анатоль Пятровіч Салькоў 103

КРЫТЫКА І БІБЛІЯГРАФІЯ

Ярмоліч Ф. К. Гужалоўскі А. А. Чырвоны аловак: нарысы па гісторыі цэнзуры ў БССР 106

ПАМЯЦІ ВУЧОНАГА

Анатоль Міхайлавіч Люты 109

Анатацыі дэпаніраваных у БДУ прац 112

CONTENTS

BELARUSIAN HISTORY

Nagirnyy V. M. To the question of the personality of Zhiroslav Nazhirovich who led the Kyiv troops to Mensk in 1159 ... 5

Antanovich Z. V. Mass sources on the personnel of the orthodox and Roman-Catholic clergy of the end of the 18th – the beginning of the 20th century ... 11

Hushchynski I. H. The judicial system in the territory of Belarus in 1797–1840 ... 19

Lavrinovich D. S. Deputies from the Mogilev province to the State Duma III and IV: social and political characteristics ... 31

Slesarau A. V. The administrative and canonical status of the Belarusian Metropolis during the periods of German occupation and post-war emigration (1941–1956) ... 40

WORLD HISTORY

Khudaiberdieva N. Kh. Influence of Turkey on the policy of neutrality and foreign policy of Turkmenistan (1995–2016) ... 51

BELARUSIAN STATE UNIVERSITY CELEBRATES 100th ANNIVERSARY

Maliugin O. I., Maksimchik A. N. J. V. Volk-Levanovich and his memories: touches on the portrait of linguist ... 59

Popov M. V., Suvorov M. V. Pedagogue and scholar S. Z. Katsenbogen and Sverdlovsk State Pedagogical Institute in 1935–1946 ... 80

ARCHAEOLOGY

Vaitovich A. U. The Globular Amphora Culture on the territory of Western Palessye: history if research and current state of studies ... 91

JUBILEES

Anatol Piatrovich Salkou ... 103

REVIEW AND BIBLIOGRAPHY

Yarmolich F. K. Huzhalouski A. A. Red pencil: essays on the history of censorship in the BSSR ... 106

TO THE MEMORY OF SCIENTIST

Anatol Mihajlavich Liuty ... 109

Indicative abstracts of the papers deposited in BSU ... 112

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по историческим наукам, а также в области музееведения, консервации, реставрации историко-культурных объектов, документалистики, документоведения и архивоведения.

Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

Журнал Белорусского государственного университета. История.
№ 2. 2020

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск.
Почтовый адрес: пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск.
Тел. (017) 259-70-74, 259-70-75.
E-mail: jhistory@bsu.by
URL: https://journals.bsu.by/index.php/history

«Журнал Белорусского государственного университета. История» издается с января 1969 г. До 2017 г. выходил под названием «Веснік БДУ. Серыя 3, Гісторыя. Эканоміка. Права» (ISSN 2308-9172).

Редакторы *О. А. Семенец*, *С. Е. Богуш*
Технический редактор *Ю. А. Тарайковская*
Корректор *Л. А. Меркуль*

Подписано в печать 30.04.2020.
Тираж 100 экз. Заказ 162.

Республиканское унитарное предприятие «Информационно-вычислительный центр Министерства финансов Республики Беларусь».
ЛП № 02330/89 от 03.03.2014.
Ул. Кальварийская, 17, 220004, г. Минск.

© БГУ, 2020

Journal of the Belarusian State University. History.
No. 2. 2020

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliežnasci Ave., Minsk 220030.
Correspondence address: 4 Niezaliežnasci Ave., Minsk 220030.
Tel. (017) 259-70-74, 259-70-75.
E-mail: jhistory@bsu.by
URL: https://journals.bsu.by/index.php/history

«Journal of the Belarusian State University. History» published since January, 1969.
Until 2017 named «Vesnik BDU. Seryja 3, Gistoryja. Jekanomika. Prava» (ISSN 2308-9172).

Editors *O. A. Semenets, S. J. Bohush*
Technical editor *Y. A. Taraikouskaya*
Proofreader *L. A. Merkul'*

Signed print 30.04.2020.
Edition 100 copies. Order number 162.

Republican Unitary Enterprise «Informatsionno-vychislitel'nyi tsentr Ministerstva finansov Respubliki Belarus'».
License for publishing No. 02330/89, 3 March 2014.
17 Kal'varyjskaja Str., Minsk 220004.

© BSU, 2020